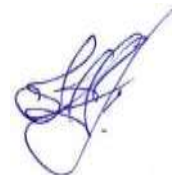

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Кубанский государственный университет»**

на правах рукописи

Адылханов Малик Гиябиевич

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ СВОБОДЫ СЛОВА

Специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:

Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
Коняхин Владимир Павлович

Краснодар – 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПРАВА НА СВОБОДУ СЛОВА: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.....	17
§ 1. Свобода слова как объект уголовно-правовой охраны.....	17
§ 2. Понятие и классификация преступлений, нарушающих право на свободу слова.....	29
§ 3. Пределы криминализации злоупотребления правом на свободу слова ...	39
Глава II. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ СЛОВА И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЙ ПРАВА НА СВОБОДУ СЛОВА	54
§ 1. Международно-правовые стандарты обеспечения права на свободу слова и особенности их имплементации в российском уголовном законодательстве.....	54
§ 2. Сравнительно-правовой анализ уголовно-правовых гарантий права на свободу слова	79
Глава III. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СВОБОДЫ СЛОВА И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИХ СОВЕРШЕНИЕ.....	97
§ 1. Уголовно-правовая характеристика неправомерного отказа в предоставлении гражданину информации (ст. 140 УК РФ)	97
§ 2. Уголовно-правовая характеристика воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ)	121
§ 3. Основные направления совершенствования законодательства об ответственности за преступления против свободы слова.....	147
Заключение	163
Библиография	177
Приложение	196

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Реформы 90-х годов ознаменовались переходом от официальной идеологии и тотального отсутствия свободы слова к её признанию одним из фундаментальных принципов построения нового российского общества, свободного от цензуры и государственного контроля за самовыражением личности. Право на свободу слова является критически важным для реализации других основополагающих прав человека: прав на свободу собраний и объединений, свободу мысли, совести и религии.

Понимая особую значимость свободы слова, гражданское общество крайне остро реагирует на попытки ее подавления, практически мгновенно объединяя представителей различных социальных групп, в том числе с отличными мировоззренческими позициями либо политическими убеждениями¹.

Однако глобальные изменения в мире убеждают в том, что свобода слова может выступать не только эффективным и действенным проводником общепризнанных стандартов прав человека, но и удобным прикрытием для деструктивного информационно-психологического воздействия на здоровье личности, манипулирования общественным сознанием, а также информационных войн, направленных на подрыв политической и социальной стабильности в обществе, размывание его нравственных и духовных основ. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отмечается, что «все большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей,

¹ «Ведомости», «Коммерсантъ» и РБК впервые вышли с одинаковой первой полосой. Она посвящена Ивану Голунову / [Электронный ресурс] // URL:<https://esquire.ru/articles/104972-vedomosti-kommersant-i-rbk-vpervye-vyshli-s-odinakovoy-pervoy-polosoy-ona-posvyashchena-ivanu-golunovu/> (дата обращения: 10.06.2019).

в том числе путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории»².

Признавая и оценивая подобные угрозы, отечественное уголовное законодательство последовательно движется по пути расширения ответственности за различные формы злоупотребления правом на свободу слова. Уже сейчас можно утверждать, что такие уголовно-правовые нормы представляют разветвлённую и довольно сложную систему со своей спецификой, выделяющей их в структуре всего уголовного законодательства.

Однако, эта тенденция, получающая всё большее развитие, сопряжена с вполне конкретными рисками, поскольку уголовный закон может быть использован не только для конституционно оправданного и необходимого ограничения свободы слова, но в качестве эффективного инструмента подавления политической активности граждан. Неопределённость конструктивных признаков ряда составов преступлений вкупе с их весьма свободным и, как следствие, не единообразным толкованием создаёт условия для правоприменительных ошибок, а зачастую и ангажированного применения мер уголовной репрессии.

Уголовно-правовые гарантии права на свободу слова реализуются на двух самостоятельных, но взаимодополняющих уровнях: 1) при конструировании специальных норм об ответственности за нарушение конституционного права на свободу слова; 2) при криминализации различных форм злоупотребления правом на свободу слова. Российская уголовно-правовая наука лишь приближается к построению единой доктрины об уголовно-правовом обеспечении права на свободу слова. Убедительным тому подтверждением является исключение в декабре 2011 г. и возрождение в июле 2012 г. ответственности за клевету с дополнительной криминализацией клеветы в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава. О проблемах реализации

²Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.01.2016. №1 (часть II). Ст. 212.

уголовной репрессии в аспекте обеспечения права человека на свободу слова свидетельствует и значимое решение Конституционного Суда Российской Федерации по делу Ильдара Дадина³.

Имеющиеся рекомендации по криминализации и квалификации отдельных видов преступных нарушений права на свободу слова рассредоточены по множеству работ, многие из которых перегружены задачами сугубо прикладного характера. В то же время очевидно, что без соответствующей общетеоретической базы эффективное решение проблем уголовно-правового обеспечения права на свободу слова невозможно.

В свете изложенного своевременной видится постановка вопроса о необходимости проведения всестороннего исследования комплекса теоретических и практических проблем, связанных с уголовно-правовыми гарантиями права на свободу слова⁴.

Степень теоретической разработанности темы исследования. Отдельного комплексного исследования, посвящённого проблемам уголовно-правового обеспечения права на свободу слова, ранее не проводилось. Общие вопросы пределов ограничения свободы слова средствами уголовного права рассматривались в работах И. И. Барышевой, З. М. Бешуковой, Г. А. Есакова, С. М. Оленникова, Ю. Е. Пудовочкина и др.

Проблематика уголовно-правовой охраны чести и достоинства исследовались на диссертационном уровне А. Н. Александровым, Т. Ю. Вавилычевой, С. С. Киселевым, М. М. Королевой, С. С. Омельченко, В. Б. Поезжаловым, А. А. Розикзода, Е. О. Рыбиной и др.

Уголовно-правовая характеристика отдельных преступлений, связанных с призывами к преступной деятельности, представлена в исследованиях С. В. Борисова, А. В. Жеребченко, А. Г. Кибальника, И. М. Кунова, В. С. Соловьева, А. Г. Хлебушкина, З. А. Шибзухова и др.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина» // СПС «Консультант-Плюс».

⁴ Этот вывод об актуальности темы диссертационного исследования нашел поддержку у 83% опрошенных экспертов (ученых и практиков).

Вместе с тем уголовно-правовые гарантии права на свободу слова в качестве самостоятельной научной проблемы ещё не анализировались, что позволяет утверждать о существовании определённого пробела в отечественной доктрине уголовного права.

Цель настоящего исследования заключается в получении нового знания об уголовно-правовых гарантиях свободы слова, а также в разработке теоретических положений, которые могут быть положены в основу их совершенствования.

Достижение указанной цели реализовывалось путем решения следующих исследовательских **задач**:

- определить свободу слова в отраслевом контексте, то есть в качестве объекта уголовно-правовой охраны;
- сформулировать понятие и классифицировать преступления, нарушающие право на свободу слова;
- уточнить пределы криминализации злоупотребления право на свободу слова и определить их реальное содержание;
- провести комплексное исследование источников международного права на предмет обеспечения права на свободу слова и выделить особенности имплементации международных стандартов правовой защиты в российском уголовном законодательстве;
- осуществить комплексный анализ определения уголовно-правовых гарантий права на свободу слова по законодательству зарубежных стран;
- дать уголовно-правовую характеристику преступлений против свободы слова;
- изучить практику применения уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против свободы слова;
- разработать рекомендации по квалификации преступлений против свободы слова;
- сформулировать предложения по внесению изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) в части ответственности за

преступления против свободы слова, а равно за злоупотребление правом на свободу слова.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с установлением и реализацией уголовно-правовых норм об ответственности за нарушение конституционного права на свободу слова, а равно об ответственности за злоупотребление этим правом.

В качестве **предмета диссертационного исследования** выступили: право на свободу слова как объект уголовно-правовой охраны; международные стандарты его обеспечения; преступления, посягающие на свободу слова; уголовно-правовые нормы об ответственности за посягательства на свободу слова, а также об ответственности за злоупотребление этим правом; проблемы применения соответствующих уголовно-правовых норм.

Методологическую основу диссертационного исследования составили общенаучные (принципы, категории, законы диалектики и системного подхода, дедукция, индукция, анализ, синтез, определение, классификация), а также частнонаучные (сравнительно-правовой, историко-правовой и др.) методы научного познания.

В процессе получения эмпирического материала использовались анкетирование и интервьюирование практических работников судебно-следственных органов, представителей СМИ и граждан.

Нормативную базу исследования составляют международные правовые акты, Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и др.

Теоретической основой диссертации являются доктрина российского уголовного права, а также относящиеся к объекту исследования труды в области теории государства и права, международного права, информационного права, криминологии, социологии и др. При проведении исследования

использовались работы М. В. Баглая, А. Г. Кибальника, В. П. Коняхина, Л. Л. Кругликова, В. Н. Кудрявцева, А. А. Малиновского, Л. Г. Мачковского, А. В. Наумова, К. В. Ображиева, Ю. Е. Пудовочкина, А. И. Рарога, М. Д. Шаргородского и др.

Отдельно следует выделить знаковую монографию академика В. Н. Кудрявцева о свободе слова⁵. Совокупность идей, изложенных в данной работе, вопросы, которые были поставлены перед юридической наукой, обеспокоенность В. Н. Кудрявцева статусом человека и тем, что «главное для человека – свобода», во многом предопределили и выбор темы настоящего диссертационного исследования.

Эмпирическая база диссертационного исследования представлена:

- данными официальной статистики о применении уголовно-правовых норм об ответственности за посягательства на свободу слова с 1997 по 2018 гг.;
- материалами 108 уголовных дел, в числе которых 32 дела по фактам посягательств на свободу слова и 76 по фактам злоупотребления правом на свободу слова;
- результатами проведенного социологического исследования (анкетирования) по вопросам реализации свободы слова в России, в ходе которого опрошены: а) практикующие юристы г. Москвы и г. Санкт-Петербурга, Московской, Тульской и Воронежской областей, Краснодарского и Ставропольского края, Республики Дагестан (18 судей, 26 прокуроров и их помощников, 83 сотрудников органов предварительного расследования и оперативных подразделений; 32 адвоката); б) представители уголовно-правовой науки (42 кандидата и 18 докторов юридических наук); в) 86 сотрудников СМИ и 55 граждан;
- результатами изучения материалов правоприменительной практики;
- сведениями, полученными в результате контент-анализа и обобщения информации, опубликованной на протяжении с 1997 по 2018 гг. в таких

⁵Кудрявцев В. Н. Свобода слова. М., 2006.

изданиях как «Ведомости», «Известия», «Коммерсантъ», «Независимая газета», «Новая газета», «Российская газета» и др.

Научная новизна диссертации заключается, прежде всего, в том, что она представляет собой первое исследование, в котором интегративно представлено решение теоретических и прикладных проблем, связанных с уголовно-правовой охраной свободы слова и с уголовно-правовыми гарантиями при криминализации злоупотребления правом на свободу слова.

В диссертации сформулировано авторское определение свободы слова как объекта уголовно-правовой охраны; представлены результаты доктринальной экспертизы российского уголовного законодательства на предмет его соответствия международным стандартам обеспечения права на свободу слова; определены пределы криминализации злоупотребления правом на свободу слова; осуществлена систематизация преступлений, нарушающих право на свободу слова; сформулированы предложения по разрешению дискуссионных вопросов, связанных с содержанием конструктивных признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 140 и 144 УК РФ, а также рекомендации по их квалификации; выявлены резервы для совершенствования уголовно-правовых гарантий права на свободу слова и разработаны теоретические предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства.

На защиту выносятся следующие **основные положения**:

1. ***Вывод об асимметрии российского уголовного законодательства в обеспечении права на свободу слова***, которая проявляется, с одной стороны, в отсутствии специального уголовно-правового запрета на незаконное воспрепятствование осуществлению гражданином гарантированного Конституцией Российской Федерации права на свободу слова, а с другой стороны, в перенасыщении УК РФ нормами об ответственности за злоупотребление таким правом (ст. 110-110², 119, 128¹, 137, 185³, ч. 1 ст. 205¹, ст. 205², ч. 3 ст. 212, ст. 230, 240, 242, 242¹, 280, 280¹, 282, 297, 298¹, 319, 336, 354, 354¹, ч. 2 ст. 361 УК РФ и др.).

2. Авторское определение свободы слова как объекта уголовно-правовой охраны, под которым предложено понимать совокупность общественных отношений, связанных с реализацией естественного, гарантированного Конституцией Российской Федерации права на распространение в любой форме идей, мнений, убеждений и другой не запрещённой законом информации, а равно права на отказ от совершения указанных действий.

3. Результаты доктринальной экспертизы российского уголовного законодательства на предмет его соответствия международно-правовым стандартам обеспечения права на свободу слова:

– отсутствие в УК РФ специального запрета на воспрепятствование реализации человеком права на свободу слова не соответствует основополагающему требованию международного стандарта в области свободы слова, касающегося обязанности государств всемерно и эффективно охранять свободу выражения мнения и информации от возможных нарушений и неправомерного вмешательства (ст. 2 и 19 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.);

– используемые в ч. 1 ст. 148 УК РФ, а также в ст. 354¹ УК РФ конструкции не обладают требуемой нормами международного права формальной определённой, вследствие чего допускают возможность несоразмерного ограничения права на свободу слова человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации;

– положения ст. 205² УК РФ об ответственности за публичное оправдание идеологии терроризма не соответствуют ст. 5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма, идут вразрез с позицией мирового сообщества, согласно которой уголовно-правового противодействия требует не идеология нацизма, терроризма, экстремизма как таковая, а оправдание или отрицание конкретных действий, событий, исторических фактов, ставших трагическими последствиями подобной идеологии;

– редакция ст. 357 УК РФ не в полной мере соответствует Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948 г.), которая в качестве преступления называет публичные призывы к совершению геноцида (ст. 3).

4. Результаты компаративного анализа уголовного законодательства позволили осуществить типологизацию основных подходов к установлению уголовно-правовых гарантий права на свободу слова:

– уголовно-правовые гарантии свободы слова нацелены на защиту законной профессиональной деятельности представителей средств массовой информации (Азербайджан, Казахстан, Молдова, Российская Федерация);

– уголовно-правовые гарантии свободы слова сводятся к криминализации преследования гражданина за критику (Беларусь, Китай, Таджикистан);

– уголовно-правовая защита свободы слова осуществляется посредством регламентация обстоятельств, исключающих уголовную ответственность при реализации лицом права на свободу слова (Великобритания, Германия, Канада, Финляндия, Швеция и др.);

– обеспечение свободы слова посредством законодательной регламентации общей нормы об уголовной ответственности за неправомерное ограничение свободы слова человека (Грузия, Финляндия, Франция и др.).

Для эффективной уголовно-правовой охраны свободы слова необходимо взять за основу последний подход, который в наибольшей мере соответствует международным стандартам, сохранив при этом в УК РФ существующие уголовно-правовые нормы об ответственности за наиболее опасные посягательства на свободу слова.

5. Пределы криминализации злоупотребления права на свободу слова – это солидаризирующиеся с требованиями общественной морали, а равно с картиной мира, сложившейся в общественном сознании, нормативно определённые границы (ограничения) вмешательства органов законодательной власти в сферу индивидуальной автономии личности, связанной с реализацией

права на свободу слова, посредством признания деяния преступлением, закрепления его признаков в уголовном законе и установления наказания.

К ним относятся: запрет на избыточное ограничение прав, свобод и законных интересов при конструировании и применении мер уголовно-правового принуждения; недопустимость принятия уголовно-правовых норм, содержание которых является неопределенным, допускающим возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения; недопустимость криминализации тех или иных форм информационного обмена в случаях, когда негативные последствия применения уголовной репрессии объективно превысят вред от криминализируемого деяния.

6. Система уголовно-правовых норм об ответственности за преступления, нарушающие право на свободу слова, может быть альтернативно определена:

– с точки зрения криминологического подхода, в рамках которого предлагается различать: а) преступления, связанные с принуждением к распространению информации либо к отказу от ее распространения (ст. 144, 183, 283¹, 302, 309 УК РФ); б) преступления, выражающиеся в сокрытии информации либо уклонении от ее предоставления (ст. 140, 237 УК РФ); в) преступления, связанные с воспрепятствованием осуществлению отдельных прав (социальных, политических, религиозных и др.), неразрывно связанных с реализацией права на свободу слова (ст. 141, 142¹, 142², 148, 149 УК РФ); г) служебные преступления, элементом объективной стороны которых является использование специальных полномочий в целях неправомерного вмешательства в процесс осознанного информационного поведения человека (ст. 136, 201, 285, 286 УК РФ); д) преступления, связанные с непосредственным посягательством на субъекта распространения информации либо на конкретный носитель, средство хранения или передачи такой информации (ст. 105, 111, 112, 115, 119, 167, 272, 277 УК РФ и др.);

– с формально-юридических позиций, с учетом которых в качестве элементов этой системы следует рассматривать преступления, непосредственно

посягающие на свободу слова (преступления против свободы слова), – неправомерный отказ в предоставлении гражданину информации (ст. 140 УК РФ) и воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ).

7. Уточненная уголовно-правовая характеристика состава отказа в предоставлении гражданину информации (ст. 140 УК РФ):

– в контексте ст. 140 УК РФ под неправомерным отказом должностного лица в предоставлении информации следует понимать направление заявителю сообщения по установленной форме об отказе в предоставлении запрашиваемой информации (материалов, документов) при соблюдении гражданином формы и порядка обращения за получением информации (материалов, документов) и при отсутствии специальных оснований для отказа в ее (их) предоставлении;

– при определении оценочного признака «вред правам и законным интересам граждан» применительно к ст. 140 УК РФ следует руководствоваться разъяснениями, сформулированными в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19, согласно которым существенность нарушения (значимая вредоносность в проекции ст. 140 УК РФ) имеет место при нарушении прав и свобод физических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией РФ;

– вина при совершении преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ, в качестве обязательного элемента включает осознание должностным лицом противоправности отказа в предоставлении информации, что равнозначно осознанию общественной опасности этого деяния.

8. Уточненная уголовно-правовая характеристика состава воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналиста (ст. 144 УК РФ) и теоретические рекомендации по квалификации этого преступления:

– воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста путем принуждения к отказу от распространения информации имеет два проявления: а) принуждение журналиста к отказу от распространения конкретной информации; б) принуждение к отказу от законной профессиональной деятельности журналиста в целом;

– обязательным признаком субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, является специальная цель – добиться распространения журналистом определенной информации либо отказа от такого распространения. В тех случаях, когда применение насилия к журналисту было обусловлено внезапно возникшей неприязнью, в том числе в связи с выполняемой им профессиональной деятельностью, и лицо не стремилось фактически завладеть тем или иным материалом, не высказывало требований прекратить осуществление видеосъемки и т.п., содеянное следует квалифицировать как преступление против жизни или здоровья;

– поскольку объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 144 УК РФ, охватывает лишь действия, связанные с уничтожением или повреждением имущества, открытое хищение журналистского оборудования требует самостоятельной уголовно-правовой оценки по ст. 161, 162 УК РФ в зависимости от конкретных фактических обстоятельств.

9. Основные направления совершенствования уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против свободы слова заключаются в: криминализации незаконного воспрепятствования осуществлению права на свободу слова; адаптации отечественного уголовного законодательства об ответственности за посягательства на свободу слова к новым условиям глобального пространства интернет-коммуникации; устранении юридико-технических недостатков действующих редакций ст. 140 и 144 УК РФ.

С учетом обобщения авторских инициатив по совершенствованию уголовно-правовой охраны свободы слова, в порядке *de lege ferenda* предложены новые редакции ст. 140 и 144 УК РФ, а также проект новой уголовно-правовой нормы (ст. 140¹ УК РФ) об ответственности за

воспрепятствование осуществлению права на свободу слова (изложены в тексте диссертации).

Теоретическая значимость исследования заключается в дополнении российской юридической науки новым знанием об уголовно-правовых гарантиях права на свободу слова. Положения и выводы диссертации развивают разделы отечественного уголовного права о его предмете и уголовной политике, криминализации, правилах кодификации и квалификации отдельных видов преступлений.

Практическое значение диссертационного исследования состоит в том, что его результаты могут быть непосредственно использованы в деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, а также в работе практикующих адвокатов и юристов, занимающихся представлением интересов граждан, потерпевших от преступлений. Сформулированные предложения по дальнейшему совершенствованию уголовного законодательства могут быть взяты за основу при разработке конкретных законопроектов по внесению изменений в УК РФ. Материалы диссертации будут полезны в учебном процессе, прежде всего, при преподавании дисциплины «Уголовное право» и связанных с нею спецкурсов.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность диссертационного исследования определяется использованием апробированных методов научного познания, соблюдением методологических требований теории уголовного права, а также репрезентативной эмпирической базой, на которой основывалось исследование.

Основные положения диссертации нашли отражение в 6 научных публикациях, в том числе в 4 статьях в изданиях, входящих в перечень ВАК при Минобрнауки России. Сформулированные по результатам проведенного исследования идеи и выводы докладывались автором на научных форумах: Всероссийской научной конференции «Уголовное право и информатизация преступности» (Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 25–26 мая 2018 г.), на заседании круглого стола «Квалификация преступлений:

общие и частные проблемы» (Университет прокуратуры Российской Федерации, 15 мая 2019 г.); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р. 1919 года: концептуальные основы и историческое значение (к 100-летию со дня принятия)» (Кубанский государственный университет, 13-14 декабря 2019 г.).

Материалы исследования используются в учебном процессе юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» и ФГКОУ «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих восемь параграфов, заключения, библиографии и приложения.

Глава I. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПРАВА НА СВОБОДУ СЛОВА: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

§ 1. Свобода слова как объект уголовно-правовой охраны

Является тавтологией утверждение, что свобода слова относится к той сфере жизнедеятельности человека, которая не может быть подвержена государственному вмешательству и необходима для обеспечения его нормального существования и развития. Однако неоспоримость указанного тезиса, пожалуй, может конкурировать лишь с его неясностью в том смысле, что, как известно, во всём мире и во все времена субъект публичной политической власти независимо от социальных условий и уровня экономического развития, а равно чего бы то ни было в принципе, всегда вмешивался в процесс распространения индивидуумом той или иной информации. В этом, на наш взгляд, заключается своеобразный парадокс указанного естественного права – чем более человечество заявляет о непреходящей значимости и нерушимости свободы слова, тем более сложным и искусным становится механизм её ограничения.

Вместе с тем с методологической точки зрения на первоначальном этапе исследования уголовно-правовых гарантий права на свободу слова⁶ необходимо определиться с тем, что, собственно, под этой свободой следует понимать. Упреждая вполне ожидаемые упреки профессионального сообщества в попытке завязать очередной схоластический спор о терминологии, следует остановиться на теоретической и практической значимости данной проблемы.

⁶ Для общей ясности в поставленном вопросе представляется необходимым прояснить собственную позицию относительно самого понимания «уголовно-правовых гарантий права на свободу слова». С учетом имеющихся мнений в отечественной юридической науке (см., например: Лошкарёв А. В. Правовые гарантии: теоретические проблемы определения понятия и классификации: автореф. дис. ...канд.юрид.наук. Краснодар, 2009) уголовно-правовые гарантии права на свободу слова следует определить как *специально выработанные обществом и государством, получившие отражение в уголовном законе, средства, обеспечивающие точную и беспрепятственную реализацию конституционного права на свободу слова.*

В отечественной правовой науке можно встретить весьма отличные, а иногда и противоположные, подходы к интерпретации свободы слова. Предметом разночтений, как правило, выступает соотношение свободы слова с такими близкими категориями как свобода мысли, свобода выражения мнения, свобода информации, свобода средств массовой информации и т.п. Одни авторы смешивают эти категории, указывают, что свобода слова как некая «протонорма» поглощает все иные производные от неё права, связанные с обращением информации. Другие исследователи последовательно отстаивают необходимость чёткого разделения свободы слова от иных информационных прав, утверждают об их самостоятельной природе, сущности и значении. Отсутствие какой-либо общепринятой позиции относительно содержания свободы слова закономерно затрудняет чёткое определение предмета настоящего исследования или попросту «размывает» его. Понятно, что не разобравшись в этом общем вопросе, неправильно переходить к частным аспектам уголовно-правовой охраны свободы слова. В связи с этим уместно привести известное изречение: «...кто берётся за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натывать» на эти общие вопросы...»⁷.

С другой стороны, правоприменительная практика складывается в основном именно так, каким образом и в каких терминах формулируется соответствующая задача. Термин, как и выраженное им понятие, являет собой тот смысловой круг, который может как чётко ограничивать пределы действий, так и открывать им достаточно широкий простор, в том числе для многочисленных злоупотреблений. Например, от того признаем ли мы формой свободного самовыражения публичное символическое действие, связанное с членовредительством, сжиганием каких-либо официальных документов, уничтожением либо повреждением государственных символов, порчей помещений или сооружений, во многом зависит юридическая оценка содеянного. Именно поэтому анализ свободы слова с точки зрения

⁷ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 15. М., 1961. С. 369.

терминологии, предопределяющей те или иные возможности для правоприменения, направлено к углублению имеющихся представлений о современных проблемах противодействия преступлениям, как связанным со злоупотреблением правом на свободу слова, так и посягающим на таковую.

Изучение современной литературы показывает, что многие авторы свободу слова не отделяют от свободы мысли. Эти свободы довольно часто употребляются как взаимообусловленные и взаимосвязанные, поскольку, как известно, свободному самовыражению закономерно предшествует свободное размышление. Так, М. А. Дубровина свободу мысли и слова рассматривает как неделимое правомочие и определяет его как «неотъемлемое право каждого, принадлежащее человеку от рождения, обеспечиваемое повышенной правовой охраной, позволяющее человеку самореализовываться, отражающее прогрессивные тенденции развития правового государства и являющееся принципом построения взаимоотношений человека с государством»⁸. Разделяя в целом приведённое суждение, нельзя не отметить, что автор концентрирует своё внимание на общей природе и значении «свободы мысли-слова», не особо погружаясь в содержательную сторону вопроса.

Свобода мысли так или иначе является уделом внутреннего мира человека и в этом смысле практически не подвержена правовому, а равно какому-либо другому регулированию. В отечественной юридической литературе встречаются утверждения, что свободу мысли вообще не стоило бы упоминать в части охраняемой законом сферы, поскольку «трудно представить, какими способами может быть ущемлена или ограничена данная свобода»⁹. Указанный тезис представляется дискуссионным в том аспекте, что закрепление свободы мысли в Конституции Российской Федерации прежде всего имеет своей целью гарантировать каждому человеку защиту от осуществляемого вопреки его воли целенаправленного информационного

⁸ Дубровина М. А. Защита конституционного права на свободу мысли и слова в современной России: дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С.38.

⁹ Плясунов В. В. Закрепление свободы слова в основных законах государств-членов Евразийского экономического союза // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 3. С. 20.

воздействия. Защитные возможности психики человека имеют известные пределы. Используя наиболее изощрённые способы формирования коллективного сознания недобросовестные идеологи преодолевают мировоззренческие установки (барьеры) личности и по сути «перекраивают» идейное поле человека по своим заранее заготовленным лекалам. Иными словами свобода мысли это свобода каждого не слушать, не читать, не смотреть, не воспринимать в какой бы то ни было форме информацию, которая по мнению человека имеет нежелательный (вредный) для него характер. Ярким литературным примером, демонстрирующим значимость правовой охраны свободы мысли человека, пожалуй, является заключительная сцена из знаменитой антиутопии Джорджа Оруэлла «1984», где главный герой подвергается не физиологической, а интеллектуальной казни, когда его сознание теряет некогда обрётённую независимость и превращается лишь в очередную копию установленного высочайшим руководством «общего сознания». В данном аспекте нам импонирует мнение Н. О. Травникова, который пишет, что «недоступность внутреннего мира человека не означает, что нельзя осуществлять влияние на сами мысли человека, на процесс и конечный результат их образования. Здесь возникают предпосылки для конституционно-правового регулирования»¹⁰. Следует дополнить, что не только для конституционно-правового регулирования, но и для уголовно-правовой охраны. В данной связи представляется оправданной позиция А. Г. Кибальника, который отмечает, что «...нарушение свободы мысли, к сожалению, уголовным законодательством прямо не запрещено...никакой человек не может быть ограничен в свободе своей мыслительной деятельности и её изъятии (если, конечно, это само по себе не является преступлением... поэтому представляется необходимым дополнить ст. 148 УК РФ указанием на то, что уголовная ответственность наступает и за воспрепятствование свободе

¹⁰ Травников Н. О. Соотношение права на информацию со смежными конституционными правами // Современное право. 2015. № 3. С. 58 – 62.

мысли»¹¹. Оставляя за скобками предлагаемую модель коррекции отечественного уголовного закона (к этому мы обратимся уже в следующей главе диссертации), нельзя отказать автору в правильности постановки самой проблемы.

Наиболее ограничительным пониманием свободы слова является её трактовка как выражения лицом *своих мнений* в устной или письменной (печатной) форме¹². М. В. Баглай пишет по данному поводу: «Свобода слова предполагает право говорить всё, что угодно, а также охватывает сумму убеждений, мнений, идей, выраженных как устно, так и печатно в произведениях изобразительного искусства, научных исследованиях, художественной литературе и музыке, всё то, что выражает мысль человека, его устремления и надежды»¹³. Два значимых критерия – собственность суждения и строгость формы манифестации мысли – дают в итоге весьма урезанное представление о свободе слова. Сторонники такого подхода полагают, что свобода слова не может быть выражена, например, «символическим действием», поскольку это уже свобода выражения мнения. Равным образом, трансляция информации, не составляющей собственных представлений лица, тоже не может рассматриваться в рамках свободы слова, а в большей мере подпадает под режим свободы информации.

С. А. Авакьян пишет, что «мнением надо считать не просто внутреннее суждение личности, а внешнее выражение такого суждения. Если человек что-то оценил, но держит свой взгляд внутри себя, мы не имеем представления о его суждении. Если человек хочет, чтобы его мнение стало известно окружающим, он вынужден его как-то изложить»¹⁴. Таким образом, в самом

¹¹ Кибальник А. Г. Современное международное уголовное право: монография. М., 2010. С. 200.

¹² См., например: Плясунов В. В. Закрепление свободы слова в основных законах государств-членов Евразийского экономического союза // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 3. С. 21.

¹³ Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. Учебник для вузов. 4-е изд. М., 2004. С. 222.

¹⁴ Авакьян С. А. Свобода общественного мнения и конституционно-правовые гарантии её осуществления // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 1. С. 13.

расширительном понимании формой выражения мнения может выступать участие в массовых мероприятиях, как и само присутствие человека в составе определённой группы, поскольку тем самым человек публично выражает свою внутреннюю приверженность тем идеям, которые данная группа отстаивает.

Н. Ю. Корченкова специально подчёркивает, что в отличие от права на информацию свобода слова «нацелена на свободное циркулирование *оценочной информации, мнений и позиций отдельных лиц* (выделено мной – М. А.). Свобода слова нацелена на обмен мнениями по поводу общественных дел, право на информацию – на получение значимых сведений из государственных ресурсов»¹⁵.

Таким образом, принципиальным аспектом, на который обращают внимание теоретики, является то, что право на распространение информации затрагивает проблематику объективного освещения фактов, в свою очередь свобода слова есть не более чем гарантированное законом право каждого публично высказывать своё субъективное отношение (мысли, идеи, оценки и т.п.) по поводу тех или иных событий.

К этой позиции близка Т. Л. Кичигина, которая обосновывает, что «право на информацию как одно из наиболее важных прав личности охватывает свободу слова, поскольку представляет собой право свободно выражать свои мнения и убеждения, искать, получать и распространять информацию»¹⁶.

Не соглашается с таким подходом М. К. Башаратьян. Автор указывает, что «свобода слова, первоначально трактовавшаяся как свобода устного выражения своих собственных мыслей (взглядов, мнений, убеждений), постепенно, по мере развития публичной жизни и печати расширила своё содержание, охватив высказывания в любой форме (в печати, СМИ и интернет-

¹⁵ Корченкова Н. Ю. Становление теоретико-правовой концепции права на информацию: дис. ...канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. С.88.

¹⁶ Кичигина Т. Л. Право на информацию и свобода печати: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 1992.

ресурсах) и независимо от того передаёт ли лицо собственные убеждения или третьих лиц»¹⁷.

Последняя точка зрения представляется наиболее предпочтительной, поскольку, на наш взгляд, отстаиваемое отдельными авторами сигнификативное значение принадлежности распространяемых идей и мнений видится, по большому счёту, гипертрофированным. Далеко не этот фактор раскрывает природу и содержание свободы слова.

Индифферентным также является и то обстоятельство, в какой именно форме и каким способом человек решил выразить свою или чужую позицию по тому или иному вопросу. Это может быть не только и не столько «слово» *per se*. Человек может выразить позицию в экспрессивном действии, в инсталляции, в публичной демонстрации тех или иных объектов и т.д. Главным фактором здесь выступает объективное стремление лица донести до других свою позицию, оценку, суждение и т.п.

Не менее дискуссионным является вопрос о соотношении свободы слова и права на информацию. Отдельные специалисты последовательно отстаивают позицию об их самостоятельной природе и значении. Как пишет по этому поводу А. В. Малько, «право на информацию – самостоятельное конституционное право. Оно не охватывается полностью свободой слова и печати. Оно богаче, содержательнее и имеет собственную субстанцию, играя свою роль в удовлетворении определённых интересов субъектов»¹⁸. Эту точку зрения также отстаивает Л. А. Нудненко, отмечая, что «право на информацию обладает самостоятельной природой и содержанием, поэтому его не следует рассматривать как составную часть конституционного права человека на свободу слова»¹⁹. Лейтмотивом подобных воззрений является тезис о том, что

¹⁷ Башаратьян М. К. Система конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации в сфере деятельности средств массовой информации: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2007. С. 106.

¹⁸ Малько А. В. Право гражданина на информацию: необходимость, природа, гарантии реализации // Правоведение. 1995. № 3. С. 14.

¹⁹ Нудненко Л. А. Конституционно-правовая природа права личности на информацию // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 8. С. 26.

право на информацию в большей степени реализуется посредством осуществления лицом действий, направленных на поиск и сбор информации, в полномочиях требовать предоставления определённой информации от обязанных субъектов.

Вместе с тем мышление человека питается той информацией, которую получает извне. В этом смысле то, о чём мы думаем и какие выводы делаем, и каких ценностей (убеждений) придерживаемся всегда детерминировано внешним информационным пространством. Без свободы слова мысль человека практически всегда будет искажена по причине одностороннего восприятия действительности, а значит по определению не может быть свободной. Ясность, основанная на доступности информации, внутренне присуща как свободе мысли, так и свободе слова. Именно транспарентность информационного поля определяет как и с опорой на что лицо будет формулировать свои собственные суждения. В связи с этим отдельные авторы определяют право на свободу слова несколько в ином аспекте, а именно «как гарантию против вмешательства государства в важнейшую сферу человеческой жизни – коммуникацию»²⁰. С учетом подобной коммуникативной сущности свобода слова может включать в себя целый ряд свобод и запретов.

Из похожих соображений А. А. Щербович делает вывод, что «закреплённая в законе свобода слова представлена правовым институтом, совокупностью взаимосвязанных норм, регулирующих общественные отношения в сфере обращения информации. Свобода слова складывается из целого перечня прав и свобод, закреплённых нормативными актами различного уровня. Эти права и свободы обеспечивают её реализацию, устанавливают условия и гарантии её осуществления»²¹.

По мнению А. Ю. Прохорова, «свобода слова является демократическим политико-правовым институтом, представляющим собой совокупность

²⁰ Кочев В. А., Экумаев А. Б. Право на свободу слова как основное право // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 2. С. 134-142.

²¹ Щербович А. А. Конституционные гарантии свободы слова и права доступа к информации в сети Интернет: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2013. С. 21.

правовых норм, регулирующих однородные общественные отношения в информационной сфере и институциональных гарантий поиска, получения, производства, передачи и распространения информации, имеющей значение для граждан государства»²².

М. Я. Муратов, рассматривая свободу слова в структуре правового статуса личности, определяет её как «естественную, юридически признанную и нормативно закреплённую возможность каждого самостоятельно выбирать вид и меру своего речевого поведения— высказывать идеи, мнения и убеждения (распространять их письменно или устно, в полном объёме или частично, по любым вопросам и на любую тему, если это не создаёт угрозу правоохраняемым интересам)»²³. Вместе с тем, сам автор выделяет значительное количество её составляющих, среди которых и право придерживаться определенных мнений и отказываться от них, право выражать свои мысли и убеждения, искать, получать, а также распространять информацию в любой форме, право на литературное творчество и др.²⁴

Об институциональной природе анализируемого явления в своё время писал В. Н. Кудрявцев, отмечая, что «свобода слова это правовой институт, то есть система правовых норм, гарантирующих возможность выражения каждым человеком своих взглядов и суждений и, вместе с тем, устанавливающих необходимые ограничения в этой области»²⁵.

Нет общепринятого видения и относительно соотношения свободы слова и свободы средств массовой информации. Так, по мнению А. Б. Эктумаева, «будучи непосредственно связанной с информационными

²² Прохоров А. Ю. Политико-правовые технологии ограничения свободы слова в современных средствах массовой информации (на примере сети Интернет): автореф. дис. ...канд юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. С. 8-9.

²³ Муратов М. Я. Право на свободу слова: история и современность: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2002. С. 7.

²⁴ Муратов М. Я. Там же. С.8-9.

²⁵ Кудрявцев В. Н. Свобода слова. М., 2006. С. 100.

ресурсами, свобода массовой информации выступает по отношению к свободе слова как дополнительное право»²⁶.

А. А. Малиновский приходит к несколько другому выводу, отмечая, что свобода слова и свобода массовой информации выступают самостоятельными правовыми явлениями, поскольку «...в первом случае мы сталкиваемся с личной свободой, а во втором – с институциональной (то есть свободой независимого политического института)»²⁷.

Неодинаковый смысл, вкладываемый разными авторами в понятие свободы слова, существенно затрудняет последовательное, всестороннее и глубокое исследование проблем её уголовно-правовой охраны. Так, институциональный подход, предполагающий включение в неё правомочий, связанных с поиском и получением информации, закономерно подводит к выводу о том, что к преступлениям против свободы слова необходимо будет отнести и преступления, посягающие на безопасность информационного ресурса (ст. 237, 272, 325, 327 УК РФ и др.).

В разрешении вопроса об определении свободы слова как объекта уголовно-правовой охраны следует также учитывать, что данное явление отнюдь не исчерпывается правомочиями, связанными с возможностью распространения информации. Как справедливо отмечается в литературе, свобода слова может рассматриваться как в позитивном, так и в негативном проявлении: позитивно – как целенаправленное мыслительно-речевое действие; негативно – как сознательное мыслительно-речевое бездействие²⁸. А. Б. Эктумаев дополнительно обосновывает, что «субъективное право на свободу слова включает также свободу реализации, которая простирается вплоть до отказа от его использования, то есть включает также свободу на отказ от передачи и распространения каких-либо сообщений и свободу на отказ от

²⁶ Эктумаев А. Б. Свобода слова в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: дис. ...канд. юрид. наук. Пермь, 2012. С.9.

²⁷ Малиновский А. А. Свобода массовой информации: дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1995. С. 45.

²⁸ Малиновский А. А. Там же.

получения каких-либо сообщений»²⁹. В практике реализация лицом права на сознательное мыслительно-речевое бездействие может быть нарушено посредством принуждения к распространению какой-либо информации (например, положительного отзыва о деятельности хозяйствующего субъекта и т.п.), дискриминационного поведения в связи с убеждениями, которых лицо публично придерживается и не желает, несмотря на имеющееся давление, объявлять об изменении своей позиции, мнения, оценки и т.п.

И наконец, свободу слова как объект уголовно-правовой охраны, на наш взгляд, необходимо определять с учётом главенствующей в отечественной доктрине уголовного права социологической теории объекта, то есть как некую совокупность общественных отношений. Гарантированная нормами ряда международных документов сама свобода на распространение мнений и любой не запрещённой законом информации не может и не является мишенью её преступного ограничения. Как объект правового регулирования и уголовно-правовой охраны свобода слова всегда предстаёт в динамике – в конкретной реализации, в фактическом взаимодействии (отношении) между человеком и человеком, человеком и обществом, человеком и государством. Именно такая трактовка свободы слова позволяет что называется «прочувствовать» её, представить не как отвлечённый научный термин, безжизненный правовой постулат, а как обязательный элемент каждодневной социальной практики, обеспечивающий нормальное существование и развитие не только отдельного человека, но и общества в целом.

Таким образом, в качестве объекта уголовно-правовой охраны свободу слова можно определить как *совокупность общественных отношений, связанных с реализацией естественного, гарантированного Конституцией Российской Федерации права на распространение в любой форме идей, мнений,*

²⁹ Эктумаев А. Б. Там же. С. 8.

*убеждений и другой не запрещённой законом информации, а равно права на отказ от совершения указанных действий*³⁰.

Из предлагаемой формулировки свободы слова как объекта уголовно-правовой охраны можно выделить следующие общие признаки:

- естественность происхождения и гарантированность нормами Конституции Российской Федерации;
- заключается в распространении любой не запрещенной законом информации как субъективно-оценочной (мнения, суждения, оценки и т.д.), так и фактической (сведений о событиях, происшествиях, процессах и т.д.);
- индифферентность формы, которая предполагает не только традиционные вербальные, но и не поддающиеся точному исчислению невербальные способы информационного обмена;
- выражается как в активном поведении субъекта (распространении информации), так и в мыслительно-речевом бездействии (отказе от распространения информации, публичного выражения мнения и т.д.);
- представляет собой охраняемое нормами уголовного закона социально значимое отношение, обеспечивающее нормальное существование и развитие не только отдельного человека, но и общества в целом.

Конечно же, представленное понимание свободы слова как объекта уголовно-правовой охраны является субъективным видением автора и вне всякого сомнения может выступать лишь одной из предпосылок для дальнейшей разработки проблемы. Вместе с тем предлагаемая дефиниция, на наш взгляд, решает ряд важных теоретико-прикладных задач. Прежде всего она позволяет взглянуть на уголовно-правовую охрану свободы слова в фокусе обеспечения права человека на собственные убеждения и их беспрепятственное

³⁰ Данное определение нашло поддержку у 68% опрошенных нами экспертов. Следует отметить, что результаты социологического исследования показали, что наиболее спорным респонденты посчитали в предлагаемом определении использование признака «общественное отношение». В процессе обработки результатов и выборочного интервьюирования респондентов была конкретизирована позиция автора о том, что данное определение связано с выявлением содержания свободы слова в специфическом «статусе», то есть как объекта уголовно-правовой охраны. Такая конкретизация, как правило, приводила к поддержке со стороны респондентов с увеличением результата до 84%.

выражение, на свободную дискуссию по любому предмету, если это не создаёт угрозу для правоохраняемых интересов. С учётом последних уголовно-политических решений данная проблематика представляет наибольшую актуальность и практический интерес. Не будет преувеличением указать, что современное российское общество, пожалуй, в большей мере беспокоит не столько транспарентность информационного пространства страны (информационно-телекоммуникационные сети во многом снимают социальное напряжение в данной части), сколько гарантии свободного обмена мнениями, безопасного гражданского протеста, выражающегося в самых различных формах и по разным поводам³¹.

Кроме того, сформулированное понятие предлагает взглянуть на свободу слова, свободу выражения мнения и свободу информации, как на единое социально-правовое явление, охраняемое уголовным законом. При этом исходным и объединяющим началом здесь выступает именно свобода слова как универсальная категория, первичное условие для других свобод. Такая трактовка позволит отвлечься от имеющегося в общей теории деления и обратиться к проблемам уголовно-правовой охраны свободы слова независимо от формы, в которой она выражена, затрагивая в том числе художественную и артистическую сторону проблемы.

§ 2. Понятие и классификация преступлений, нарушающих право на свободу слова

Одной из главных исследовательских задач настоящей работы является определение общего понятия о преступлениях, нарушающих право на свободу слова, и формулирование их научной классификации. Необходимость решения проблематики категориального аппарата обуславливается: во-первых, разнообразием видов этих преступных деяний; во-вторых, тем, что они, обладая

³¹ Онлайн и по всем фронтам. Наступление на свободу выражения мнений в России // [Электронный ресурс] // URL: <https://www.hrw.org/ru/report/2017/07/18/307538> (дата обращения: 27.11.2018).

некоторыми общими признаками, имеют и существенные особенности, отличающие их друг от друга, и наконец, в-третьих, рассредоточением норм о преступлениях, в той или иной степени нарушающих право на свободу слова, по разным главам Особенной части УК РФ, что не позволяет говорить о существовании некой их классификации в самом законе. Полагаем, что успешное дефинирование преступлений, посягающих на свободу слова, их научная классификация будут служить основой и для правильной квалификации таких преступлений, позволит осмыслить качество их законодательного определения, в том числе в аспекте межотраслевых связей отечественного уголовного права.

Следует отметить, что в науке вопросы определения общего понятия и классификации преступлений против свободы слова практически не разработаны. Если выразиться конкретнее, проведенное нами исследование не позволило выявить ни одного доктринального подхода к формулированию понятия преступлений, нарушающих право на свободу слова. Так, Л. Г. Мачковский в своей работе употребляет термин *нарушения свободы слова*, к которым по отечественному уголовному законодательству автор относит два состава – неправомерный отказ в предоставлении гражданину информации (ст. 140 УК РФ) и воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ)³². Учитывая, что автор не даёт общего определения соответствующих нарушений и не выделяет их признаки, довольно сложно судить о том, почему к таковым нельзя относить, например, сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни и здоровья людей (ст. 237 УК РФ).

Д. Р. Гайнутдинов использует конструкцию *посягательства на свободу массовой информации* и указывает, что «все нормы, так или иначе, касающиеся данной сферы можно разделить на три группы: устанавливающие ответственность за преследование за критику; карающие за сокрытие

³² Мачковский Л. Г. Преступления против конституционных прав человека и гражданина: проблемы теории и практики правового регулирования: дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 221.

информации и за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов»³³.

А. Е. Ратникова предлагает определение *преступления, нарушающего право человека на информацию*, формулируя его следующим образом: «Предусмотренное уголовным законом умышленно совершенное общественно опасное деяние, причиняющее или создающее угрозу причинения вреда человеку путем нарушения его конституционного права на получение, обладание, пользование, воспроизводство, уничтожение информации, защиту от дезинформации и создание новой информации»³⁴.

Еще более расширительный подход использует Н. И. Амрахов, вводя в научный оборот категорию *преступлений против свободного волеизъявления*, относит к таковым деяния, предусмотренные ст. 140, 144, 148 и 149 УК РФ³⁵.

Как известно, разработка определений является завершающим этапом процесса обобщения и познания конкретного в действительности (единичного) и одновременно начальным этапом обратного перехода от абстрактного к конкретному, когда в мышлении синтезируется относительно истинное (на конкретном этапе познания) представление о реально существующих явлениях.

При разработке понятия преступлений, нарушающих право на свободу слова, прежде всего необходимо определить круг таких преступлений, т.е. сформировать общее представление о проявлении абстрактного понятия в единичном. Полагаем, что данный круг может быть очерчен посредством обособления составов, имеющих своим содержанием *неправомерное вмешательство лица в процесс осознанного информационного поведения человека*. Поскольку же такое вмешательство в уголовно-правовых нормах обозначается разными терминами или охватываются различными понятиями,

³³ Гайнутдинов Д. Р. Уголовная ответственность за посягательства на свободу массовой информации: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2007. С. 56.

³⁴ Ратникова А. Е. Уголовно-правовое обеспечение права на информацию: сравнительно-правовое исследование: дис. ...канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 84.

³⁵ Амрахов Н. И. Классификация преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина // Российский следователь. 2011. № 21. С. 17.

постольку решение данного вопроса связано с установлением совокупности таких терминов и понятий.

Наиболее явно неправомерное вмешательство лица в процесс осознанного информационного поведения человека обозначается в уголовном законодательстве посредством *принуждения к распространению информации либо к отказу от ее распространения*. Представителями данной группы выступают составы воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ), незаконных получения и разглашения сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайны (ст. 183 УК РФ), незаконного получения сведений, составляющих государственную тайну (ст. 283¹ УК РФ), принуждения к даче показаний (ст. 302 УК РФ), подкупа или принуждения к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу (ст. 309 УК РФ).

Другую группу образуют деяния, выражающиеся в *сокрытии либо уклонении от предоставления информации*, – отказ в предоставлении гражданину информации (ст. 140 УК РФ) и сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни и здоровья людей (ст. 237 УК РФ). Ранее в работе нами уже отмечалось то обстоятельство, что право лица на доступ к информации является имманентным для свободы слова. Без надлежащего уровня транспарентности никакой свободы слова быть не может в принципе, поскольку искаженное информационное поле обуславливает не свободное, а планируемое (прогнозируемое и допустимое) распространение информации.

В уголовном законодательстве неправомерное вмешательство лица в процесс осознанного информационного поведения человека также выражается посредством описания деяния как *воспрепятствования осуществлению отдельных прав (социальных, политических, религиозных и др.), неразрывно связанных с реализацией права на свободу слова*. В эту группу могут быть объединены составы воспрепятствования осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (ст. 141 УК РФ), фальсификации итогов

голосования (ст. 142¹ УК РФ), незаконных выдачи и получения избирательного бюллетеня, бюллетеня для голосования на референдуме (ст. 142² УК РФ), нарушения права на свободу совести и вероисповедания (ст. 148 УК РФ), воспрепятствования проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них (ст. 149 УК РФ). Как справедливо отмечают по данному поводу Н. С. Бондарь и А. А. Джагарян, свободное волеизъявление избирателей на выборах, прежде всего, обеспечивается свободой слова и свободой массовой информации³⁶.

В четвертую группу могут быть объединены составы общих служебных преступлений, элементом объективной стороны которых является *использование специальных полномочий в целях неправомерного вмешательства в процесс осознанного информационного поведения человека*. Данная группа, на наш взгляд, включает составы нарушения равенства прав и свобод человека и гражданина (ст. 136 УК РФ), злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК РФ), злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). Как справедливо отмечает по этому поводу В. Н. Кудрявцев, в современных российских условиях преследование за критику вполне может рассматриваться в рамках злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ)³⁷. Необходимо, однако, сделать оговорку, что такое решение будет возможно только при условии, что преследование осуществлялось должностным лицом при исполнении предоставленных ему полномочий.

И наконец, неправомерное вмешательство лица в процесс осознанного информационного поведения человека может заключаться в *непосредственном посягательстве на субъекта распространения информации либо на конкретный носитель, средство хранения или передачи такой информации*. В таком контексте как о преступлении против свободы слова можно говорить об убийстве (ст. 105 УК РФ), причинении вреда здоровью различной степени

³⁶ Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционная ценность избирательных прав граждан России. М., 2005. С. 77.

³⁷ Кудрявцев В. Н. Свобода слова: монография. М.: Норма : ИНФРА-М, 2019. С. 123.

тяжести (ст. 111 – 115 УК РФ), угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ), уничтожении или повреждении чужого имущества (ст. 167 УК РФ), неправомерном доступе к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), посягательстве на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ) и др. Памятуя о нелицеприятных фактах нашего прошлого, А. Н. Сайгашкин совершенно справедливо пишет, что «...в СССР была распространена практика помещения в психиатрический стационар диссидентов, т.е. инакомыслящих, размышляющих не в соответствии с официальной идеологией. Поскольку свобода мысли составляет по Конституции РФ атрибут свободы слова, помещение в настоящее время инакомыслящего человека в психиатрический стационар подпадает под признаки преступления, предусмотренного ст. 128 УК РФ»³⁸.

Таким образом, идея уголовно-правового обеспечения свободы слова не ограничивается специальными нормами, предусмотренными главой 19 УК РФ, а в некотором смысле «пронизывает» многие нормы Особенной части УК РФ. Н. И. Амрахов совершенно справедливо по этому поводу отмечает, что многие преступления, посягающие на конституционные права и свободы человека и гражданина, помещены в иные разделы и главы УК РФ³⁹.

Как представляется общими для всех преступлений, нарушающих право на свободу слова, являются следующие признаки: 1) преступность деяния в целом; 2) наличие однородного (непосредственного, дополнительного либо факультативного) объекта посягательства – общественных отношений, связанных с реализацией естественного, гарантированного Конституцией Российской Федерации права на распространение в любой форме идей, мнений, убеждений и другой не запрещённой законом информации, а равно права на отказ от совершения указанных действий; 3) умышленный (сознательный)

³⁸ Сайгашкин А. Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 158.

³⁹ Амрахов Н. И. Права и свободы человека и гражданина как объект уголовно-правовой охраны: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2006. С. 67.

характер допускаемого неправомерного вмешательства в процесс свободного распространения информации.

Таким образом, *преступления, нарушающие право на свободу слова, – это предусмотренные уголовным законом умышленные общественно опасные деяния, посягающие на общественные отношения, связанные с реализацией естественного, гарантированного Конституцией Российской Федерации права на свободу слова, независимо от того, являются ли эти общественные отношения конструктивным элементом состава преступления или нет.*

Представленные выше посягательства на свободу слова являются таковыми в самом широком *криминологическом* смысле, то есть это деяния, при совершении которых *фактически* может быть причинен вред общественным отношениям, складывающимся в связи и по поводу реализации конституционного права на свободу слова. Теоретическое выделение таких преступлений вполне обоснованно, так как способствует углубленному и на более высоком уровне обобщения изучению вопросов российского уголовного права об ответственности за посягательства на свободу слова.

В то же время в формально-юридическом смысле к составам *преступлений против свободы слова*, на наш взгляд, могут быть отнесены только те из ранее выделенных посягательств, в которых соответствующие общественные отношения выступают в качестве основного непосредственного объекта уголовно-правовой охраны. В этом смысле к таковым могут быть отнесены только два преступления – неправомерный отказ в предоставлении гражданину информации (ст. 140 УК РФ) и воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ). Таким образом, можно сделать вывод, что группы преступлений, фактически нарушающих право на свободу слова, и составов преступлений против свободы слова не являются тождественными.

Полагаем, что преступления против свободы могут быть определены как *предусмотренные уголовным законом умышленные общественно опасные деяния, непосредственно посягающие на общественные отношения, связанные*

с реализацией естественного, гарантированного Конституцией Российской Федерации права на свободу слова.

Следовательно, в формируемой нами системе преступления против свободы слова выступают лишь частью и, в сущности, центральным элементом (ядром) более общей группы посягательств – преступлений, нарушающих право на свободу слова. При этом очевидно, что преступления против свободы слова выделяются специфическим содержанием основного непосредственного объекта, а уголовно-правовые нормы их предусматривающие характеризуются более предметной уголовно-политической целью – обеспечить защиту конституционного права на свободу слова средствами механизма уголовно-правовой охраны.

Интерес представляет классификация преступлений, нарушающих право на свободу слова, по такому основанию, как направленность посягательства на один или два объекта. Если руководствоваться данным критерием рассматриваемые преступные деяния подразделяются на две группы: однообъектные и двухобъектные. К однообъектным относятся только те преступления, которые включены в группу преступлений против конституционных прав и свобод личности и непосредственно посягают на свободу слова как на основное личное право человека и гражданина (ст. 140, 144 УК РФ).

В свою очередь двухобъектными являются преступления, которые посягают не только на общественные отношения, обеспечивающие право человека на свободу слова, но и на другой объект, например, на отношения, связанные с обеспечением интересов правосудия. Преступлениями, нарушающими право на свободу слова, посягающими на два объекта, являются принуждение к даче показаний (ст. 302 УК РФ), подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу (ст. 309 УК РФ) и др. В законодательстве эти преступления рассредоточены по разным главам Особенной части УК РФ.

Преступления, нарушающие право на свободу слова, можно было бы классифицировать также по другим основаниям, например, по признакам, характеризующим потерпевшего, по степени тяжести преступления и др. Вместе с тем классификация преступлений, нарушающих право на свободу слова, по иным, помимо рассмотренных, основаниям, в целом не отражает их специфики и имеет в некотором роде вспомогательный (факультативный) характер.

В завершении данной части работы представляется необходимым выделить ее основные выводы и положения:

1) Преступления, нарушающие право на свободу слова, характеризуются следующими общими признаками: а) преступность деяния в целом; б) наличие однородного (непосредственного, дополнительного либо факультативного) объекта посягательства – общественных отношений, связанных с реализацией естественного, гарантированного Конституцией Российской Федерации права на распространение в любой форме идей, мнений, убеждений и другой не запрещённой законом информации, а равно права на отказ от совершения указанных действий; в) умышленный (сознательный) характер допускаемого неправомерного вмешательства в процесс свободного распространения информации;

2) Преступления, нарушающие право на свободу слова, – это предусмотренные уголовным законом умышленные общественно опасные деяния, посягающие на общественные отношения, связанные с реализацией естественного, гарантированного Конституцией Российской Федерации права на свободу слова, независимо от того, являются ли эти общественные отношения конструктивным элементом состава преступления или нет;

3) Система уголовно-правовых норм об ответственности за преступления, нарушающие право на свободу слова, может быть альтернативно определена:

– с точки зрения криминологического подхода, в рамках которого предлагается различать: а) преступления, связанные с принуждением к распространению информации либо к отказу от ее распространения (ст. 144,

183, 283¹, 302, 309 УК РФ); б) преступления, выражающиеся в сокрытии информации либо уклонении от ее предоставления (ст. 140, 237 УК РФ); в) преступления, связанные с воспрепятствованием осуществлению отдельных прав (социальных, политических, религиозных и др.), неразрывно связанных с реализацией права на свободу слова (ст. 141, 142¹, 142², 148, 149 УК РФ); г) служебные преступления, элементом объективной стороны которых является использование специальных полномочий в целях неправомерного вмешательства в процесс осознанного информационного поведения человека (ст. 136, 201, 285, 286 УК РФ); д) преступления, связанные с непосредственным посягательством на субъекта распространения информации либо на конкретный носитель, средство хранения или передачи такой информации (ст. 105, 111, 112, 115, 119, 167, 272, 277 УК РФ и др.);

– с *формально-юридических позиций*, с учетом которых в качестве элементов этой системы следует рассматривать преступления, непосредственно посягающие на свободу слова (преступления против свободы слова), – неправомерный отказ в предоставлении гражданину информации (ст. 140 УК РФ) и воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ);

4) Под преступлениями против свободы следует понимать предусмотренные уголовным законом умышленные общественно опасные деяния, непосредственно посягающие на общественные отношения, связанные с реализацией естественного, гарантированного Конституцией Российской Федерации права на свободу слова.

Преступления против свободы слова выделяются специфическим содержанием основного непосредственного объекта, а уголовно-правовые нормы их предусматривающие характеризуются предметной уголовно-политической целью – обеспечить защиту конституционного права на свободу слова средствами механизма уголовно-правовой охраны.

§ 3. Пределы криминализации злоупотребления правом на свободу слова

Комплексный подход к исследованию уголовно-правовых гарантий права на свободу слова так или иначе предполагает освещение достаточно сложной в теоретико-прикладном смысле и остро обсуждаемой в современном российском обществе проблемы, связанной с признанием конкретных форм информационного обмена преступными и наказуемыми. Как справедливо отмечает А. А. Кондрашев, «в российском социуме уже давно существует чёткий общественный запрос: каковы должны быть основания и формы ограничений прав и свобод человека, а главное, где граница между допустимым ограничением права и законодательным произволом, могут ли быть определены эмпирически верифицируемые критерии ограничений прав и свобод законодателем или таковых нет вообще?»⁴⁰.

Освещение криминализационных пределов злоупотребления правом на свободу слова не является простой задачей. Прежде всего, несмотря на традиционный характер самой конструкции «злоупотребление правом», она до настоящего времени выступает предметом острой научной полемики и, как следствие, доктриной чётко не определена. Взгляды на содержание, природу и значение злоупотребления правом разнятся принципиально – от признания его лишённым всякого смысла как соединяющего взаимоисключающие понятия: «право» и «злоупотребление», до придания ему статуса самостоятельного типа правового поведения. Если попытаться систематизировать всё многообразие мнений относительно определения злоупотребления правом, то, пожалуй, можно выделить следующие четыре подхода:

1) злоупотребление правом представляет собой *правонарушение*, заключающееся во вредоносном осуществлении лицами принадлежащих им субъективных прав. Подобный тезис можно встретить как в исследованиях по

⁴⁰ Кондрашев А. А. Ограничения конституционных прав в Российской Федерации: теоретические подходы и политико-правовая практика // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 41.

общей теории права. Так, например, С. Г. Зайцева в своей работе обосновывает положение, что «всякое злоупотребление правом – это всегда противоправное действие, бездействие либо решение, поскольку в результате осуществления ситуации со «злоупотреблением правом» всегда нарушается принцип недопустимости злоупотребления правом, нашедший своё закрепление в ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации»⁴¹. Вместе с тем весьма часто такое понимание злоупотребления правом встречается и в узкоотраслевых исследованиях. В. П. Грибанов отмечает, что злоупотребление правом представляет собой «особый тип гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения»⁴².

В свою очередь Е. В. Рябцева пишет, что «злоупотребление субъективным правом представляет собой особую форму противоправного поведения участника уголовно-процессуальных отношений, при которой виновное осуществление субъективного права причиняет необоснованный вред или создаёт условия для причинения такого вреда правам других лиц, организаций или иных субъектов права, а также противоречит общим принципам и назначению уголовного судопроизводства»⁴³;

2) злоупотребление правом представляет собой *правомерное деяние*, поскольку лицо так или иначе в своём поведении не выходит за пределы предоставленного ему субъективного права. Апологеты данного подхода особо подчёркивают, что правонарушения, ставшие результатом нарушения установленных запретов на злоупотребление правом, некорректно рассматривать в качестве такового по той простой причине, что при таких обстоятельствах лицо действует уже не на основании своего субъективного права. Из этих же соображений обосновывается вывод, что неправильно

⁴¹ Зайцева С. Г. Злоупотребление правом как правовая категория: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Коломна, 2003. С. 10.

⁴² Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 63.

⁴³ Рябцева Е. В. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве. М., 2014. С. 35.

использовать сам термин «злоупотребление правом» для обозначения правонарушений, появившихся вследствие имеющихся запретов злоупотребления правом⁴⁴;

3) злоупотребление правом представляет собой *двойственное явление*, поскольку может проявляться как в правомерном поведении, так и в правонарушении⁴⁵. Демаркирующим критерием между правомерным злоупотреблением правом и противоправным является характер причинённого вреда. В случаях, когда причинение конкретного вреда общественным отношениям выделено в качестве самостоятельного основания для признания деяния противозаконным, то следует говорить о противоправном злоупотреблении правом, если не выделено – о правомерном. В рамках данного подхода О. Н. Бармина обосновывает, что «злоупотребление правом может проявляться в трёх основных формах: вредоносное поведение, в отношении которого отсутствуют карательные нормы, правонарушение и преступление»⁴⁶;

4) злоупотребление правом представляет собой *самостоятельный тип правового поведения*. Так, Н. А. Дурново пишет: «...не являясь ни правонарушением, ни правомерным поведением, злоупотребление правом представляет собой юридически допустимые действия субъекта по осуществлению своего права в границах принадлежащего ему субъективного права, нарушающие пределы осуществления субъективного права или не нарушающие данные пределы, но являющиеся социально вредными и общественно порицаемыми и причиняющие вред правам, свободам и интересам других участников общественных отношений»⁴⁷.

Такой подход развивает В. И. Крусс, отмечая, что «неспособность разграничить злоупотребление правом и преступление или административное

⁴⁴ Наумов А. Е. Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2010. С. 7-8.

⁴⁵ Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 27.

⁴⁶ Бармина О. Н. Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ: дис. ...канд. юрид. наук. Киров, 2014. С. 13.

⁴⁷ Дурново Н. А. Злоупотребление правом как особый тип правового поведения: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Н. Новгород. 2006. С. 9.

правонарушение даже в случаях терминологической близости следует признать своего рода позитивистской близорукостью»⁴⁸. По мнению автора, злоупотребление правом – это конституционно недопустимое (неправомерное по сути) формально законное недобросовестное деяние (действие или бездействие) субъекта права, нарушающее права и свободы человека и гражданина и способное причинить вред частным или публичным конституционным интересам, а также другим конституционным ценностям⁴⁹.

Злоупотребление правом относится к сфере неправомерного (неконституционного). Однако в отличие от правонарушения оно не связано с нарушением установленных законом норм, в которых конкретизированы составы противоправных деяний⁵⁰.

Как нетрудно заметить, основным предметом расхождения в понимании природы и содержания злоупотребления правом выступает вопрос о том, действует ли злоупотребляющее лицо в пределах предоставленного субъективного правомочия или всё же необходимо вести речь о совершенно ином юридическом явлении – самостоятельном правонарушении, связанном с имеющимися формальными ограничениями реализации того или иного права, когда лицо сознательно как бы выходит за пределы дозволенного поведения, нарушает нормативные предписания, а значит уже действует не по праву и, следовательно, уже не может им злоупотребить.

Было бы крайне самонадеянным взять на себя смелость разрешить в рамках настоящего, частного по своему предмету, исследования столь сложную общетеоретическую проблему, не теряющую своей актуальности на протяжении многих поколений учёных-юристов. В этой связи правильнее и, конечно же, честнее обозначить собственное предпочтение относительно обозначенных выше подходов, принимая во внимание не только имеющуюся в литературе аргументацию, но и специфику разрабатываемой нами темы.

⁴⁸Крусс В. И. Злоупотребление правом: учебное пособие. М., 2010. С. 62.

⁴⁹ Там же. С. 61.

⁵⁰ Там же. С. 64.

В общеправовом смысле запрет на злоупотребление правом содержится в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, согласно которой осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

В ст. 10 ГК РФ также содержится запрет общего характера на злоупотребление лицом субъективным правом: не допускается осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

Как представляется, содержание данных положений так или иначе подводит к выводу о том, что реализация лицом предоставленного ему субъективного правомочия в отдельных случаях при наличии злонамеренности может вторгаться в сферу других охраняемых законом интересов личности, общества и государства, а также причинять вред. Ввиду этого приведённые выше утверждения отдельных авторов о том, что сама конструкция «злоупотребление правом» обладает внутренним противоречием и не имеет права на существование, представляются дискуссионными. Сама жизнь убеждает в том, что и право, несмотря на свое социальное предназначение, при определенных обстоятельствах может стать средством причинения вреда. Вопрос о том, является ли такое поведение правонарушением либо специфической формой вредоносного, упречного, но ненаказуемого в правовом смысле поведения, на наш взгляд, в целом имеет юридико-технический характер. Иными словами, мы в большей мере склоняемся к позиции А. А. Малиновского и О. Н. Барминой, которые утверждают, что в отдельных случаях лицо может, злоупотребляя предоставленным правом в ущерб другому субъекту правоотношений, оставаться в рамках правомерного поля, не рискуя подвергнуться мерам юридической ответственности, то есть действовать в целом правомерно.

Таким образом, применительно к нашему исследованию злоупотребление правом на свободу слова как *осуществление лицом субъективного права на распространение в любой форме идей, мнений, убеждений и другой*

информации, в противоречии с его социальным назначением может иметь как объективно противоправный, в том числе преступный, характер, так и оставаться в целом правомерным, хотя и порицаемым поведением (например, при осуществлении лицом призывов к массовому отказу от исполнения гражданских обязанностей (участия в голосовании на выборах, уплаты штрафов, налогов и т.п.), прохождения вакцинации и др.).

Не менее значимым является вопрос о том, что составляет само содержание злоупотребления правом на свободу слова. Полагаем, что использование гарантированного Конституцией Российской Федерации права на свободное распространение информации, высказывание собственных мыслей, убеждений и мнений может приобретать злонамеренный характер по двум самостоятельным критериям, которые при определённых обстоятельствах могут и совпадать. Во-первых, злоупотреблением правом на свободу слова является распространение сведений, в результате которого причиняется вред или создается угроза причинения вреда охраняемым законом интересам личности, общества или государства. В зависимости от содержания распространяемой информации система таких злоупотреблений может быть представлена следующими элементами:

1) злоупотребления правом на свободу слова, связанные с распространением конфиденциальной информации (ст. 137, ст. 138, ст. 146, ст. 155, ст. 183, ч. 2 ст. 185⁶, ст. 275, ст. 276, ст. 283, ст. 310, ст. 311, ст. 320 УК РФ);

2) злоупотребления, заключающиеся в негативном информационном воздействии на состояние психического благополучия отдельного человека либо общества в целом (ст.ст. 110-110², ст. 119, ст. 151, ст. 230, ст. 240, ст. 242, ст. 242¹ УК РФ);

3) злоупотребления, связанные с распространением недостоверной (ложной) информации (ст. 128¹, ст. 185³, ст. 298¹, ст. 306, ст. 307 УК РФ);

4) злоупотребления, заключающиеся в распространении оскорбительной информации (ст. 297, ст. 319, ст. 336 УК РФ);

5) злоупотребления, связанные с вовлечением в осуществление преступной деятельности (ч.ч. 3 и 4 ст. 33, ст. 150, ч. 1 ст. 205¹, ст. 205², ч. 3 ст. 212, ст. 280, ст. 280¹, ст. 282, ст. 354, ст. 354¹ ч. 2 ст. 361 УК РФ)⁵¹.

Во-вторых, злоупотребление правом на свободу слова может быть связано не столько с характером распространяемой информации, сколько с избранным лицом *способом манифестации* своих убеждений, взглядов и т.п. А. А. Малиновский справедливо пишет, что с точки зрения отношения общества и государства к способам осуществления права его гражданами (и другими субъектами права) следует отнести следующие способы: социально одобряемые, социально приемлемые, социально осуждаемые, социально вредные и социально недопустимые способы⁵². Так, 8 июня 2016 года суд признал художника Петра Павленского виновным в повреждении объекта культурного наследия по ст. 243 УК РФ. Согласно материалам дела, 9 ноября 2015 года Павленский облил бензином и поджег входную дверь здания ФСБ на улице Мясницкая в Москве. Эту акцию – «Угроза» – он посвятил уголовным делам о терроризме, которые возбуждала и расследовала ФСБ. В частности, так он выразил протест против уголовного дела украинского режиссера Олега Сенцова⁵³.

Таким образом, злоупотреблением правом на свободу слова можно признать как пропаганду экстремизма путём массовой рассылки электронных сообщений, то есть способом, который сам по себе не является противозаконным, так и призывы к бескомпромиссной борьбе с коррупцией, распространяемые, однако, путём порчи имущества в общественных местах (например, путём нанесения надписей на зданиях органов государственной

⁵¹ В теории уголовного права указанные деяния характеризуют как распространение криминогенной информации (см.: Соловьев В. С. Проблемы применения законодательства, ограничивающего оборот криминогенной информации // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 3 (17). С. 66-71).

⁵² Малиновский А. А. Способы осуществления права // Журнал российского права. 2007. № 3. С. 50.

⁵³ Суд признал Павленского виновным по делу о поджоге двери здания ФСБ // [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/society/08/06/2016/5757deac9a794763bc8d8e19?from=main> (дата обращения: 10.03.2019).

власти), неправомерного доступа к информационным ресурсам публичных организаций и учреждений с последующей модификацией информации и т.п.

В отечественной теории уголовного права сама категория «пределов криминализации» используется крайне редко, можно сказать эпизодически. Гораздо чаще авторы оперируют такими категориями как «основание», «принципы», «критерии» и «правила» криминализации. А. Д. Антонов пишет по этому поводу: «Существует объективная система обоснования уголовно-правового запрета, включающая в себя *основания* криминализации, которые выражают объективную необходимость установления уголовной ответственности за деяние, и системные *принципы* криминализации, обусловленные требованием внутренней логической непротиворечивости норм права⁵⁴.

В. Н. Кудрявцевым была сформулирована известная система принципов криминализации, которая в упрощенном представлении может быть сведена к четырем максимумам: 1) потребность в запрещении деяния; 2) допустимость такого запрещения; 3) практическая возможность реализации запрещения и 4) его целесообразность⁵⁵.

Таким образом, учение о криминализации главным образом складывается из анализа вопросов о том, что может выступать надлежащим (социально обоснованным) поводом для конструирования нового уголовно-правового запрета и каким юридико-техническим требованиям эта новелла должна соответствовать. В содержательном отношении пределы криминализации, конечно же, весьма близки основаниям и принципам (правилам, критериям) криминализации. Вместе с тем пределы криминализации переносят фокус с объективных условий и юридико-технических требований, которыми должен руководствоваться законодатель, принимая решение о дополнении уголовного закона, на те абсолютные, сложившиеся естественным образом границы,

⁵⁴ См.: Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

⁵⁵ Кудрявцев В. Н. Научные предпосылки криминализации // Криминология и уголовная политика. М., 1985. С. 107.

которые субъект публичной политической власти переступать не вправе в условиях построения демократии и правовой государственности, признания незыблемой ценностью свободное развитие и самовыражение человека, его индивидуализацию.

В связи с этим вопрос о пределах криминализации злоупотребления правом на свободу слова необходимо рассматривать в рамках проблемы более общего порядка – пределов осуществления функций государства в целом. В связи с этим интерес представляет позиция Т. В. Милушевой: «Пределы деятельности государственной власти формируются в результате её устойчивого взаимодействия с явлениями окружающей (природной и социальной) действительности, а также деятельности властных субъектов в соответствии с целями и задачами общественного развития, ценностями и интересами (субъективный аспект). Единство объективного и субъективного проявляется в осознании властными субъектами существующей исторической реальности, появлении интереса и действия (стремления) творчески преобразовать реальность, ориентируясь при этом на достижение общественной полезной цели»⁵⁶.

Полагаем, что в самом обобщенном виде под пределами криминализации злоупотребления права на свободу слова следует понимать *солидаризующиеся с требованиями общественной морали, а равно с картиной мира, сложившейся в общественном сознании, нормативно определённые границы (ограничения) вмешательства органов законодательной власти в сферу индивидуальной автономии личности, связанной с реализацией права на свободу слова, посредством признания деяния преступлением, закрепления его признаков в уголовном законе и установления наказания*⁵⁷.

Нельзя не отметить, что предлагаемое нами определение пределов криминализации отражает их зависимость прежде всего от социокультурных особенностей, национальных традиций и форм человеческого общения, то есть

⁵⁶См.: Милушева Т. В. Пределы и ограничения государственной власти (теоретико-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011.

⁵⁷ Данное определение нашло поддержку у 52% опрошенных нами экспертов.

по сути от общественных представлений о недопустимых формах использования языка. В связи с этим нормативность ограничения (предела) криминализации свободы слова выступает в некотором смысле производным признаком, формализацией фактически сложившегося социального запроса. Такой акцент на признании (одобрении) обществом необходимости применить уголовно-правовой запрет для регулирования общественных отношений, сделан нами неслучайно. Как известно, в общественном сознании существуют традиционные представления о пределах вмешательства права в жизнь людей. Пределы криминализации выражают, прежде всего, эти представления, сознательное отступление либо игнорирование которых «может привести к неэффективности уголовного закона не только как регулятора общественных отношений, но и как воспитателя общественного мнения»⁵⁸.

Полагаем, что к пределам криминализации злоупотребления правом на свободу слова можно отнести:

1. Недопустимость избыточного ограничения прав, свобод и законных интересов при конструировании и применении мер уголовно-правового принуждения. В рамках данного предела криминализации злоупотребления права на свободу слова речь, прежде всего, идет о недопустимости произвольного вмешательства государства в сферу самовыражения личности. Так, в одном из своих постановлений Конституционный Суд Российской Федерации специально указал, что «федеральный законодатель, определяя, какие опасные для личности, общества и государства деяния признаются преступлениями (часть вторая статьи 2 УК Российской Федерации), обязан избегать избыточного использования уголовно-правовой репрессии, помня о том, что основанием преступности противоправных деяний могут служить лишь обстоятельства, в совокупности объективно подтверждающие криминальную степень их общественной опасности, в том числе масштаб распространенности и динамика роста таких деяний, значимость охраняемых

⁵⁸ Левченко В. Ю. Юридические и социально-психологические основания криминализации // Общество: политика, экономика, право. 2009. № 1-2. С. 47 – 52.

законом ценностей, на которые они посягают, существенность причиняемого ими вреда, а также невозможность их преодоления с помощью иных правовых средств»⁵⁹.

В этом же решении, выявляя пределы допустимой криминализации, Конституционный Суд Российской Федерации специально указал, что по смыслу ст. 212¹ УК РФ, если нарушение установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия лицом, ранее не менее трех раз в течение ста восьмидесяти дней привлекавшимся к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных КоАП Российской Федерации, имело формальный характер и не повлекло за собой наступления или реальной угрозы наступления указанных негативных последствий, оно не может рассматриваться как представляющее криминальную общественную опасность, а потому наступление уголовной ответственности за него, мотивированное одной лишь неоднократностью совершения, выходит за границы конституционно допустимого уголовно-правового ограничения прав и свобод человека и гражданина.

2. Федеральный законодатель не вправе принимать уголовно-правовые запреты, содержание которых является неопределенным, допускающим возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения. Конституционный Суд Российской Федерации, обращаясь к проблеме определённости закона, разъяснил, что уголовная ответственность может считаться законно установленной и отвечающей предписаниям ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации лишь при условии, что составообразующие признаки преступления, наличие которых в совершенном деянии, будучи основанием уголовной ответственности, позволяет отграничивать его от иных противоправных, а тем более законных деяний, точно и недвусмысленно определены в уголовном законе, непротиворечиво

⁵⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина».

вписывающемся в общую систему правового регулирования⁶⁰. Как уже отмечалось ранее, несоблюдение указанного предела криминализации, на наш взгляд, было допущено при модернизации ст. 148 УК РФ в части установления ответственности за оскорбление чувств верующих. Из этих же соображений мы не можем согласиться с мнением отдельных авторов о необходимости криминализации «умышленного публичного оскорбления мировоззренческих убеждений атеистов»⁶¹. Претензии на уголовно-правовое регулирование духовной жизни личности не только выявляют чрезмерную увлеченность государства вопросами обеспечения чистоты веры, но и неминуемо приводят к появлению юридических конструкций, которые попросту не поддаются какому бы то ни было единообразному восприятию как на теоретическом, так и на практическом уровне.

3. *Недопустимость признания преступлением таких форм информационного обмена, когда негативные последствия применения уголовной репрессии объективно превысят вред от криминализируемого деяния.* Данный предел по своей сути выражает широко известную и имеющую в целом медицинский контекст максиму – «не навреди». Уголовно-правовое регулирование должно оказывать упорядочивающее влияние на общественные отношения и способствовать политическому, социально-экономическому и духовно-нравственному благополучию государства. Отступление от *разумной необходимости* уголовно-правового запрета не только приведет к социальной напряженности, искусственно «породив» преступников, но и обусловит невынужденные экономические потери, дополнительную нагрузку на правоохранительную систему. При этом необходимо учитывать, что, как образно замечает А. М. Николаев, «точно так же, как обычная труба не может пропустить через себя больше жидкости, чем это предопределено ее диаметром и другими конструктивными особенностями, так и правоохранительная система

⁶⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2015 года № 22-П.

⁶¹ Беспалько В. Г. Уголовно-правовая охрана религиозных отношений // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 41 – 50.

не в состоянии «пропустить через себя» весь тот объем деяний, который обозначен в уголовном законодательстве в качестве преступности»⁶².

В данном аспекте нельзя оставить без обсуждения и наметившийся курс отечественного законодателя на установление юридической ответственности за «распространение информации (материалов), предназначенной для неограниченного круга лиц, выражающей в неприличной форме явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации и органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации»⁶³.

В России, как впрочем, и во многих других странах, критическое отношение к власти является достаточно распространенным. При этом нельзя не учитывать, что далеко не всегда отрицательное отношение к органам государственной власти имеет своего рода злонамеренный характер, преследующий цель подорвать их авторитет. Довольно часто недовольство властью обусловлено жизненными трудностями и неудачами, выступает формой своего рода психологической разгрузки человека, когда он перекладывает ответственность за свои ошибки на всегда и во всем виноватого «левиафана».

Борьба с критикой в адрес государства, пусть и не всегда выражаемой в приличной форме, преимущественно затронет не профессиональных агитаторов, которые умеют эффективно скрывать сведения о себе, а простых обывателей, импульсивно и эмоционально выразивших свои переживания и претензии к власти имущим.

В заключение данного параграфа представляется необходимым остановиться на его основных положениях и выводах:

1) Злоупотребление правом на свободу слова представляет собой осуществление лицом субъективного права на распространение в любой форме

⁶² Николаев А.М. Пределы криминализации деяний с учетом характера и степени общественной опасности (истоки и перспективы формирования новой теории) // Пробелы в российском законодательстве. 2008. №1. С.322.

⁶³ [Электронный ресурс] // URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/606596-7> (дата обращения: 13.03.2019).

идей, мнений, убеждений и другой информации, в противоречии с его социальным назначением;

2) Использование гарантированного Конституцией Российской Федерации права на свободное распространение информации, высказывание собственных мыслей, убеждений и мнений может приобретать злонамеренный характер по двум самостоятельным критериям:

- злоупотреблением правом на свободу слова является распространение сведений, в результате которого причиняется вред или создается угроза причинения вреда охраняемым законом интересам личности, общества или государства (злоупотребления правом на свободу слова, связанные с распространением конфиденциальной информации (ст. 137, ст. 138, ст. 146, ст. 155, ст. 183, ч. 2 ст. 185⁶, ст. 275, ст. 276, ст. 283, ст. 310, ст. 311, ст. 320 УК РФ); злоупотребления, заключающиеся в негативном информационном воздействии на состояние психического благополучия отдельного человека либо общества в целом (ст. 110-110², ст. 119, ст. 151, ст. 230, ст. 240, ст. 242, ст. 242¹ УК РФ); злоупотребления, связанные с распространением недостоверной (ложной) информации (ст. 128¹, ст. 185³, ст. 298¹, ст. 306, ст. 307 УК РФ); злоупотребления, заключающиеся в распространении оскорбительной информации (ст. 297, ст. 319, ст. 336 УК РФ); злоупотребления, связанные с вовлечением в осуществление преступной деятельности (ч. 4 ст. 33, ст. 150, ч. 1 ст. 205¹, ст. 205², ч. 3 ст. 212, ст. 280, ст. 280¹, ст. 282, ст. 354, ст. 354¹ ч. 2 ст. 361 УК РФ);

- злоупотребление правом на свободу слова может быть связано не столько с характером распространяемой информации, сколько с избранным лицом способом манифестации своих убеждений, взглядов и т.п. (ст. 167, 213, 243, 329 УК РФ);

3) Под пределами криминализации злоупотребления права на свободу слова следует понимать солидаризирующиеся с требованиями общественной морали, а равно с картиной мира, сложившейся в общественном сознании, нормативно определённые границы (ограничения) вмешательства органов

законодательной власти в сферу индивидуальной автономии личности, связанной с реализацией права на свободу слова, посредством признания деяния преступлением, закрепления его признаков в уголовном законе и установления наказания;

4) К пределам криминализации злоупотребления правом на свободу слова относятся:

- запрет на избыточное ограничение прав, свобод и законных интересов при конструировании и применении мер уголовно-правового принуждения;

- недопустимость принятия уголовно-правовых норм, содержание которых является неопределенным, допускающим возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения;

- недопустимость признания преступлением таких форм информационного обмена, когда негативные последствия применения уголовной репрессии объективно превысят вред от криминализируемого деяния.

**Глава II. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ СЛОВА И СРАВНИТЕЛЬНО-
ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЙ
ПРАВА НА СВОБОДУ СЛОВА**

**§ 1. Международно-правовые стандарты обеспечения права на свободу
слова и особенности их имплементации в российском уголовном
законодательстве**

Рассмотрению специальных вопросов уголовно-правовой охраны свободы слова должно также предшествовать по возможности полное познание международных стандартов её обеспечения. Объяснением тому, по сути, выступает общенаучный сравнительный метод исследования права, который применительно к настоящей работе обязывает уяснить требования международных документов как обязательного, так и рекомендательного характера, чтобы в дальнейшем можно было формулировать конкретные выводы о качестве охраны и обоснованности ограничений свободы слова на национальном уровне.

Система международных документов, в той или иной мере затрагивающих реализацию права на свободу слова, чрезвычайно разнообразна и эклектична. Полагаем, что к настоящему времени можно выделить следующие её основные элементы: 1) универсальные международные документы, составляющие Международный стандарт в области свободы слова; 2) региональные международные документы, дублирующие и отчасти развивающие положения Международного стандарта; 3) вспомогательные международные документы, интерпретирующие положения Международного стандарта; 4) рекомендательные международные документы в области соблюдения и ограничения свободы слова; 5) международные документы, содержащие нормы, устанавливающие ответственность за отдельные преступления, связанные со злоупотреблением правом на свободу слова.

Следует сразу пояснить включение в данную систему последнего элемента. Как известно, подобные документы не просто закрепляют необходимость криминализации конкретного преступного поведения, выражающегося в распространении информации, но и устанавливают обязательные критерии, которые должны быть соблюдены государствами, чтобы не допустить необоснованного вмешательства в реализацию человеком права на свободу слова. Можно сказать, что такие документы, запрещая отдельные наиболее опасные формы злоупотребления правом на свободу слова, тем самым ее же и гарантируют.

Свобода слова получила многократное закрепление в качестве естественного и неоспоримого права в наиболее значимых (осевых) международных документах, составляющих так называемый *Международный стандарт в области защиты прав и свобод человека*.

Так, право на свободу слова закреплено в ст. 19 Всеобщей декларации прав человека (1948 г.). В соответствии с указанной статьей каждый человек имеет право на свободу убеждений и на их свободное выражение любыми средствами, независимо от государственных границ⁶⁴. Несмотря на то, что сама Декларация является резолюцией и, согласно Уставу ООН, имеет рекомендательный, а не обязывающий характер, нельзя не признать её морально-политического и исторического значения. Приведённое выше положение Декларации по существу предопределило саму концепцию современной модели регламентации и защиты свободы слова. Последующие документы международного права фактически лишь развивали и детализировали его.

В статье 19 Международного пакта о гражданских и политических правах (1966 г.) определено, что: «1. Каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своих мнений. 2. Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и

⁶⁴ [Электронный ресурс] // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr (дата обращения: 01.12.2018).

распространять всякого рода информацию и идеи независимо от государственных границ устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения, или иным способом по своему усмотрению.

3. Пользование предусмотренным в пункте 2 настоящей статьи правами налагает особые обязанности и особую ответственность. Оно может быть, следовательно, сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми: а) для уважения прав и репутации других лиц; б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности населения»⁶⁵.

В Декларации принципов терпимости (1995 г.) затрагивается важный аспект мировоззренческой автономии личности, недопустимости абсолютизации истины. В документе специально оговаривается, что проявление терпимости не означает отказа от своих или уступки чужим убеждениям. Это означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признаёт такое же право за другими. Это означает признание того, что люди по своей природе различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность. Это также означает, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим⁶⁶.

Развитие и детализацию правовые гарантии свободы слова получили и в ряде основополагающих международных документов регионального уровня. Так, в Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) объявляется, что каждый имеет право на свободное выражение своего мнения независимо от формы, его содержания, осуществления отдельным лицом, группой лиц или посредством средств массовой информации.

Американская конвенция по правам человека (1969 г.) также содержит предписания относительно защиты права на свободу слова (ст. 13). Прежде

⁶⁵ Международные акты о правах человека: сб. док. / сост.: В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. М., 2000. С. 53-68.

⁶⁶ [Электронный ресурс] // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc (дата обращения: 01.12.2018).

всего, декларируется, что каждый человек имеет право независимо от государственных границ и в любой форме (устно, письменно, посредством других доступных средств связи) на свободу мысли и ее выражения. При этом оговаривается недопустимость предварительной цензуры с возложением ответственности за свое информационное поведение на самого человека, который должен соблюдать известные (установленные субъектом публичного контроля) ограничения и пределы. Кроме того, декларируется запрет на ограничение «косвенными методами и средствами» права на выражение своего мнения в СМИ. Под такими методами понимается установление сложных процедур сертификации, согласования деятельности журналистов и т.п.⁶⁷

Свобода слова получила своё оформление во Всеобщей исламской декларации прав человека (1981 г.). В соответствии со ст. 12 данного документа, «...каждый человек имеет право на высказывание своих мыслей и убеждений в той мере и степени, в какой это предусматривается законом. Никто не имеет права распространять лживые сведения либо информацию, имеющую целью нанести ущерб общественной нравственности или прибегать к клевете и оскорблениям, или наносить вред репутации других... Не должно быть никаких препятствий распространению информации, если она не представляет опасности для интересов государства или общества и не выходит за пределы ограничений, предусмотренных законом. Никто не имеет права относиться с презрением или иронией к религиозным воззрениям других лиц либо разжигать общественную враждебность в их отношении...»⁶⁸. В пояснении к декларации отдельно оговаривается, что под термином «закон» подразумевается Шариат, то есть комплекс указаний, содержащихся в Коране и Сунне, а также любой иной закон, вытекающий из положений обоих вышеуказанных источников методами, приемлемыми в исламской юриспруденции. Таким образом, ограничения свободы слова, согласно

⁶⁷ Международные акты о правах человека. Сборник документов. Изд. 2.- М.: Норма-ИНФРА-М, 2002. С. 867 - 886.

⁶⁸ [Электронный ресурс] // URL: https://ca-c.org/journal/08-1997/st_21_pravaisl.shtml (дата обращения: 03.12.2018).

Всеобщей исламской декларации, преимущественно определяются положениями традиционного религиозного права.

Применительно к данному документу следует заметить, что, будучи составленным либеральными исламскими правоведами во Франции, он никогда не имел обязательного характера в силу принятия его неправительственной организацией.

Принятая позднее Каирская декларация о правах человека в исламе (1990 г.) продемонстрировала уже более сдержанный подход к определению границ свободы слова. Так, в соответствии со ст. 22 данной декларации устанавливается, что каждый имеет право на свободу слова, однако в тех пределах которые установлены принципами шариата. Признавая исключительную значимость информации для современного гиперсвязанного и «гиперподключенного» общества, Каирская декларация указывает на то, что свобода слова не может быть использована таким образом, чтобы это нарушало святость и достоинство пророков, подрывало моральные и этические ценности общества.

Гораздо лаконичнее свобода слова закреплена в Африканской хартии прав человека и народов (1981 г.), согласно которой каждый имеет право на выражение и распространение своих взглядов в соответствии с законом (ст.9)⁶⁹.

Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (1995 г.) в ст. 11 определяет, что: «1) Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения. Это право включает свободу придерживаться своих мнений, получать и распространять информацию и идеи любым законным способом без вмешательства со стороны государственных властей и независимо от государственных границ. 2) Поскольку пользование этими свободами налагает обязанности и ответственность, оно может быть сопряжено с формальностями, условиями и ограничениями, предусмотренными

⁶⁹ [Электронный ресурс] // URL: <http://humanrts.umn.edu/russian/instree/Rz1afchar.html> (дата обращения: 01.12.2018).

законом и необходимыми в демократическом обществе в интересах государственной или общественной безопасности, общественного порядка или защиты прав и свобод других лиц»⁷⁰.

Уяснению объёма и содержания гарантированного права на свободу слова, а равно определение его границ и оснований для ограничения со стороны государства в значительной степени способствует интерпретационная практика Комитета ООН по правам человека, созданного на основании Международного пакта о гражданских и политических правах, и Европейского Суда по правам человека, учреждённого на основании Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод.

Так, в 2011 г. положения ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах получили свою детализацию и конкретизацию в Замечании общего порядка №34⁷¹. В §21 Комитет сформулировал своего рода универсальный принцип, согласно которому ограничение права на свободу слова может быть установлено в частном (для защиты прав или репутации других лиц) либо публичном (для охраны общества и государства) интересе, однако само по себе это ограничение не должно «ставить под угрозу сам принцип этого права».

В § 24-26 Комитет подчеркнул, что ввиду исключительной важности права на свободу слова является недопустимым закрепление каких-либо ограничений «в традиционном, религиозном или обычном праве». При этом дополнительно оговаривается, что такая ограничивающая норма должна быть сформулирована настолько четко, чтобы позволить лицу соответствующим образом следить за своим информационным поведением.

Отдельно Комитет отметил важность принятия эффективных мер по защите журналистов, правозащитников и иных лиц, использующих своё право на свободное выражение мнений о ситуации в области прав человека.

⁷⁰ Собрание законодательства РФ, 29.03.1999, № 13, ст. 1489.

⁷¹ См., подробнее: Замечание общего порядка №34, CCPR/C/GC/34, 12 сентября 2011 г. Комитета по правам человека. Сто вторая сессия // [Электронный ресурс] // URL:: <https://www1.umn.edu/humanrts/russian/gencomm/Rhrcom34.html> (дата обращения: 26.11.2018).

В Замечаниях № 34 Комитет конкретизировал принцип соразмерности, согласно которому устанавливаемое государством ограничение права на свободу слова должно в целом соответствовать культурно-историческим, социально-экономическим и политическим условиям жизни общества, а равно «должно представлять собой наименее ограничительное средство из числа тех, с помощью которых может быть достигнут желаемый результат».

Особое значение с учетом современных российских тенденций законотворчества⁷² имеет разъяснение Комитета о том, что все представители власти, в том числе главы государств и правительств, могут на законных основаниях становиться объектом критики. Комитет напрямую выразил обеспокоенность в связи с законами об оскорблении высшего государственного лица, неуважении к представителям власти и т.п. Принципиальной позицией Комитета явилось то, что государствам-участникам не следует запрещать критику таких структур, как армия или административный аппарат (§38).

В Замечании № 34 содержится крайне важное указание на то, что такие противоправные деяния как «восхваление», «прославление» или «оправдание» терроризма должны иметь четкие законодательные определения, содержание которых не будет приводить «к неуместному или несоразмерному вмешательству в осуществление права на свободное выражение мнений» и противоречить пункту 3 Международного пакта о гражданских и политических правах (§46).

Запреты на разные формы неуважения к какой-либо религии или другим системам убеждений, в том числе законы о богохульстве, согласно позиции Комитета, являются несовместимыми с Пактом за исключением отдельных случаев, предусмотренных в п. 2 ст. 20 Пакта.

Законы, предусматривающие меры наказания за выражение мнений об исторических фактах, в том числе за ошибочные мнения или неверную

⁷² Речь идет о принятии пакета законов о так называемом «оскорблении власти». См.: Федеральный закон от 18.03.2019 № 28-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»; Федеральный закон от 18.03.2019 № 30-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

интерпретацию событий, происшедших в прошлом, являются несовместимыми с предусмотренными Пактом обязательствами государств-участников уважать свободу мнений и право на их свободное выражение.

Отдельное внимание в Замечании № 34 уделено электронным и иным основанным на информационно-коммуникационных технологиях средствам выражения свободы мнения. Любые ограничения на работу вебсайтов, блогов и любых других подобных систем распространения электронной и иной информации допустимы в той мере, в какой они совместимы с пунктом 3 Пакта. Несовместимым с пунктом 3 является запрет на публикацию сайтами или системами распространения информации каких-либо материалов исключительно по той причине, что они могут содержать критику правительства.

Следует согласиться с мнением отдельных авторов, что указанные положения Замечания позволили существенным образом уточнить основания и пределы ограничения права на свободу слова⁷³.

В соответствии с положениями Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, решения Европейского Суда по правам человека являются единственным официальным толкованием текста Конвенции и имеют равную с ней юридическую силу. Как справедливо пишет по данному поводу А. Г. Кибальник, признание обязательной силы за прецедентами Европейского Суда по правам человека явилось своеобразной революцией для государств-участников и серьёзно повлияло на понимание источниковой базы международного уголовного права⁷⁴.

В решениях Европейского Суда по правам человека, касающихся нарушения положений ст. 10 Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод, особо подчёркивается значение свободы слова для построения демократического общества, его прогресса и самореализации

⁷³ Голубок С. А., Тимофеев М. Т. Где начинается и чем кончается свобода слова: замечание общего порядка №34 Комитета по правам человека // Международное правосудие. 2012. № 3. С. 35.

⁷⁴ Кибальник А. Г. Современное международное уголовное право: монография. М., 2010. С. 43.

отдельной личности. Анализ и обобщение решений Суда позволяет сделать вывод, что из трёх обязательных условий, легитимирующих установленное ограничение свободы слова, – 1) предусмотренность законом, 2) наличие общественно полезной цели и 3) необходимость в демократическом обществе – наиболее уязвимым выступает именно третий критерий, требующий, чтобы в каждом случае вмешательство в свободу выражения мнения было обусловлено «неотложной социальной потребностью», соответствовало преследуемой законной цели, было осуществлено с предоставлением необходимых процессуальных гарантий и отвечало общим требованиям о справедливости в части характера и суровости применённого наказания.

Проводя оценку соблюдения последнего критерия Европейский Суд призывает учитывать целый ряд факторов: характер публикации, характеристику личности автора, обстановку и обстоятельства, в которых делается заявление, а также потенциальное воздействие заявления (распространяемой информации) на других лиц. Так, в деле «*Haldimann and Others v. Switzerland*»⁷⁵ Суд рассматривал жалобу привлеченных к уголовной ответственности журналистов, которые в целях освещения фактов многочисленных злоупотреблений служебным положением на ранке предоставления страховых услуг, осуществили аудио-визуальную запись деятельности страхового агента без его ведома и согласия, и в последующем обнародовали ее по телевидению. Заявители ссылались на то, что их осуждение и приговор привели к нарушению статьи 10 Конвенции. Суд, рассмотрев представленные материалы, принял решение в их пользу. В своем решении Суд признал, что в национальном законодательстве существовали основания для осуждения заявителей и наложения на них штрафа, и что меры, принятые против них, были направлены, в частности, на осуществление права страхового агента на защиту его частной жизни и деловой репутации. Однако, обсуждая вопрос о необходимости вмешательства в демократическом обществе, Суд

⁷⁵«*Haldimann and Others v. Switzerland*», жалоба № 21830/09 // [Электронный ресурс] // URL: [https://hudoc.echr.coe.int /eng#{\"itemid\":\[\"001-152711\"\]}](https://hudoc.echr.coe.int /eng#{\) (дата обращения: 01.12.2018).

отметил следующее. В своих действиях журналисты руководствовались соображениями общественного интереса, а именно защиты прав и законных интересов потребителей. В связи с этим Суд посчитал, что заявители действовали добросовестно, с тем, чтобы защитить потребителей от дезинформации со стороны страховых компаний. Кроме того, сторонами не оспаривалось, что факты, выявленные журналистами, отражали реальную негативную практику в отрасли страхования. При обнародовании беседы были приняты меры, чтобы предотвратить идентификацию страхового агента. Наконец, хотя штрафы, наложенные на журналистов, были незначительными, эта санкция, тем не менее, может *повлиять на готовность работников средств массовой информации привлекать внимание к вопросам, представляющим общественный интерес.*

Вместе с тем Европейский Суд отмечает, что принципы, воплощённые в ст. 10 Конвенции, не могут толковаться излишне широко с целью оправдания действий, которые хотя и преследовали цель обратить внимание общественности к имеющейся проблеме, однако не были абсолютно необходимыми в конкретных обстоятельствах. Так, в деле *«Diamant Salihuandothers v. Sweden»* Суд рассматривал дело журналистов, которые в 2010 году в Мальмё (Швеция) провели расследование, связанное с незаконным оборотом огнестрельного оружия в городе. В целях установления того, насколько легко приобрести оружие, трое заявителей, которые были журналистами, купили огнестрельное оружие на так называемом «черном рынке», которое они затем добровольно передали полиции, прежде чем опубликовать статью в прессе на следующий день. Впоследствии они были признаны виновными в незаконном хранении огнестрельного оружия и приговорены к уплате штрафов. В своем заявлении в Европейский суд они жаловались, в частности, на то, что их обвинительные приговоры нарушают их право на свободу выражения мнения в соответствии со статьей 10 Конвенции. Суд в своем решении от 10 мая 2016 года указал, что обвинительные приговоры заявителей представляют собой вмешательство в их права, которые

реализовывались в соответствии с законом и имели законные цели защиты общественной безопасности, предотвращения беспорядков и преступлений. Рассматривая вопрос о необходимости оспариваемых мер, Суд подчеркнул, что они не касаются запрета опубликованной статьи или санкций в отношении публикации и не основаны на ограничениях, характерных для прессы. Заявители были осуждены исключительно нарушение норм соответствующего законодательства об обороте оружия, которое применяется ко всем. Они знали, что их действия подпадают под нормы уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом оружия. Кроме того, как отметил Суд, хотя статья касалась темы общественного интереса в связи с многочисленными перестрелками, которые произошли в конкретном районе города, это могло быть, тем не менее, проиллюстрировано другими способами. Что касается характера и суровости наказания, то все заявители были приговорены к незначительным штрафам из-за особых обстоятельств дела. Суммы штрафов не могут быть признаны имеющими сдерживающее воздействие на осуществление свободы выражения мнения со стороны заявителей или других журналистов. Вопрос о правах заявителей в соответствии со статьей 10 рассматривался по существу и утверждался по существу перед всеми тремя внутренними инстанциями, включая Верховный Суд. Все национальные суды подчеркнули важность роли журналистов в обществе и провели сбалансированную оценку всех заинтересованных сторон. Принимая во внимание все вышеизложенные факторы и принимая во внимание пределы усмотрения, предоставленные государству в этой области, Суд установил, что национальные суды установили справедливый баланс между заинтересованными сторонами⁷⁶.

В отдельных решениях Европейский Суд обращает внимание, что разрешение вопроса о необходимости ограничения свободы выражения мнения может зависеть от характера распространяемой лицом информации,

⁷⁶«Diamant Salihuand others against Sweden» жалоба №33628/15 // [Электронный ресурс] // URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{\"itemid\":\[\"001-163642\"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{\) (дата обращения: 01.12.2018).

оцениваемой с учётом исторического и социального контекста. Так, в деле «*Annen v. Germany*» Суд указал, что «...хотя намерение пресс-релиза заявителя не было главным образом направлено на то, чтобы опорочить ученых, назвав профессора доктора Б. по имени, он все же обладал стигматизирующим и порочащим эффектом...что касается серьезности личного нападения на ученых и профессора д-ра Б., Суд повторяет, что влияние выражения мнения на права личности другого человека нельзя отделить от исторического и социального контекста, в котором говорится. Поэтому сравнение современных исследований стволовых клеток с экспериментами, проводимыми на людях в концентрационных лагерях, должно рассматриваться в конкретном контексте истории Германии...в свете опыта государства, испытывавшего нацистские ужасы... исторический контекст является весомым фактором, который следует учитывать при оценке того, существует ли настоящая социальная потребность в нарушении права заявителя на свободу слова»⁷⁷.

В деле «*Stomakhin v. Russia*»⁷⁸ вывод о том, что вмешательство в свободу выражения мнений заявителя не было необходимым в демократическом обществе, Суд аргументировал тем, что лишение свободы в сочетании с запретом заниматься журналистикой, особенно в течение длительного периода времени, за высказывания, даже если они являются преступными, не может не рассматриваться как чрезвычайно жесткая мера, требующая весьма убедительных соображений с должным учетом конкретных обстоятельств дела. Вместе с тем национальные суды ограничились своим обоснование соответствующих санкций ссылкой на личность заявителя и общественную опасность, которую представляет его преступление. Хотя эти соображения могут быть релевантными, их нельзя считать достаточными для обоснования исключительной строгости наказания, назначенного заявителю.

⁷⁷ «*Annen against Germany*», жалоба №3779/11 // [Электронный ресурс] // URL: <http://european-court-help.ru/?p=9036> (дата обращения: 01.12.2018).

⁷⁸ «*Stomakhin v. Russia*», жалоба № 52273/07 // [Электронный ресурс] // URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng# {"itemid":\["001-182731"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{) (дата обращения: 01.12.2018).

При этом Суд отдельно указал, что потенциальное воздействие соответствующего средства выражения мнений является важным фактором при рассмотрении вопроса о соразмерности вмешательства. Во время рассматриваемых событий заявитель не являлся публичной, хорошо известной или влиятельной фигурой, заявления были напечатаны в самиздатовский бюллетень, количество копий которого, как было указано заявителем и не оспаривается правительством, было очень низким. Эти копии были распространены заявителем лично или через его знакомых на публичных мероприятиях в Москве только тем лицам, которые выразили свою заинтересованность. Таким образом, очевидно, что распространение бюллетеня было незначительным. Вышеупомянутые факторы в данном случае значительно уменьшили потенциальное воздействие оспариваемых заявлений на права других лиц, национальную безопасность, общественную безопасность или общественный порядок.

В решениях Европейского Суда можно также выделить весьма принципиальную позицию относительно ответственности не за оправдание нацизма как мировоззрения (идеологии), а за отрицание исторических фактов, в частности Холокоста. В своих решениях по делам *«Gerd Honsik v. Austria»* (1995 г.)⁷⁹, *«Marais v. France»* (1996 г.)⁸⁰, *«Garaudy v. France»* (2003 г.)⁸¹ Суд последовательно высказывал мнение, что отрицание геноцида в концентрационных лагерях, опровержение Холокоста является одной из самых серьёзных форм расовой клеветы на евреев и разжигания ненависти к ним. Отрицание исторически доказанных фактов не является ни научным, ни историческим исследованием. Подлинной целью этого является попытка реабилитировать национал-социалистический режим.

⁷⁹ «Gerd Honsik v. Austria», жалоба № 250062/94 // [Электронный ресурс] // URL: [http://hudoc.echr.coe.int/eng#{"dmdocnumber":\["666524"\],"itemid":\["001-2362"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng#{) (дата обращения: 01.12.2018).

⁸⁰ «Marais v. France», жалоба № 31159/96 // [Электронный ресурс] // URL: [http://hudoc.echr.coe.int/eng#{"dmdocnumber":\["839097"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng#{) (дата обращения: 01.12.2018).

⁸¹ «Garaudy v. France», жалоба № 65831/01 // [Электронный ресурс] // URL: [http://hudoc.echr.coe.int/eng-press#{"display":\["1"\],"dmdocnumber":\["803108"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng-press#{) (дата обращения: 01.12.2018).

К четвёртому элементу следует, прежде всего, отнести многочисленные рекомендации и резолюции ООН И Совета Европы. Так, уже на первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1946 года была принята Резолюция № 59, в которой указывается, что «свобода информации является основным правом человека и представляет собой критерий всех видов свободы, ради которых создана Организация Объединённых Наций»⁸².

В Софийской декларации (1997 г.) указано, что всем государствам следует обеспечить или укрепить там, где они существуют, конституциональные и правовые гарантии свободы выражения убеждений и свободы печати и пересмотреть, изменить и/или отменить те законы, правила и меры, которые ограничивают эту основную свободу⁸³.

В источниках «мягкого права» отдельное рассмотрение получил довольно острый вопрос о соотношении свободы слова и права верующих на защиту от оскорбительного и дискриминационного поведения в связи с исповедуемой религией. Парламентская Ассамблея Совета Европы в своей резолюции 1510 (2006) сформулирована весьма значимое положение о том, что свобода выражения мнений распространяется и на такие формы, которые могут в известной степени шокировать общественность. В этой связи специально оговаривается, что свобода творчества, художественного выражения человеком своей позиции, мнения или идеи, в том числе сатира, должны восприниматься как допустимые, а не провокационные. Свобода выражения, защищаемая в соответствии со ст. 10 Европейской конвенции по правам человека, не должна ограничиваться с учетом роста чувствительности некоторых религиозных групп.

В 2007 г. Парламентская Ассамблея Совета Европы выпустила Рекомендацию 1805, в которой отмечается, что высказывание может быть признано враждебным лишь тогда, когда оно «направлено против отдельного

⁸² [Электронный ресурс] // URL: [https://undocs.org/ru/A/RES/59\(I\)](https://undocs.org/ru/A/RES/59(I)) (дата обращения: 02.12.2018).

⁸³ [Электронный ресурс] // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/sofiadecl.shtml (дата обращения: 01.12.2018).

лица или конкретной группы лиц, содержит призывы к ненависти, дискриминации или насилию в связи с исповедуемой религией и в совокупности обстоятельств *грубо нарушает общественный порядок* (выделено мной – М.А.)»⁸⁴.

В 2009 г. Совет по правам человека ООН принял Резолюцию № 12/16 «Свобода мнений и их свободное выражение», в которой он призвал воздерживаться от введения ограничений в отношении политической дискуссии, деятельности правительства и коррупции; выражения мнений, несогласия, религиозных взглядов или убеждений; доступа к информационно-коммуникационным технологиям, включая Интернет.

Обращаясь к международно-правовым основам ограничений свободы слова со стороны «мягкого права», следует остановиться на предписаниях, направленных на противодействие реабилитации нацизма. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 69/160 от 18 декабря 2014 г. «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости», определила, что любое чествование нацистского режима, его союзников и связанных с ними организаций, будь то официально или неофициально, государства должны запретить, в том числе путём принятия государствами мер в соответствии с международным правом прав человека по противодействию любому чествованию нацистской организации СС и всех ее составных частей, включая «Ваффен СС»⁸⁵.

В Европейской хартии свободы прессы (2009 г.) указывается, что обязанность правительства «поддерживать, защищать и уважать любые СМИ во всем их разнообразии, а также их политические, социальные и культурные миссии», и устанавливаются основные гарантии свободы прессы: «цензура

⁸⁴ [Электронный ресурс] // URL: <https://www.legislationline.org/ru/documents/action/popup/id/14594> (дата обращения: 17.11. 2018 г.).

⁸⁵ [Электронный ресурс] // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/69/160> (дата обращения: 19.11. 2018 г.).

должна быть полностью запрещена. Необходимо гарантировать независимость журналистов всех СМИ, не допускать их преследования, репрессий и политического вмешательства в их деятельность со стороны государства».

Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г. на международном уровне определила в качестве самостоятельного преступления публичное подстрекательство к совершению террористического преступления (ст. 5).

Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (1988 г.) содержит оговорку о том, что каждая сторона принимает такие меры, которые могут потребоваться, с тем чтобы признать уголовным преступлением согласно своему законодательству публичное подстрекательство или побуждение других любыми средствами к совершению любого из правонарушений, признанных таковыми в соответствии с Конвенцией, или к незаконному использованию наркотических средств или психотропных веществ (ст. 3)⁸⁶.

Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948 г.) в качестве преступления называет публичные призывы к совершению геноцида (ст. 3). В данной связи необходимо указать на сужение рамок уголовно-правового противодействия геноциду по отечественному законодательству (ст. 357 УК РФ). Полагаем, что соответствующая норма должна быть приведена в соответствие с требованиями международно-правовых актов.

В соответствии с Международной конвенцией о пресечении преступления апартеида и наказания за него (1973 г.) международной уголовной ответственности подлежат лица, которые непосредственно подстрекают или поощряют преступление апартеида (ст. 3).

Значительное количество норм международного права относительно содержания, гарантий и оснований ограничения свободы слова закономерно

⁸⁶ Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации, Вып. XLVII. М., 1994. С. 133 – 157.

требует определённого обобщения и систематизации. Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие промежуточные выводы:

- нормы международного права не только фиксируют фундаментальное значение свободы слова для общественного, экономического, культурного и политического развития человека, но и закрепляют обязанность государств охранять свободу выражения мнения и информации от возможных нарушений и неправомерного вмешательства;

- в международных договорных нормах до настоящего времени отсутствуют чёткие рекомендации об установлении ответственности за конкретные посягательства на свободу слова. Таким образом, определение самой модели правовой (в том числе уголовно-правовой) охраны свободы выражения мнений и информации во многом остаётся прерогативой национального законодателя;

- в соответствии с Международным стандартом вмешательство государства в реализацию права на свободу слова может быть реализовано лишь в исключительных случаях при соблюдении следующих общих требований: 1) ограничение должно быть напрямую предусмотрено законом, При этом норма должна быть сформулирована таким образом, чтобы с одной стороны предоставить любому человеку возможность определить, на какие формы выражения мнений установлены соответствующие ограничения, и с другой стороны исключить чрезмерные дискреционные полномочия субъектов правоприменения; 2) ограничение должно преследовать достижение общественно полезной цели в виде защиты прав и репутации других лиц, охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности населения; 3) ограничение должно быть объективно необходимым в демократическом обществе, то есть служить гармоничному развитию личности, общества и государства;

- международные нормы, предписывающие установить преступность конкретных деяний, связанных со злоупотреблением правом на свободу слова, не только выражают озабоченность всего мирового сообщества относительно

противодействия наиболее опасным формам распространения информации, но и позволяют гармонизировать подходы различных государств в части соблюдения положений Международного стандарта в области свободы слова.

Как известно, согласно п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно наказуемых деяний, не могут применяться судами непосредственно, поскольку такими договорами прямо устанавливается обязанность государств обеспечить выполнение предусмотренных договором обязательств путем установления наказуемости определённых преступлений внутренним (национальным) законом»⁸⁷. Таким образом международные нормы, устанавливающие уголовную ответственность, требуют своей имплементации в УК РФ.

С учетом изложенного отдельного рассмотрения заслуживает реализация международных стандартов обеспечения права на свободу слова в положениях отечественного уголовного законодательства об ответственности за дискриминацию в зависимости от убеждений человека и воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 136, 144 УК РФ), распространение оскорбительных, диффамационных или клеветнических сведений (ст. 128¹, 137, 297, 298¹, 319, 336 УК РФ), получение и распространение сведений ограниченного доступа (155, 183, 275, 276, 283, 283¹ УК РФ), оправдание и распространение идей экстремизма, терроризма и сепаратизма (205², 280, 280¹, 282 УК РФ), реабилитацию нацизма и отрицание отдельных исторических фактов (ст. 354¹ УК РФ).

В рамках настоящей части работы представляется возможным кратко остановиться лишь на основных (наиболее значимых) проблемах имплементации положений международных договорных норм в отечественное уголовное законодательство.

⁸⁷ Российская газета. – 2003, 2 декабря.

Прежде всего, полагаем, что современное уголовное законодательство не удовлетворяет основополагающему требованию Международного стандарта в области свободы слова, касающегося обязанности государств всемерно и эффективно охранять свободу выражения мнения и информации от возможных нарушений и неправомерного вмешательства. Отечественный уголовный закон не содержит общего запрета на воспрепятствование реализации гражданином конституционного права на свободу слова. Понятно, что такая деятельность в зависимости от конкретных обстоятельств дела может быть квалифицирована по ст. 119, 126, 127, 136, 272, 285, 286 УК РФ и др. Вместе с тем применение указанных норм объективно не будет отражать направленности посягательства именно на причинение вреда общественным отношениям, связанным с обеспечением гарантированного общепринятыми нормами международного права и Конституцией РФ права на свободу слова. В отдельных случаях, как например, при угрозе уничтожения или повреждения имущества с целью принуждения к распространению или отказу от распространения гражданином той или иной информации, отечественное уголовное законодательство и вовсе, что называется, «не срабатывает». Общая норма, предусмотренная ст. 136 УК РФ, об ответственности за дискриминационные действия объективно неспособна восполнить имеющийся пробел. Во-первых, она не распространяет своё действие на лиц, которые не обладают специальными признаками должностного лица, однако могут осуществлять противоправное вмешательство в реализацию гражданином права на свободу выражения мнения. С другой стороны, нельзя не отметить и низкий предупредительный эффект уголовно-правовой охраны свободы слова в рамках общей нормы об ответственности за дискриминацию.

С учётом последних рекомендаций международных документов в области защиты свободы слова в эпоху глобального пространства интернет-коммуникаций переосмысления требует уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 144 УК РФ. Как справедливо отмечает С. А. Куликова, блогеры, владельцы новостных агрегаторов, аудиовизуальных сервисов

выполняют важную общественную функцию по производству и распространению массовой социально значимой информации, обеспечивают формирование и развитие общественного диалога по наиболее актуальной тематике и потому их деятельность должна получить определенные законом формы государственно-правовой защиты⁸⁸. Уголовно-правовая норма об ответственности за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ) не распространяется на случаи оказания соответствующего давления на таких лиц, которые в условиях современного стремительно «виртуализующегося» общества, оказывают едва ли не меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем официальные СМИ. В связи с этим полагаем, что механизм уголовно-правовой охраны требует модернизации с целью его распространения на таких специфических субъектов как блогер, владелец новостного агрегатора и аудиовизуального сервиса по распространению информации.

Возможность несоразмерного ограничения права на свободу слова человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации, на наш взгляд, скрывается в современных редакциях ч. 1 ст. 148 УК РФ, предусматривающей ответственность за оскорбление чувств верующих, а также ст. 354¹ УК РФ об ответственности за реабилитацию нацизма. Используемые в тексте отечественного уголовного закона конструкции не обладают достаточной формальной определенностью, чтобы утверждать о наличии надёжных гарантий от расширительного толкования и, следовательно, произвольного применения.

Из этих же соображений следует признать дискуссионными и не в полной мере соответствующими положениям ст. 5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма положения ст. 205² УК РФ в той части, в которой она устанавливает ответственность за публичное оправдание идеологии терроризма. Как справедливо замечает по данному поводу З. А. Шибзухов,

⁸⁸ Куликова С. А. Перспективы совершенствования правового регулирования деятельности СМИ и других источников массовой информации // Информационное право. 2017. № 3. С. 33.

«...понятие «идеология терроризма» не обладает той степенью определённости, которая необходима для уголовного закона...террористическими являются не сами идеи и взгляды, которыми руководствуются террористы, а способы их практической реализации...»⁸⁹. Понимая остроту и сложность затронутого вопроса, его специфическую морально-этическую сторону, следует дополнительно пояснить следующее. В обозначенном решении нет попытки заявить о том, что идеология терроризма сама по себе не представляет опасности. Конечно же представляет, именно поэтому с ней необходимо бороться всем доступным арсеналом просветительского, воспитательного и информационно-технического воздействия. Другое дело, что установление ответственности за оправдание идеологии, то есть некой совокупности упорядоченных взглядов, выражающих интересы различных социальных классов и иных социальных групп, совершенно не вяжется с тем уровнем формальной определённости закона, которая необходима для легитимного установления и реализации юридической ответственности. Именно поэтому исследованные выше положения международных документов показывают, что одной из принципиальных позиций мирового сообщества является установление ответственности не за оправдание нацизма, терроризма, экстремизма как мировоззрения (идеологии), а за оправдание или отрицание конкретных практик, событий, исторических фактов, ставших трагическими последствиями этих идеологий.

Наконец, в свете приведённых выше положений Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948 г.) представляется необходимым в рамках ст. 357 УК РФ предусмотреть ответственность за публичные призывы⁹⁰ к геноциду либо его публичное

⁸⁹ Шибзухов З. А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2012. С. 10.

⁹⁰ Следует отметить, что в отечественной теории уголовного права выработаны критерии, позволяющие проводить разграничение подстрекательства (по смыслу ч.4 ст. 33 УК РФ) от уголовно-наказуемого публичных призывов: 1) призывы безличны, то есть обращены к персонально неопределённому кругу лиц; 2) неконкретны, имеют явно выраженный

оправдание. Действующая редакция указанной статьи со всей очевидностью свидетельствует о том, что Российская Федерация не в полной мере выполнила взятые на себя международные обязательства в рамках данного международного документа. Как справедливо отмечает М. Т. Гигинейшвили, «в международном праве под подстрекательством к геноциду понимается отдельное преступление, а не вид соучастия. Главное отличие заключается в том, что подстрекательство к геноциду адресовано неопределенному кругу лиц и считается оконченным с момента оглашения призывов вне зависимости от наступления последствий. В отечественном уголовном законодательстве такое преступление не криминализировано. Квалификация по ст. 357 со ссылкой на ч. 4 ст. 33 не будет тождественной»⁹¹.

При реализации данного положения следует учесть практику Международного трибунала по Руанде и Европейского Суда по правам человека. В деле руандийского певца Симона Бикинди прокурор Международного трибунала по Руанде обосновывал, что отдельные его песни, (например, «Я ненавижу тутси»), были не только пропагандой ненависти к тутси, но и призывом убивать их в условиях разыгравшейся гражданской войны. Вместе с тем, Международный трибунал не согласился с тем, что песни (в том числе выражающие ненависть, оскорбляющие общественное мнение) могут быть приравнены к призывам к геноциду. Осудив С. Бикинди за призывы к геноциду, Международный трибунал по Руанде сослался на его выступление в эфире по радио, в течение которого он обратился к аудитории с вопросом: «Сколько тутси Вы убили?»⁹².

В то же время в решении по делу «Перинчек против Швейцарии» (Perinçek v. Switzerland, жалоба № 27510/08) Европейский Суд по правам

абстрактный характер без указания на место, время и способ осуществления преступной деятельности (см.: Шибзухов З. А. Там же. С. 153).

⁹¹ Гигинейшвили М. Т. Подстрекательство к геноциду в практике международных трибуналов // Теория и практика общественного развития. 2015. № 4. С. 212-213.

⁹² Prosecutor v. Simon Bikindi, ICTR-01-72-T, 2 Dec. 2008 // [Электронный ресурс] // URL: <http://www.unict.org/en> (дата обращения: 10.09.2019).

человека указал, что турецкий политик Догу Перинчек не мог быть судим за отрицание того, что массовые убийства армян в Османской империи в 1915 году являлись геноцидом. В обоснование принятого решения суд отметил, что соответствующие высказывания не были направлены к возбуждению вражды или нетерпимости, он не выражал презрения или ненависти по отношению к жертвам событий 1915 года и последующих лет, он не называл армян лжецами и не высказывал в отношении них оскорблений. При этом высказывания заявителя не затрагивали национальную идентичность армян, имели, будучи частью выступлений на трех публичных мероприятиях, весьма ограниченное распространение, заявитель был привлечён за свои слова к суровой – уголовной – ответственности, хотя привлечение его к таковой не вытекало из международных обязательств Швейцарии. Принимая во внимание все эти факторы, Европейский Суд по правам человека решил, что имело место нарушение свободы слова заявителя.

Следует отметить, что Европейский Суд по правам человека особо отметил разницу между настоящим делом, касающимся выступлений заявителя в Швейцарии, не имеющей прямой связи с событиями в Османской империи почти вековой давности, и отрицанием Холокоста в Австрии, Бельгии, Германии, Франции – основанием для признания отрицания (Холокоста) преступлением является не столько то обстоятельство, что это однозначно установленный исторический факт, но то, что в свете исторического контекста, в котором находятся соответствующие государства его отрицание, даже если оно обряжено в форму беспристрастного исторического исследования, должно неизменно рассматриваться как коннотация антидемократической идеологии и антисемитизма⁹³.

Полагаем, что при определении границ уголовной ответственности за публичное оправдание или призывы к геноциду, приведённые выше решения должны выступать обязательными ориентирами, позволяющими выдержать

⁹³ [Электронный ресурс] // URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{\"itemid\":\[\"001-158235\"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{\) (дата обращения: 10.09.2019).

необходимый баланс между необходимостью уголовной репрессии за пропаганду геноцида и обеспечением права на свободу слова человека.

В заключение данного параграфа представляется необходимым остановиться на его основных положениях и выводах:

1) Система международных документов, в той или иной мере затрагивающих реализацию права на свободу слова, к настоящему времени может быть представлена следующими элементами: а) универсальные международные документы, составляющие Международный стандарт в области свободы слова; б) региональные международные документы, дублирующие и отчасти развивающие положения Международного стандарта; в) вспомогательные международные документы, интерпретирующие положения Международного стандарта; г) рекомендательные международные документы в области соблюдения и ограничения свободы слова; д) международные документы, содержащие нормы, устанавливающие ответственность за отдельные преступления, связанные со злоупотреблением права на свободу слова;

2) Доктринальная экспертиза российского уголовного законодательства на предмет его соответствия международным стандартам позволяет заключить, что оно не в полной мере удовлетворяет основополагающему требованию международного стандарта в области свободы слова, касающегося обязанности государств всемерно и эффективно охранять свободу выражения мнения и информации от возможных нарушений и неправомерного вмешательства. Отечественный уголовный закон не содержит общего запрета на воспрепятствование реализации гражданином конституционного права на свободу слова;

3) С учётом последних рекомендаций международных документов в области защиты свободы слова в эпоху глобального пространства интернет-коммуникаций переосмысления требует уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 144 УК РФ. Уголовно-правовая норма об ответственности за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов

(ст. 144 УК РФ) не распространяется на случаи оказания соответствующего давления на таких лиц, которые в условиях современного стремительного «виртуализирующегося» общества, оказывают едва ли не меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем официальные средства массовой информации;

4) Возможность несоразмерного ограничения права на свободу слова человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации заложена в современных редакциях ч. 1 ст. 148 УК РФ, предусматривающей ответственность за оскорбление чувств верующих, а также ст. 354¹ УК РФ об ответственности за реабилитацию нацизма. Используемые в тексте отечественного уголовного закона конструкции не обладают достаточной формальной определённой, чтобы утверждать о наличии надёжных гарантий от расширительного толкования и, следовательно, произвольного применения;

5) Не в полной мере соответствующими положениям ст. 5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма положения ст. 205² УК РФ в той части, в которой она устанавливает ответственность за публичное оправдание идеологии терроризма. Установление ответственности за оправдание идеологии, то есть некой совокупности упорядоченных взглядов, выражающих интересы различных социальных классов и иных социальных групп, совершенно не вяжется с тем уровнем формальной определённости закона, которая необходима для легитимного установления и реализации юридической ответственности. Именно поэтому исследованные выше положения международных документов показывают, что одной из принципиальных позиций мирового сообщества является установление ответственности не за оправдание нацизма, терроризма, экстремизма как мировоззрения (идеологии), а за оправдание или отрицание конкретных практик, событий, исторических фактов, ставших трагическими последствиями этих идеологий;

6) Уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 357 УК РФ, должна быть приведена в соответствие с Конвенцией о предупреждении преступления

геноцида и наказании за него (1948 г.), которая в качестве преступления называет публичные призывы к совершению геноцида (ст. 3). Действующая редакция ст. 357 УК РФ со всей очевидностью свидетельствует о том, что Российская Федерация не в полной мере выполнила взятые на себя международные обязательства в рамках данного международного документа.

§ 2. Сравнительно-правовой анализ уголовно-правовых гарантий права на свободу слова

Исследование проблем регламентации уголовно-правовых гарантий права на свободу слова без внимания к имеющемуся зарубежному опыту, как представляется, было бы крайне ограниченным. Как известно, познание опыта зарубежных стран позволяет не только обогатить отечественную науку, но и критически осмыслить национальное законодательство, выявить его слабые и сильные стороны, указать на очевидные проблемы, а также предложить наиболее правильные пути их разрешения. Не менее важным является и то, что отчетливое понимание особенностей установления и реализации уголовно-правовых гарантий права на свободу слова является неременным условием эффективного взаимодействия с правоохранительными органами и правовыми системами других государств.

Сразу оговоримся, что такое сравнительно-правовое исследование не преследует цели заимствования готовых юридических конструкций или законодательных решений. Его задача по большей части методологическая – создать основу для более глубокой проработки актуальных проблем отечественного законодательства и разработки основных перспективных направлений его дальнейшего развития.

Следует также отметить, что в высшей степени самонадеянным будет заявлять об исчерпывающем освещении соответствующего вопроса, так как сложность и масштабность проблемы не позволяет даже претендовать на это.

Вместе с тем, чтобы выявить основные подходы зарубежных стран в правовом регулировании того или иного социального явления отнюдь не обязательно погружаться в скрупулезный анализ действующего законодательства каждого ныне существующего государства. В современном глобализованном мире различные страны все больше показывают сближение в подходах к установлению ответственности за те или иные общественно опасные деяния. Это позволяет осуществлять сравнительно-правовой анализ на основе своего рода «блокового подхода», когда в заранее определенной группе государств, демонстрирующих близость правовой культуры и законотворческой практики, исследуются лишь отдельные ее представители.

Ввиду многих причин политического, социально-экономического и культурного характера при проведении сравнительного исследования наиболее пристальное внимание традиционно уделяется законодательству стран **Содружества Независимых Государств**⁹⁴. Это обусловливается также и тем, что судебные-следственные органы стран Содружества гораздо чаще вынуждены взаимодействовать друг с другом в рамках правовой помощи по уголовным делам.

В отличие от российского законодательства УК **Азербайджана** в ст. 163 устанавливает ответственность за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста исключительно при условии, что такие действия были сопряжены с насилием или угрозой применения насилия⁹⁵. Полагаем, что такой подход является необоснованным. Указание на строго определенный – насильственный – способ воспрепятствования

⁹⁴ Далее по тексту – СНГ или Содружество. Сведения приведены на основании обращения к текстам нормативных актов, размещенных в справочных правовых системах или на официальных сайтах правительств соответствующих государств. По СНГ исследование проведено на основе законодательств стран Содружества, подписавших договор: Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан, Узбекистан.

⁹⁵ [Электронный ресурс] // URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=2&ved=2ahUKEwjJ2sPnnNXkAhUj4aYKHdbOD04QFjABegQIARAC&url=http%3A%2F%2Fscfwca.gov.az%2Fstore%2Fmedia%2FNewFolder%2FCriminal%2520Code%2520of%2520the%2520Republic%2520of%2520%2520Azerbaijan.doc&usg=AOvVaw1crO6uLRPToxlzPTU bvaCy> (дата обращения: 05.04.2019).

профессиональной журналистской деятельности исключает из уголовно-правовой сферы целый массив общественно опасного давления на представителей СМИ, сопряженный с шантажом, угрозами уничтожения или повреждения имущества, совершения негативных действий в отношении журналиста или его близких, таких как увольнение, прекращение коммерческих отношений, отчисление из вуза и т.п.

УК **Армении** (ст. 164) диспозицию аналогичной нормы излагает следующим образом: «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста либо принуждение его к распространению либо отказу от распространения информации»⁹⁶. Очевидно, что здесь норма обладает сравнительно большим «радиусом действия», поскольку устанавливает ответственность за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста как таковое, и альтернативно выделяет принуждение к распространению либо отказу от распространения информации.

В соответствии со ст. 158 УК **Казахстана** лицо подлежит уголовной ответственности за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста путем его принуждения к распространению или отказу от распространения информации, а равно путем создания условий, препятствующих выполнению журналистом законной профессиональной деятельности либо полностью лишаящих его этой возможности⁹⁷. Нельзя не отметить очевидную близость ст. 158 УК Казахстана конструкции ст. 144 УК РФ – само воспрепятствование деятельности журналиста по смыслу сводится к принуждению. Справедливости ради стоит заметить, что законодатель Казахстана дополнительно еще указывает на «создание условий»,

⁹⁶ [Электронный ресурс] // URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&sel=show&lang=rus#19> (дата обращения: 15.03.2019).

⁹⁷ [Электронный ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#pos=2273;13&sdoc_params=text%3D%25D0%25A3%25D0%25B3%25D0%25BE%25D0%25B%25D0%25BE%25D0%25B2%25D0%25BD%25D1%258B%25D0%25B9%2520%25D0%25B%25D0%25BE%25D0%25B4%25D0%25B5%25D0%25BA%25D1%2581%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D31575252%26spos%3D1%26tSynonym%3D1%26tShort%3D1%26tSuffix%3D1&sdoc_pos=0 (дата обращения: 23.03.2019).

препятствующих такой деятельности, что само по себе расширяет сферу применения нормы.

Статья 162 УК **Таджикистана** устанавливает ответственность за «воспрепятствование в какой бы то ни было форме законной профессиональной деятельности журналиста, а равно принуждение его к распространению либо отказу от распространения информации, соединенное с угрозой насилия, уничтожением или повреждением имущества, распространением клеветнических измышлений или оглашением иных сведений, которые потерпевший желает сохранить в тайне, а равно путем угрозы ущемления прав и законных интересов журналистов»⁹⁸.

Близкую формулировку уголовно-наказуемого вмешательства в осуществление законной профессиональной журналистской деятельности содержит ст. 198 УК **Беларуси**: «Воспрепятствование в какой бы то ни было форме законной профессиональной деятельности журналиста либо принуждение его к распространению или отказу от распространения информации, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения, уничтожением или повреждением имущества, ущемлением прав и законных интересов журналиста»⁹⁹. Следует указать, что ст. 198 УК Беларуси не содержит каких-либо признаков, дифференцирующих ответственность за данное деяние в зависимости от способа его совершения, наличия признаков соучастия, служебного положения виновного и т.п. Это, пожалуй, можно отнести к числу недостатков белорусского уголовного законодательства.

В УК **Молдовы** определению уголовно-правовых гарантий профессиональной журналистской деятельности посвящены ст. 180¹ «Воспрепятствование деятельности средств массовой информации в связи с критикой» и ст. 180² «Цензура». В соответствии со ст. 180¹ лицо подлежит уголовной ответственности за воспрепятствование деятельности конкретного

⁹⁸ [Электронный ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 17.04.2019).

⁹⁹ [Электронный ресурс] // URL: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyye-dokumenty/kodeksy-respubliki-belarus/> (дата обращения: 05.05.2019).

средства массовой информации, так и отдельного журналиста в связи с распространяемой критикой¹⁰⁰. В свою очередь ст. 180² устанавливает ответственность за: 1) неправомерное искажение журналистского материала либо неправомерный запрет распространять какую-либо информацию, совершенные со стороны руководства публичного средства массовой информации; 2) дача средству массовой информации, его руководству или журналисту указаний относительно издательской деятельности со стороны должностных лиц.

Как представляется, уязвимым элементом механизма уголовно-правовой защиты законной профессиональной деятельности журналистов по УК Молдовы является то, что ст. 180¹ содержит прямое указание на наказуемость вмешательства только лишь в связи с распространением критических материалов. Таким образом, данный уголовно-правовой запрет не позволяет охватить ситуации, когда давление на журналиста осуществляется в целях принудить его к распространению какой-либо информации, в том числе не критического свойства.

Одной из примечательных особенностей законодательного определения уголовно-правовых гарантий права на свободу слова среди стран Содружества является установление самостоятельной ответственности за преследование за критику. Так, в соответствии со ст. 197 УК **Республики Беларусь** является преступлением ущемление должностным лицом прав, свобод и законных интересов гражданина за направление им в государственные органы или общественные объединения предложений, заявлений или жалоб, либо за содержащуюся в них критику, либо за выступления с критикой в иной форме (преследование граждан за критику)¹⁰¹.

Аналогичный запрет содержится в ст. 163 УК **Республики Таджикистан**: «Преследование гражданина должностным лицом в связи с его обращением в

¹⁰⁰ «The intentional prevention of the activity of the media or the journalist, as well as the intimidation of the media or the journalist for criticism» // [Электронный ресурс] // URL: <https://cis-legislation.com/document.fwx?rgn=3835> (дата обращения: 14.05.2019).

¹⁰¹ [Электронный ресурс] // URL: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyedokumenty/kodeksy-respubliki-belarus/> (дата обращения: 05.05.2019).

государственный орган, предприятие, учреждение, организацию или общественное объединение за содержащуюся в обращении критику, а равно за выступление с критикой в иной форме»¹⁰².

УК **Узбекистана**¹⁰³ и **Кыргызской Республики**¹⁰⁴ не содержат специальных положений об ответственности за неправомерное ограничение свободы слова человека или воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов.

По результатам компаративистского исследования законодательств стран СНГ можно сделать некоторые промежуточные выводы:

1) ни одна из стран Содружества не содержит общего положения об уголовной ответственности за неправомерное ограничение свободы слова человека;

2) лишь по законодательству Беларуси и Таджикистана преступлением признается преследование должностным лицом гражданина за выражение последним критических суждений. Понятно, что сама по себе такая норма не решает проблему ограничения свободы слова человека, когда целью виновного является не пресечь критику, а, например, добиться распространения определенной информации;

3) традиционным следует признать подход стран СНГ по закреплению специальных норм, направленных на защиту свободы законной профессиональной деятельности журналистов. Следует лишь дополнительно отметить, что страны по-разному определяют конструкции соответствующих норм – с указанием на определенный способ воспрепятствования или без такового, соответственно сужая и расширяя сферу их действия;

4) в нормах Особенной части, связанных с установлением ответственности за различные виды злоупотребления правом на свободу слова,

¹⁰² [Электронный ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 17.04.2019).

¹⁰³ [Электронный ресурс] // URL: <http://www.lex.uz/acts/111457> (дата обращения: 21.04.2019).

¹⁰⁴ [Электронный ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=34350840 (дата обращения: 28.04.2019).

страны-члены Содружества не выделяют каких-либо специальных оснований, исключающих их действие ввиду реализации гражданином естественного права на свободу слова в общественно полезных целях. Данный вывод представляет интерес в том аспекте, что, как будет показано ниже, многие европейские страны используют такой прием юридической техники довольно широко, пытаясь тем самым обеспечить баланс между необходимой уголовной репрессией и конституционными гарантиями на свободу выражения личности.

Не менее важным является исследование законодательств стран ближнего зарубежья, которые в настоящее время хотя и не являются членами Содружества, но были в составе СССР и с которыми у России традиционно сложились близкие политические, культурные и торгово-экономические отношения.

Специальная норма об ответственности за посягательство на свободу слова предусмотрена ст. 153 УК **Грузии**. Диспозиция данной нормы имеет сложный характер с альтернативным моментом окончания состава преступления. Согласно ст. 153 УК Грузии посягательством на свободу слова является: 1) незаконное воспрепятствование осуществлению свободы слова либо права на получение или распространение информации, повлекшее значительный вред либо 2) незаконное воспрепятствование осуществлению свободы слова либо права на получение или распространение информации, совершенное с использованием служебного положения¹⁰⁵.

Нельзя не отметить, что по грузинскому уголовному законодательству наказуемым является не только воспрепятствование осуществлению свободы слова, но и преследование человека в связи с осуществлением им свободы слова. В соответствии со ст. 156 УК Грузии лицо подлежит уголовной ответственности за преследование человека в связи с осуществлением им свободы слова, выражения мнений, совести, вероисповедания, убеждений или мысли либо в связи с его политической, общественной, профессиональной,

¹⁰⁵ [Электронный ресурс] // URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/16426/137/ru/pdf> (дата обращения: 17.04.2019).

религиозной или научной деятельностью. Квалифицирующими признаками данного преступления являются: 1) совершение деяния с применением насилия или с угрозой его применения; 2) лицом с использованием служебного положения; 3) повлекло значительный вред.

Статья 154 УК Грузии содержит норму об ответственности за незаконное воспрепятствование журналистам в осуществлении ими профессиональной деятельности, то есть их принуждение к распространению или воздержанию от распространения информации. В данной части позиция грузинского законодателя близка конструкции ст. 144 УК РФ. Вместе с тем, нельзя не обратить внимание, что ст. 154 УК Грузии содержит бланкетную диспозицию, указывая в самом начале на *незаконность* действий виновного.

Статья 171 УК **Украины** предусматривает ответственность за «незаконное изъятие собранных, обработанных, подготовленных журналистом материалов и технических средств, которыми он пользуется в связи со своей профессиональной деятельностью, незаконный отказ в доступе журналиста к информации, незаконный запрет освещения отдельных тем, показа отдельных лиц, критики субъекта властных полномочий, а так же любое другое умышленное препятствование осуществлению журналистом законной профессиональной деятельности»¹⁰⁶.

Нельзя не отметить некоторую казуистичность в описании признаков данного состава преступления по украинскому уголовному закону. Вместе с тем в определенном отношении она служит на пользу, поскольку позволяет успешно решать ряд сложных проблем юридической оценки неправомерного ограничения свободы законной профессиональной деятельности журналистов. Так, например, прямое указание на изъятие материалов и технических средств, используемых журналистом, ставит точку в необходимости дополнительной квалификации содеянного как посягательства на собственность.

¹⁰⁶ [Электронный ресурс] // URL: https://kodeksy.com.ua/ka/ugolovnyj_kodeks_ukraini/statja-171.htm (дата обращения: 17.04.2019).

УК **Туркменистана** предусматривает лишь общую норму об ответственности за нарушение равноправия граждан (ст. 145) и не содержит специальных положений об ответственности за наиболее опасные формы ограничения свободы слова человека и вмешательства в законную профессиональную деятельность журналистов¹⁰⁷.

Аналогичный подход реализован в уголовных кодексах **Латвии**¹⁰⁸ и **Эстонии**¹⁰⁹, где содержатся лишь общие уголовно-правовые нормы об ответственности за дискриминацию (ст. 149¹ и ст 152 соответственно).

УК **Литвы** в дополнение к общему запрету относительно дискриминации (ст. 169) предусматривает ответственность за ограничение свободы действий человека (ст. 148). Последняя уголовно-правовая норма не типична для отечественного законодательства и требует, думается, дополнительного комментария. Диспозиция ст. 148 УК Литвы (глава 20 «Преступления против свободы») предусматривает, что является преступлением соединенное с психическим насилием (угрозами) принуждение другого человека к совершению незаконных действий или воздержанию от совершения законных действий или иному подчинению в соответствии с указаниями виновного¹¹⁰. Как представляется, с юридико-технической точки зрения данная норма может быть применена как при осуществлении лицом противоправного ограничения свободы слова человека, так и при незаконном вмешательстве в профессиональную деятельность журналиста.

В целом анализ уголовных законодательств государств ближнего зарубежья (бывших союзных республик в составе СССР) позволяет заключить об отсутствии какого-либо единого подхода к определению уголовно-правовых гарантий свободы слова человека. Государства практикуют модели, связанные

¹⁰⁷ [Электронный ресурс] // URL: <http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=5313> (дата обращения: 07.06.2019).

¹⁰⁸ [Электронный ресурс] // URL: <https://likumi.lv/ta/en/id/88966-the-criminal-law> (дата обращения: 07.06.2019).

¹⁰⁹ [Электронный ресурс] // URL: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/522012015002/consolide> (дата обращения: 07.06.2019).

¹¹⁰ [Электронный ресурс] // URL: https://www.unodc.org/res/cld/document/ltu/criminal_code_of_lithuania.html/Lithuania_Criminal_Code_2000_as_amd_2010.pdf (дата обращения: 07.06.2019).

как с закреплением специальных норм об ответственности за ограничение свободы слова человека и отдельно свободы законной журналистской деятельности (Грузия), так и с фактическим абстрагированием от проблемы на том основании, что свобода слова (в том числе свобода СМИ) имеет естественно-правовой характер и, следовательно, прежде всего гарантирована культурой и традициями этих государств.

Законодательства стран Европейского Союза в целом не содержат каких-либо специальных уголовно-правовых норм, охраняющих свободу слова. В сфере уголовного права концепция свободы слова формируется как бы от противного – посредством установления многочисленных запретов относительно злоупотребления свободой слова и одновременного определения исключений (изъятий) из действия этих запретов.

Так, УК **Швеции** устанавливает такие уголовно-правовые гарантии осуществления свободы слова при определении ответственности за диффамацию. В соответствии со ст. 1 Главы 5 УК Швеции лицо, которое указывает на то, что кто-то является преступником или имеет предосудительный образ жизни или иным образом предоставляет информацию, предназначенную для того, чтобы вызвать неуважение к другим, подлежит ответственности за диффамацию. Действие указанной нормы не распространяется на случаи, когда такое лицо было обязано выразить свое мнение или если, с учетом обстоятельств дела, распространение информации было оправданным, а равно если лицо докажет, что информация была правдивой и у него были разумные основания для ее распространения¹¹¹.

Статья 5 главы 16 УК Швеции, устанавливая ответственность за совершение лицом действий, связанных с публичными призывами к преступной деятельности, уклонению от исполнения гражданских обязанностей или неповиновению требованиям представителей власти, специально регламентирует, что лицо не подлежит ответственности в малозначительных

¹¹¹ [Электронный ресурс] // URL: <https://www.government.se/contentassets/5315d27076c942019828d6c36521696e/swedish-penal-code.pdf> (дата обращения: 12.06.2019).

случаях. В УК Швеции оговаривается, что при оценке того, является ли деяние малозначительным, особое внимание следует уделить тому, имелся ли незначительный риск того, что соблазн или попытка соблазнения действительно имели бы последствия¹¹².

В ст. 86 УК **Германии** «Распространение агитационных материалов запрещенных (неконституционных) организаций» специально оговаривается, что действие данной нормы не распространяется на деяния, связанные с использованием агитационных материалов в образовательной деятельности, для предотвращения неконституционных движений, для развития искусства или науки, проведения исследований о текущих или исторических событиях¹¹³.

В ст. 193 главы 14 УК Германии «Диффамация и клевета» определяется, что действие норм данной главы не распространяется на критические мнения о фактах, высказывания, сделанные для осуществления или защиты прав и законных интересов, а также на протесты, официальные доклады или суждения при соблюдении приличной формы и отсутствии признаков оскорбления.

В части исследования уголовно-правовых гарантий права на свободу слова нельзя также не указать на ст. 240 УК Германии, в которой содержится общая норма об ответственности за принуждение лица к совершению каких-либо действий, воздержанию или отказу от их совершения, сопряженное с применением насилия или угрозой его применения. Данная норма фактически повторяет положения ст. 148 УК Литвы, которые мы рассматривали выше.

Примечательную уголовно-правовую гарантию права на свободу слова содержит ст. 3а главы 27 «Диффамация и нарушение неприкосновенности частной жизни» УК **Финляндии**. В соответствии с данной нормой наказуемым является незаконное публичное распространение информации о личной жизни

¹¹² «Punishment shall not be imposed in petty cases. In assessing whether the crime is petty, special consideration shall be given to whether there was only an insignificant risk that the enticement or attempted enticement would in fact have effect».

¹¹³ «Subsection (1) above shall not apply if the propaganda materials or the act is meant to serve civil education, to avert unconstitutional movements, to promote art or science, research or teaching, the reporting about current or historical events or similar purposes» // [Электронный ресурс] // URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/englischstgb/englischstgb.html> (дата обращения: 12.06.2019).

другого лица, способствующее причинению ему вреда или страданий. Эта же норма специально предусматривает, что публикация, которая касается поведения человека на государственной службе или в профессиональной жизни, политической деятельности или в другой сопоставимой деятельности, когда это необходимо для решения социально важного вопроса, не должна рассматриваться как вторжение в личную жизнь¹¹⁴.

Нельзя не отметить, что УК Финляндии содержит специальную норму об ответственности за «нарушение политической свободы» (ст. 5 главы 14 «Преступления против демократии»). В соответствии с данной нормой уголовно-наказуемым является применение к лицу насилия или угрозы насилия в целях: 1) воспрепятствования выражению потерпевшим своего мнения о государственных делах в средствах массовой информации или иным образом публично; 2) воспрепятствования участию потерпевшего в собрании, шествии или другом общественном мероприятии.

По части 2 данной статьи преступлением также является принуждение с применением насилия или угрозой применения насилия к выражению потерпевшим определенного мнения или участию в определенных общественных мероприятиях¹¹⁵.

Совершенно особенное положение занимает УК **Франции**, который в отличие от многих других уголовных законов стран Европейского Союза

¹¹⁴ «A person who unlawfully through the use of the mass media or in another similar manner publicly spreads information, an insinuation or an image of the private life of another person, conducive to causing him damage or suffering, shall be sentenced for *invasion of privacy* to imprisonment for at most two years or to a fine. Publication that deals with a person's behaviour in public office or in a public duty, in professional life, political activity or in other comparable activity, when this is necessary in dealing with a socially important matter, shall not be considered invasion of privacy».

¹¹⁵ «A person who by violence or by a threat of serious injury to the well-being of another prevents him from expressing his opinion of public affairs in a meeting or other gathering arranged for that purpose, in the media or otherwise publicly; 2) participating in a meeting, march or other gathering relating to public affairs shall be sentenced for the *violation of political freedom* to a fine or to imprisonment for at most two years. (2) A person who in the manner referred to in (1) makes another to involuntarily express his opinion of public affairs in a meeting or other gathering, in the media or otherwise publicly, to participate in a gathering relating to public affairs, or to become or remain a member of an association established for such affairs or to be active in such an association» // [Электронный ресурс] // URL: <https://www.finlex.fi/sv/laki/kaannokset/1889/en1889003919951010.pdf> (дата обращения: 12.06.2019).

содержит специальную норму об ответственности за ограничение свободы слова (ст. 431-1): «(1) Ограничение свободы выражения мнений с использованием угроз для осуществления свободы выражения мнений, труда, ассоциации, собрания или демонстрации наказываются лишением свободы на один год и штрафом в размере 15 000 евро. (2) Воспрепятствование осуществлению одной из свобод, упомянутых в предыдущем абзаце, с использованием насилия или актов уничтожения или повреждения по смыслу настоящего Кодекса наказываются лишением свободы на срок до трех лет и штрафом в размере 45 000 евро»¹¹⁶.

Уголовный кодекс **Турции** устанавливает ответственность за различные формы злоупотребления правом на свободу слова. Так, в ст. 217 УК Турции предусмотрена ответственность за публичные призывы к не выполнению требований закона, когда такие призывы создавали угрозу для общественной безопасности и общественного порядка¹¹⁷.

Вместе с тем в ст. 218 (1) специально оговаривается, что действие указанной нормы не распространяется на случаи выражения мыслей в форме критики и выражения мыслей, которые не выходят за рамки распространения массовой информации (новостей)¹¹⁸.

¹¹⁶ «Le fait d'entraver, d'une manière concertée et à l'aide de menaces, l'exercice de la liberté d'expression, du travail, d'association, de réunion ou de manifestation ou d'entraver le déroulement des débats d'une assemblée parlementaire ou d'un organe délibérant d'une collectivité territoriale est puni d'un an d'emprisonnement et de 15 000 euros d'amende. Le fait d'entraver, d'une manière concertée et à l'aide de menaces, l'exercice de la liberté de création artistique ou de la liberté de la diffusion de la création artistique est puni d'un an d'emprisonnement et de 15 000 euros d'amende. Le fait d'entraver, d'une manière concertée et à l'aide de coups, violences, voies de fait, destructions ou dégradations au sens du présent code, l'exercice d'une des libertés visées aux alinéas précédents est puni de trois ans d'emprisonnement et de 45 000 euros d'amende». // [Электронный ресурс] // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070719> (дата обращения: 14.06.2019).

¹¹⁷ «A person who publicly provokes the public to disobey the law and such provocation is capable of disturbing public peace, shall be sentenced to a penalty of imprisonment for a term of six months to two years or a judicial fine» // [Электронный ресурс] // URL: <https://www.lawsturkey.com/law/criminal-code-law-of-turkey-5237> (дата обращения: 14.06.2019).

¹¹⁸ «However, the expression of thought in the form of criticism and the expression of thoughts which do not go beyond news reporting do not constitute an offence».

Аналогичная оговорка содержится и в ст. 301 об ответственности за совершение действий, связанных с публичным оскорблением турецкого народа, Турецкой Республики, Великого национального собрания Турции, правительства Турецкой Республики, судебных органов государства и вооруженных сил.

Уголовно-правовые гарантии права на свободу слова по законодательству Великобритании регламентируются рядом нормативно-правовых актов. Как правило, такие законы имеют комплексный характер, детально определяя не только правила того или иного вида деятельности, но и ответственность за совершение конкретных преступлений в данной сфере. Так, например, закон **Великобритании** «О расовой и религиозной вражде» (Racial and religious hatred act 2006 г.) предусматривает уголовную ответственность (наиболее строгое наказание до 7 лет лишения свободы) за разжигание религиозной ненависти или вражды посредством распространения соответствующей информации либо совершения определенных действий. Вместе с тем, ст. 29J «Защита свободы слова» специально указывает, что: «Ни одно из положений Закона не может быть истолковано или приведено в действие таким образом, который запрещает или ограничивает обсуждение, критику или выражение антипатии, неприязни, насмешек и даже оскорблений в отношении определенных религий или убеждений или практики их приверженцев или любой другой системы убеждений или практики его приверженцев, в том числе в целях прекратить исповедовать свою религию или систему убеждений»¹¹⁹.

УК **Канады** содержит ряд заслуживающих внимание положений, затрагивающих уголовно-правовые гарантии права на свободу слова. Так, в ст. 319 УК Канады предусмотрена ответственность за возбуждение ненависти или вражды по отношению к определенной социальной группе. В этой же норме перечислены так называемые защиты («defences») – основания, препятствующие уголовному преследованию за такое деяние: «Никто не может

¹¹⁹ [Электронный ресурс] // URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/1/schedule> (дата обращения: 23.06.2019).

быть признан виновным в совершении преступления...: (а) если будет установлено, что представленные утверждения были правдой; (б) если добросовестно лицо выразило или попыталось обосновать мнение по религиозному вопросу или мнение, основанное на вере в религиозный текст; (с) если заявления касались какого-либо предмета, представляющего общественный интерес, обсуждение которого было на благо общества, и если на разумных основаниях лицо считало их правдивыми; (d) если лицо тем самым стремилось организовать дискуссию по вопросам, вызывающим или склонным вызывать чувство ненависти к определенным социальным группам»¹²⁰. Похожее положение предусмотрено и в примечании к ст. 163 УК Канады «Непристойные материалы»¹²¹.

В ст. 123 УК **Новой Зеландии** предусмотрена ответственность за распространение «богохульной клеветы»¹²². Примечательной особенностью данной уголовно-правовой нормы является то, что в частях 2 и 3 специально оговаривается, что: 1) является ли какой-либо опубликованный материал «богохульной клеветой» или нет, это вопрос факта и 2) не является преступлением выражение мыслей с добрым (общественно полезным) намерением и в приличной лексике (форме), а также изложение фактов или аргументов с добрым намерением и в приличной форме по любому религиозному вопросу¹²³.

УК **Японии** в ст. 230² содержит специальное исключение из применения уголовно-правовой нормы об ответственности за диффамацию (ст. 230): «Если будет установлено, что деяние, запрещенное в соответствии с пунктом 1

¹²⁰ [Электронный ресурс] // URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-46/page-69.html#h-121176> (дата обращения: 23.06.2019).

¹²¹ «No person shall be convicted of an offence under this section if the public good was served by the acts that are alleged to constitute the offence and if the acts alleged did not extend beyond what served the public good».

¹²² «Every one is liable to imprisonment for a term not exceeding 1 year who publishes any blasphemous libel».

¹²³ «2. Whether any particular published matter is or is not a blasphemous libel is a question of fact. 3. It is not an offence against this section to express in good faith and in decent language, or to attempt to establish by arguments used in good faith and conveyed in decent language, any opinion whatever on any religious subject».

предыдущей статьи, относится к вопросам, представляющим общественный интерес, и было совершено исключительно в интересах общественности, то должны быть рассмотрены правдивость или ложность предполагаемых фактов. Если будет доказано, что распространяемые сведения соответствуют действительности, лицо не подлежит ответственности»¹²⁴.

Подробным образом уголовно-правовые гарантии права на свободу слова изложены в уголовном законодательстве **Сингапура**¹²⁵. Устанавливая ответственность за диффамацию (ст. 499), законодатель в УК Сингапура выделяет 10 «исключений» – условий, наличие которых делает невозможным привлечь лицо к уголовной ответственности за распространение информации, причиняющей вред репутации другого человека. Среди таких «исключений» названы: 1) распространение соответствующих действительности сведений, хотя и причиняющих известный вред репутации другого человека, однако в общественно полезных целях; 2) выражение в приличной форме субъективного (оценочного) суждения о факте; 3) опубликование соответствующего действительности материала о работе судебных органов, парламента¹²⁶; 4) высказывание критических суждений о деятельности должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой организации и др.

По законодательству **Китая** установлена ответственность за преследование лица за критику. Статья 254 УК КНР предусматривает ответственность должностного лица, которое злоупотребляя своей властью или используя свою государственную должность в личных целях, оказывает противоправное давление на подателей жалоб, критиков или иных лиц, выступающих против его деятельности (наиболее строгое наказание не превышает двух лет лишения свободы). При существенном нарушении прав и

¹²⁴ [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cas.go.jp/jp/seisaku/hourei/data/PC.pdf> (дата обращения: 23.06.2019).

¹²⁵ [Электронный ресурс] // URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/224#pr499-> (дата обращения: 03.07.2019).

¹²⁶ «It is not defamation to publish a substantially true report of the proceedings of a court of justice, or of Parliament, or of the result of any such proceedings».

свобод граждан, интересов общества и государства, в том числе при наступлении тяжких последствий такое должностное лицо может быть осуждено к отбытию наказания в виде лишения свободы на срок от двух до семи лет¹²⁷.

В целом, исследование уголовного законодательства зарубежных стран позволяет сделать следующие основные выводы:

1. По формам закрепления уголовно-правовых гарантий права на свободу слова действующие уголовные законодательства зарубежных государств можно разделить на четыре группы:

– первую составляют страны, в которых обозначенный вопрос решается в самом общем виде – путем законодательной регламентации общего положения об ответственности за неправомерное ограничение свободы слова человека (Грузия, Финляндия, Франция и др.);

– ко второй группе следует отнести уголовные кодексы (законы), в которых устанавливается ответственность исключительно за преследование гражданина за критику (Беларусь, Китай, Таджикистан);

– третью группу образуют уголовные законодательства стран, в которых уголовно-правовые гарантии свободы слова сведены к защите законной профессиональной деятельности представителей средств массовой информации (Азербайджан, Казахстан, Молдова, Российская Федерация);

– уголовные законодательства государств, включающие специальные нормы об обстоятельствах, исключающих уголовную ответственность при реализации лицом права на свободу слова, формируют четвертую группу (Великобритания, Германия, Канада, Финляндия, Швеция и др.). Такие обстоятельства раскрываются в Особенной части в главах или даже в

¹²⁷ «Any functionary of a State organ who, abusing his power or using his public office for private ends, retaliates against or frames up complainants, petitioners, critics or persons who report against him shall be sentenced to fixed-term imprisonment of not more than two years or criminal detention; if the circumstances are serious, he shall be sentenced to fixed-term imprisonment of not less than two years but not more than seven years» // [Электронный ресурс] // URL: <https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/criminal-law-of-the-peoples-republic-of-china#2%20Chapter%20I> (дата обращения: 08.07.2019).

примечаниях к отдельным статьям об ответственности за преступления, связанные со злоупотреблением правом на свободу слова. Нельзя не отметить, что подобные целевые «нормы-исключения», рассчитанные на применение к весьма ограниченному кругу деяний, создают представление о казуистичности такого подхода.

2. Компаративистское исследование законодательств стран СНГ позволяет сделать вывод, что ни одна из стран Содружества не содержит общего положения об уголовной ответственности за неправомерное ограничение свободы слова человека (лишь по законодательству Беларуси и Таджикистана преступлением признается преследование должностным лицом гражданина за выражение последним критических суждений). При этом традиционным следует признать подход стран СНГ по закреплению специальных норм, направленных на защиту свободы законной профессиональной деятельности журналистов.

3. В европейской правовой традиции и в ряде стран, относимых к англосаксонской правовой семье, распространенной формой конструирования уголовно-правовых гарантий права на свободу слова является выделение в нормах Особенной части, связанных с установлением ответственности за различные виды злоупотребления правом на свободу слова, специальных оснований, исключающих их действие ввиду реализации гражданином естественного права на свободу слова в общественно полезных целях. Соответствующие страны используют такой прием юридической техники, пытаясь тем самым обеспечить баланс между необходимой уголовной репрессией и конституционными гарантиями на свободу выражения личности.

4. Учитывая особенности отечественной правовой культуры и опыта законотворчества, полагаем, что заслуживающим самого пристального внимания является решение некоторых зарубежных стран о выделении специальных норм, охраняющих свободу слова человека от наиболее опасных форм ее неправомерного ограничения.

Глава III. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СВОБОДЫ СЛОВА И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИХ СОВЕРШЕНИЕ

§ 1. Уголовно-правовая характеристика неправомерного отказа в предоставлении гражданину информации (ст. 140 УК РФ)

Перед непосредственным анализом конструктивных признаков составов преступлений против свободы слова нельзя не остановиться на состоянии правоприменения по данной категории дел. Такая оговорка важна хотя бы в том отношении, что официальная статистика по ст. 140 УК РФ позволяет утверждать о фактической ее не востребованности. И это весьма важно учитывать при предстоящем анализе данной нормы. В отчетах ГИАЦ МВД России по данной статье регистрация преступлений отражена следующим образом: 2002 г. – 1, 2003 г. – 2, 2007 г. – 1, 2008 г. – 1 и 2012 г. – 1. В остальные годы (в том числе и в 2018 г.) показатели регистрации характеризуются нулевыми значениями. С момента принятия УК РФ общее количество зарегистрированных преступлений по ст. 140 УК РФ не превысило и десяти эпизодов. В определенном смысле это позволяет утверждать, что в современных условиях уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 140 УК РФ, может быть причислена к категории так называемого «символического уголовного законодательства», обладающего в большей мере уголовно-политическим смыслом, внешним свидетельством неразрывной связи УК РФ с Основным законом страны. В прикладном же значении норма либо не востребована, либо не пригодна для фактической реализации. Принимая во внимание непреходящий характер проблемы качества функционирования российского аппарата государственного и муниципального управления, вряд ли можно со всей ответственностью заявить о том, что такое положение

объясняется тем, что граждане попросту не сталкиваются с такими злоупотреблениями должностных лиц.

Переходя к анализу состава неправомерного отказа в предоставлении гражданину информации (ст. 140 УК РФ), отметим, что таковой, как правило, принято начинать с объекта преступления. В этом смысле настоящая работа не будет выступать исключением. Вместе с тем раскрывать общетеоретические аспекты значимости правильного (четкого и непротиворечивого) определения объекта посягательства, полагаем, будет излишним. В отечественной доктрине уголовного права об этом написано значительное количество работ, полно и обстоятельно раскрывающих данный вопрос. Кроме того, многое из того, что можно было бы сказать об объекте выделенных нами преступлений против свободы слова уже было раскрыто в первой главе диссертации. По этой причине позволим себе сконцентрировать усилия на анализе доктринальных разногласий в определении непосредственного объекта неправомерного отказа в предоставлении гражданину информации и осмыслении имеющихся подходов к определению дополнительного объекта данного посягательства, а также его предмета и потерпевшего.

Одним из наиболее распространенных подходов к определению непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ, является его определение как специфической группы общественных отношений, охраняющих (обеспечивающих, регулирующих и т.п.) право человека на получение информации. В частности, такую позицию формулирует и обосновывает в своей работе К. К. Грошиков¹²⁸.

В свою очередь А. В. Серебренникова предлагает говорить о праве не на любую информацию, а о праве на информацию, касающейся прав и свобод конкретного гражданина¹²⁹.

¹²⁸ Грошиков К. К. Уголовная ответственность за утаивание социально значимой информации: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2009. С. 81.

¹²⁹ Серебренникова А. В. Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии. М., 2005. С. 106.

В самом начале работы мы отмечаем институциональную природу свободы слова, ее многослойную структуру, которая включает целую систему правомочий. В связи с этим полагаем, что определение непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ, только как права на информацию страдает некоторой близорукостью, поскольку данная норма защищает не столько информированность гражданина, сколько его право на свободное формирование собственных убеждений по вопросам практически любого порядка, а значит и право на свободное самовыражение, высказывание собственных суждений, отстаивание собственных позиций. Информированность гражданина сама по себе не самоцель отказа в предоставлении гражданину информации, она так или иначе всегда выступает промежуточным звеном в достижении другого результата – оставить какое-либо обстоятельство втайне, сделать невозможным само осмысление ситуации, предупредить критику. Именно поэтому мы полагаем, что непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ, являются *общественные отношения, связанные с реализацией естественного, гарантированного Конституцией Российской Федерации права на свободу слова.*

А. Е. Ратникова критически оценивает употребление в диспозиции анализируемой статьи такого признака как «гражданин» и обосновывает необходимость изменения конструкции ст. 140 УК РФ в части описания правового положения потерпевшего, которым, по мнению автора, может быть не только гражданин РФ, но и любой человек (иностранец, гражданин, лицо без гражданства)¹³⁰.

Понимая логику приведенного выше вывода, соглашаясь с предлагаемым решением по существу, следует все же указать, что проблема узко-формального понимания признака «гражданин» в отечественном уголовном законе традиционно решалась использованием того аксиоматического допущения (по

¹³⁰ Ратникова А. Е. Уголовно-правовое обеспечение права на информацию: сравнительно-правовое исследование: дис. ...канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 111.

сути юридической фикции), что под ним следует понимать человека вообще, если из самой конструкции состава не следует иное (как например, в составе государственной измены и шпионажа). При всем своем несовершенстве именно такой подход позволял и позволяет преодолевать многие технические неточности отечественного уголовного закона. Так, например, если следовать узко-формальному пониманию признака «гражданин», необходимо будет сделать вывод, что отечественный уголовный закон охраняет тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений исключительно граждан (ст. 138 УК РФ). Абсурдность такого заключения в аспекте содержания и смысла соответствующих положений самой Конституции РФ и вызывает к жизни прием юридической фикции, когда теоретики и практики вкладывают несколько иной (правильный, предполагаемый законодателем) смысл в букву уголовного закона.

Анализ диспозиции ст. 140 УК РФ, позволяет обосновать вывод, что *потерпевшим от соответствующего преступления может выступать: 1) лицо, в отношении которого были собраны в установленном порядке определенные документы и материалы; 2) лицо, заинтересованное в получении информации, затрагивающей ее личные права и законные интересы; 3) лицо, заинтересованное в получении информации, затрагивающей права и законные интересы других физических лиц.* Такой подход, на наш взгляд, позволяет преодолеть встречающуюся в отечественной теории уголовного права позицию, существенно купирующую охранительный потенциал ст. 140 УК РФ. Суть позиции состоит в том, что по смыслу ст. 140 УК РФ потерпевшим может выступать только то лицо, непосредственно права и свободы которого были затронуты и явились поводом для обращения в органы государственной власти или органы местного самоуправления¹³¹. Если согласиться с подобным видением признаков потерпевшего от преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ, возникают обоснованные сомнения в возможности применения данной

¹³¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Особенная часть. Разделы VII – VIII. Т. 2 / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2017 // Режим доступа: «КонсультантПлюс».

нормы в случаях, когда отказ должностного лица касается информации, затрагивающей репутацию умершего человека, либо лица, неспособного в силу психического расстройства либо физической болезни самостоятельно осуществлять действия, связанные с истребованием соответствующих сведений и защитой своих прав и законных интересов.

Дискуссионным вопросом является признание соответствующих материалов и документов (в том числе в электронной форме) предметом или средством совершения преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ. В современной литературе при характеристике объекта отказа в предоставлении гражданину информации авторы по-разному раскрывают содержание данного признака. Так, К. К. Грошиков под предметом преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ, предлагает понимать «материалы и документы, собранные в установленном законом порядке и содержащие сведения, интересующие гражданина в силу того, что они затрагивают его права и свободы»¹³².

В современной литературе справедливо раскрывается, что такие материалы и документы могут быть получены в результате проверок, проводимых органами дознания до возбуждения уголовного дела; архивные судебные дела; персональные данные; информация, находящаяся в органах и учреждениях социального обеспечения, здравоохранения, образования и др.¹³³

Другие авторы к предмету исследуемого преступления относят «находящиеся в органах государственной власти или органах местного самоуправления и собранные в установленном (т.е. только законном) порядке документы и материалы, непосредственно затрагивающие права и свободы гражданина (например, материалы служебных расследований, прокурорских проверок и т.п.), а также неполная или заведомо ложная информация в таких документах и материалах»¹³⁴. В подобной трактовке предмета преступления,

¹³² Грошиков К. К. Там же. С. 83.

¹³³ Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ В. П. Коняхина и д-ра юрид. наук, проф. М. Л. Прохоровой. М., 2015. С. 179.

¹³⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 7-е издание, переработанное и дополненное / под ред. Г. А. Есакова. М., 2017. // Режим доступа: «КонсультантПлюс».

предусмотренного ст. 140 УК РФ, дискуссионным представляется выделение материалов с неполной и недостоверной информацией.

Как известно, под предметом преступления понимается элемент объекта посягательства, воздействуя на который лицо нарушает последний (объект преступления)¹³⁵. В науке российского уголовного права было обосновано, что предмет не просто подвергается непосредственному воздействию со стороны преступника, он в равной мере характеризуется тем, что выступает материальным субстратом объекта, его овеществленным воплощением¹³⁶.

Из этих соображений В. К. Глистин делает закономерный вывод о том, что все предметы материального мира, так или иначе присутствующие при осуществлении общественного опасного посягательства, но которые «стоят вне охраняемого общественного отношения», предметом преступления признаваться не могут, выполняя при этом совершенно иную роль – средства либо орудия преступления¹³⁷.

Об этой же проблеме пишет В. Я. Таций: «Остаётся неясным, как быть с теми предметами, которые не входят в состав охраняемых общественных отношений, но с которыми действующее уголовное законодательство связывает определённые правовые последствия, влияющие на ответственность, квалификацию и т.д. Так, поддельные денежные знаки, порнографические предметы... не входят в состав охраняемых общественных отношений... С другой стороны их нельзя отнести и к объективной стороне, ибо они не могут рассматриваться как орудие совершения преступления. Вместе с тем с этими предметами, а точнее, с их признаками, действующее уголовное законодательство связывает ряд вопросов уголовно-правовой ответственности и поэтому они не могут быть вынесены за пределы состава преступления»¹³⁸.

¹³⁵ Курс советского уголовного права (Часть Общая) / под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. Л., 1968. С. 303-307.

¹³⁶ Кудрявцев В. Н. К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления // Советское государство и право. 1951. № 8. С. 57.

¹³⁷ Глистин В. К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). Л., 1979. С. 50.

¹³⁸ Таций В. Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1988. С. 35-37.

На определенном этапе развития отечественной доктрины уголовного права стало распространенным допущение, что разделение объекта преступления и тех предметов, которые не выражают суть охраняемого общественного отношения, является искусственным. По этой же причине в многочисленных литературных источниках стала встречаться модель квалификации клеветнических листовок, экстремистских материалов, порнографических фильмов и подложных документов как предметов соответствующих преступлений.

Полагаем, что согласиться с этим нельзя. Здесь в науке произошел отход от когда-то доказанного советской школой правильного понимания органической связи между объектом преступления и его предметом, между объектом преступления и потерпевшим. Ю. Е. Пудовочкин совершенно справедливо по этому поводу пишет, что такие предметы, не являющиеся элементом охраняемых законом общественных отношений (поддельные деньги, наркотические средства, психотропные вещества и др.), правильно рассматривать как «орудие» совершения преступления¹³⁹.

В связи с этим следует сделать вывод, что *предметом преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ, могут выступать: 1) материалы и документы, которые были специально собраны в отношении лица в установленном законом порядке; 2) материалы и документы, содержащие информацию, затрагивающую личные права и законные интересы гражданина; 3) материалы и документы, содержащие информацию, затрагивающую права и законные интересы других лиц.*

Поддерживая точку зрения Ю. Е. Пудовочкина, отметим, что ошибочным представляется расширение понятия предмета преступления путём включения составленных или собранных должностным лицом документов или материалов, содержащих неполные либо заведомо ложные сведения, которые не только не выражают сущность охраняемого законом общественного отношения, а по существу выступают инструментом причинения вреда последнему. В связи с

¹³⁹ Пудовочкин Ю. Е. Учение о составе преступления. Учебное пособие. М., 2009. С. 62.

этим, на наш взгляд, такие материалы и документы необходимо рассматривать как средство совершения преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ¹⁴⁰.

В части законодательного определения признаков предмета отказа в предоставлении гражданину информации необычную критику высказывает А. В. Сулопаров. Автор обосновывает вывод о необходимости разделения категорий «сведения» и «информация» на том основании, что первые представляют собой «любые объективно существующие данные, не вызвавшие новых смыслов в сознании человека», а вторые – «осмысленные данные, породившие новые смыслы». В связи с этим А. В. Сулопаров пишет, что в случае со ст. 140 УК РФ «более правильным было бы установить ответственность за отказ в предоставлении гражданину неполных или заведомо ложных сведений, а не информации. Гражданин может получить много документов, в которых будут различные цифровые обозначения, которые его сознанию не дадут какой-либо новой информации, но которые будут иметь значение после их обработки в соответствующих системах, банковских, налоговых и т.п. Ответственность же должна наступать за сам факт непредоставления этих данных, вне зависимости от того, сможет их гражданин самостоятельно осмыслить или нет»¹⁴¹.

С одной стороны, нельзя не согласиться с тем, что точность используемых категорий критически важна как для законодательной техники, так и соответственно последующего правоприменения. Вместе с тем такое размежевание понятий «сведения» и «информация» видится весьма субъективной (если не умозрительной) позицией отдельного автора. Несмотря на широкую распространенность понятия информации и сведений остаются одними из самых дискуссионных. В разных источниках можно обнаружить определение информации как сведений независимо от формы предоставления, так и наоборот. Поэтому полагаем, что в этой части еще нет должных

¹⁴⁰ Данный вывод нашёл свою поддержку у 57% опрошенных нами экспертов.

¹⁴¹ См.: Сулопаров А. В. Соответствие норм Уголовного кодекса России принципу единства и определенности терминологии на примере терминов «информация», «сведения», «данные» // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 11. С. 94–98.

оснований для корректировки конструкции исследуемой уголовно-правовой нормы.

Название уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 140 УК РФ, не отражает в полной мере содержание объективной стороны преступления. Анализ диспозиции ст. 140 УК РФ позволяет сделать вывод, что она включает в себя следующие общественно опасные деяния: 1) неправомерный отказ в предоставлении информации, затрагивающей права и законные интересы гражданина; 2) предоставление неполной информации; 3) предоставление заведомо ложной информации.

Выявление смысла исследуемой нормы позволяет заключить, что объективная сторона данного преступления предполагает исключительно активное поведение виновного – лицо должно либо официально отказать в предоставлении документов (материалов), либо предоставить неполные или недостоверные сведения. Таким образом, субъект должен *подготовить и передать* гражданину в установленном порядке документ с ответом на обращение в определенной форме.

Устный отказ в предоставлении гражданину информации либо отказ в любой другой форме, который был реализован вопреки принятого в соответствующем ведомстве порядка официального документооборота, на наш взгляд, еще нельзя квалифицировать как преступление в соответствии со ст. 140 УК РФ. Полагаем, что такие действия, сопряженные с последующим нарушением сроков рассмотрения обращения граждан, правильно оценивать как уклонение от предоставления информации.

По смыслу ст. 140 УК РФ отказ в предоставлении гражданину информации не следует смешивать с официальным ответом представителя государственного органа (допустим, по истечении предельного срока рассмотрения обращения гражданина), в котором разъясняется невозможность предоставления соответствующей информации по причине необходимости получения дополнительных документов, проведения каких-либо проверок и т.д. Понятно, что здесь возникает вопрос о том, что подобное поведение

должностного лица может иметь злонамеренный характер и по сути составлять *уклонение от предоставления гражданину соответствующих сведений*. Буквальное толкование диспозиции ст. 140 УК РФ позволяет сделать вывод, что такое уклонение не охватывается данной нормой. В связи с этим следует поставить под сомнение встречающуюся в теории уголовного права позицию, что в объективную сторону отказа в предоставлении гражданину информации входит также уклонение от предоставления информации – активное поведение, выражающее завуалированные формы отказа в виде непредоставления информации под различными предлогами, не имеющими ни юридических, ни фактических оснований (например, ссылка на отсутствие запрашиваемой информации, которая фактически имеется), а также бездействие, когда виновный не дает ни устного, ни письменного ответа на запрос¹⁴².

Полагаем, что изложенное расширительное толкование конструкции диспозиции ст. 140 УК РФ в определенном смысле противоречит принципу законности. Признаки исследуемого состава ни по отдельности, ни в своей совокупности не позволяют сделать вывод, что *уклонение должностного лица от предоставления гражданину документов, материалов либо информации* может быть квалифицировано как преступление, предусмотренное ст. 140 УК РФ. В сложившихся правовых условиях, на наш взгляд, в зависимости от фактических обстоятельств дела такое уклонение может быть квалифицировано в соответствии с уголовно-правовыми нормами за совершение должностных преступлений общего характера (ст. 285, 286 или 293 УК РФ).

В части отказа в предоставлении гражданину информации анализируемая уголовно-правовая норма характеризуется бланкетностью, поскольку предполагает обязательное установление признака *неправомерности* деяния. В самом общем представлении суть данного признака заключается в том, что соответствующий отказ должен противоречить положениям специальных

¹⁴² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Особенная часть. Разделы VII – VIII. Т. 2 / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2017 // Режим доступа: «КонсультантПлюс».

нормативных актов, непосредственно регламентирующих процедуру взаимодействия компетентных органов с населением в части организации деятельности по обращениям граждан. Здесь выявляется значительная юридико-техническая уязвимость диспозиции ст. 140 УК РФ. Дело в том, что соответствующие источники отраслевого уровня используют разные модели определения оснований, когда должностное лицо вправе ответить отказом на запрос гражданина о предоставлении документов или информации. Эти основания имеют разное предметное содержание, дублируют и дополняют друг друга. Так, например, Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 01.05.2019) «О средствах массовой информации» в ст. 40 закрепляет, что отказ в предоставлении запрашиваемой журналистом информации возможен, *только* если она содержит сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную специально охраняемую законом тайну. Здесь сразу возникает вопрос о том, следует ли признавать отказ должностного лица неправомерным в случаях, когда сам журналистский запрос оформлен в ненадлежащей форме (допустим, не содержит необходимой информации, подтверждающей статус журналиста) либо орган, в который обратился представитель средств массовой информации, не располагает или не уполномочен на предоставление соответствующих документов.

Соответствующие основания можно уже обнаружить, например, в Федеральном закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», который регламентирует, что информация о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления не предоставляется в случае, если «содержание запроса не позволяет установить запрашиваемую информацию о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления; в запросе не указан почтовый адрес, адрес электронной почты или номер факса для направления ответа на запрос либо номер телефона, по которому можно связаться с направившим запрос пользователем информацией; запрашиваемая информация не относится к

деятельности государственного органа или органа местного самоуправления, в которые поступил запрос; запрашиваемая информация относится к информации ограниченного доступа; запрашиваемая информация ранее предоставлялась пользователю информацией; в запросе ставится вопрос о правовой оценке»¹⁴³.

Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» содержит такой список ограничений, однако насчитывает и два дополнительных: «...запрашиваемая информация является вмешательством в осуществление правосудия; предоставление запрашиваемой информации не позволяет обеспечивать безопасность участников судебного разбирательства»¹⁴⁴.

Дальнейшую детализацию оснований для отказа в предоставлении гражданину информации либо документов можно обнаружить и на уровне подзаконных нормативных актов. Так, например, Приказ Минпромторга РФ от 06.11.2008 № 266 «Об утверждении Административного регламента исполнения Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии государственной функции по учету национальных стандартов, правил стандартизации, норм и рекомендаций в этой области и обеспечению их доступности заинтересованным лицам» выделяет следующие основания для отказа в предоставлении информации о ходе исполнения государственной функции: «...отсутствие отношения запрашиваемой информации к ходу исполнения государственной функции; содержание в запросе нецензурных либо оскорбительных выражений, угроз жизни, здоровью и имуществу должностного лица, а также членов его семьи; случаи, когда текст письменного обращения не поддается прочтению»¹⁴⁵.

В соответствии с Приказом Минэкономразвития России от 23.12.2015 № 968 (ред. от 29.03.2019) «Об установлении порядка предоставления

¹⁴³ Российская газета, № 25, 13.02.2009.

¹⁴⁴ Российская газета, № 265, 26.12.2008.

¹⁴⁵ Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, № 3, 19.01.2009.

сведений, содержащихся в Едином государственном реестре недвижимости, и порядка уведомления заявителей о ходе оказания услуги по предоставлению сведений, содержащихся в Едином государственном реестре недвижимости» орган регистрации прав направляет заявителю сообщение об отказе в предоставлении запрашиваемых документов по установленной форме в случаях, если: 1) за выдачей копии документа, выражающего содержание сделки, обратилось ненадлежащее лицо, в том числе представитель правообладателя (лица, которому может быть выдана копия документа, выражающего содержание сделки), не уполномоченное надлежащим образом на получение копии документа, выражающего содержание сделки; 2) в реестровом деле отсутствует подлинный экземпляр документа, выражающего содержание сделки, за выдачей копии которого обратился правообладатель, в том числе в случаях, когда подлинник данного документа, выражающего содержание сделки, признан вещественным доказательством и его выемка произведена в установленном федеральным законом порядке (за исключением случаев, когда Закон допускает помещение в реестровое дело копии документа, выражающего содержание сделки); 3) реестровое дело (тома дела), в которое были помещены запрашиваемые документы, уничтожено в связи с истечением срока хранения в соответствии с порядком ведения, порядком и сроками хранения реестровых дел и книг учета документов при государственном кадастровом учете, государственной регистрации прав на недвижимость¹⁴⁶.

Кроме того, необходимо учитывать, что даже если нормативный акт отраслевой принадлежности специально не определяет основания для отказа в предоставлении гражданину информации (документов, материалов), возможность и правомерность такого отказа выводится посредством толкования положений, регламентирующих поводы и основания для оказания государственной услуги, связанной с предоставлением документов либо информации.

¹⁴⁶ Документ опубликован не был. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, следует заключить, что «неправомерность» как конструктивный признак ст. 140 УК РФ характеризуется значительным уровнем юридико-технической неопределенности, преодоление которой является важной теоретико-прикладной задачей. Успешное разрешение такой задачи, на наш взгляд, во многом решило бы проблему правоприменительной статистики данной уголовно-правовой нормы. Конечно же, надо признать, что указанная неопределенность имеет объективные причины, связанные с изначальной сложностью сферы регулирования государственно-частных отношений. Весьма непросто предусмотреть универсальный перечень оснований для правомерного отказа государственными и муниципальными органами в предоставлении той или иной информации.

Изложенное позволяет сформулировать следующее определение неправомерного отказа должностного лица в предоставлении информации – *направление заявителю сообщения по установленной форме об отказе в предоставлении запрашиваемой информации (материалов, документов) при соблюдении гражданином формы и порядка обращения за получением информации (материалов, документов) и при отсутствии специальных оснований для отказа в ее (их) предоставлении*¹⁴⁷.

Альтернативными формами совершения преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ, являются предоставление должностным лицом неполной информации и предоставление заведомо ложной информации.

Неполная информация характеризуется тем, что содержание представленных лицу сведений в своей совокупности не позволяет составить достоверное представление о каком-либо факте, событии либо иных обстоятельствах, в том числе имеющих юридическое значение. При этом важным вопросом, на наш взгляд, является то, относительно каких параметров (качества и объема информации) эту неполноту следует устанавливать. Опираясь на общетеоретические закономерности познания как особого вида человеческой деятельности, необходимо заключить, что неполнота переданных

¹⁴⁷ Данный вывод нашёл свою поддержку у 78% опрошенных нами экспертов.

гражданину данных должна оцениваться исключительно на основе объема и качества той информации, которыми объективно располагало должностное лицо в момент формирования официального ответа на обращение гражданина. Такой подход выявляет саму суть анализируемого общественно опасного поведения должностного лица, когда оно, имея фактическую возможность более полного ответа на запрос гражданина, произвольно, руководствуясь корыстными либо личными побуждениями, совершает утаивание значимых сведений в том объеме или таким образом, при которых происходит причинение вреда правам и законным интересам гражданина.

Под заведомо ложной информацией следует понимать сведения, не соответствующие объективным данным (фактическим обстоятельствам), заведомо вводящие в заблуждение конечного получателя. Здесь нельзя не отметить, что предоставление подобной информации в рамках официального документооборота гражданина с органами государственной власти обладает очевидным сходством с признаками служебного подлога (ст. 292 УК РФ). В связи с этим возникает вопрос об отграничении данных преступлений и возможности их совокупности (реальной либо идеальной). Конечно же, сразу необходимо указать, что служебный подлог характеризуется специфическим предметом – официальным документом, в который должностное лицо внесло заведомо ложные сведения либо иные исправления, искажения и т.п. Вместе с тем в рамках одного ответа на обращение гражданина должностное лицо может не только предоставить официальный документ с признаками криминального подлога, но и иные заведомо ложные сведения, затрагивающие права и законные интересы лица. Если такая информация представлена отдельно и не является частью, не выражена непосредственно в рамках прилагаемого подложного официального документа, на наш взгляд, можно говорить о совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 140 и 292 УК РФ.

В теории уголовного права повсеместно отмечается, что состав преступления, предусмотренный ст. 140 УК РФ, характеризуется материальной конструкцией и предполагает наступление общественно опасных последствий в

виде *вреда правам и законным интересам граждан*. Неопределенность данного криминообразующего признака отказа в предоставлении гражданину информации становилась предметом критики, пожалуй, каждого специалиста, обращавшегося к проблеме. Негодность формулировки выявляется хотя бы в том, что она позволяет предположить, что сам по себе факт неправомерного отказа в предоставлении информации, затрагивающей права и законные интересы лица, а равно предоставление неполных или, что еще хуже, заведомо ложных сведений, не всегда причиняет вред заявителю, не всегда нарушает его права, гарантированные Конституцией РФ. Доказывать обратное, по большому счету, не имеет смысла. Представляется достаточно ясным, что любое такое деяние должностного лица автоматически причиняет вред правам и законным интересам гражданина.

В связи с этим в отечественной доктрине уголовного права отмечается, что в современных условиях правоприменитель не имеет надлежащих критериев для отграничения криминального отказа в предоставлении информации от корреспондирующего ему административно наказуемого деяния, предусмотренного ст. 5.39 КоАП РФ. Так, авторы указывают на то, что «признак «вред правам и законным интересам граждан» свойствен практически любому противоправному поведению...отказ в предоставлении информации, предусмотренный ст. 5.39 КоАП РФ, также причиняет вред, поскольку в той или иной мере нарушает права и законные интересы граждан. Следовательно, в указанном составе преступления какие-либо отграничивающие признаки от административного правонарушения, явно свидетельствующие о достаточной степени общественной опасности деяния, практически отсутствуют»¹⁴⁸.

В этом же ключе рассуждает С. В. Смолин: «Аналогичные формулировки административного и уголовного запретов, содержащиеся соответственно в ст. 5.39 КоАП РФ и ст. 140 УК РФ, а также использование законодателем в качестве признака объективной стороны преступления общественно опасных

¹⁴⁸ Акинина Н. Ю., Анисимов В. Ф., Анисимов И. В. Критерии степени общественной опасности деяния как способ разграничения преступного и не преступного // Российский следователь. 2018. № 12. С. 37–43.

последствий, закрепленных в уголовно-правовой норме в виде оценочного понятия «вред правам и законным интересам» (неконкретизированный вид преступного последствия), не обеспечивают четкое разграничение уголовно-правового и административного регулирования сходных общественных отношений, а, наоборот, порождают коллизию соответствующих норм охранительных отраслей права»¹⁴⁹.

Можно предположить, что законодатель, судя по всему, стремился создать определенные правовые гарантии от привлечения к уголовной ответственности должностных лиц, действия которых не повлияли или не могли существенно повлиять на реализацию гражданином своих прав и законных интересов. Например, если должностное лицо предоставляет неполные или заведомо ложные сведения гражданину, однако в той части или том объеме, которые не затрагивают интересы потерпевшего в конкретной ситуации. Иными словами, по смыслу ст. 140 УК РФ внутренне присущее неправомерному отказу в предоставлении информации нарушение прав и законных интересов гражданина вредом еще не является, поскольку обладает ничтожно малым (неуловимым в прикладном аспекте) значением. При определении данного признака (вреда) решающее значение имеет, как ответ должностного лица повлиял на правовое положение гражданина в будущем. Например, обусловил ли он невозможность обращения за судебной защитой, стал ли он препятствием для устройства на работу либо для поступления в учебное заведение, явился ли причиной неправильного расчета пенсии либо иной социальной выплаты и т.п. Все эти негативные последствия, необоснованно умаляющие статус потерпевшего и есть тот вред, который указан в диспозиции ст. 140 УК РФ¹⁵⁰.

¹⁴⁹ Смолин С. В. Конкуренция уголовно-правовых и административно-деликтных норм, регламентирующих ответственность за нарушения в сфере миграционного учета // Уголовное право. 2016. № 2. С. 84–87.

¹⁵⁰ См.: Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ В. П. Коняхина и д-ра юрид. наук, проф. М. Л. Прохоровой. М., 2015. С. 180.

В определении оценочного признака «вред правам и законным интересам граждан», на наш взгляд, в значительной степени необходимо руководствоваться разъяснениями, сформулированными в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», согласно которым существенность нарушения (значимая вредоносность в проекции ст. 140 УК РФ) имеет место при нарушении прав и свобод физических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией РФ (например, права на судебную защиту и доступ к правосудию, в том числе права на эффективное средство правовой защиты в государственном органе и компенсацию ущерба, причиненного преступлением, и др.); при оценке существенности вреда необходимо учитывать число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда и т.п.

В заключение отметим, что возможным решением проблемы и могло бы стать использование в диспозиции ст. 140 УК РФ такой конструкции как *«существенное нарушение прав и законных интересов гражданина»*¹⁵¹.

Между отказом в предоставлении гражданину документов либо материалов, а равно предоставлением неполной или заведомо ложной информации, и наступлением общественно опасных последствий должна быть установлена причинно-следственная связь. Следует отметить, что по делам о преступлении, предусмотренном ст. 140 УК РФ, довольно редко такая связь может иметь строго прямой и непосредственный характер. Как уже отмечалось ранее, сам отказ в предоставлении документов или материалов может послужить лишь поводом для дальнейших решений и (или) действий уже других должностных лиц, умаляющих правовое положение потерпевшего, причиняющих ему материальный и (или) моральный вред.

¹⁵¹ Данный вывод нашёл свою поддержку у 92 % опрошенных нами экспертов.

Субъектом отказа в предоставлении гражданину информации является должностное лицо. А. Е. Ратникова в своей работе пишет, что «ответственности за данное деяние могут подлежать и другие лица, обладающие определенными полномочиями по отношению к указанной информации: лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих и иных организациях (общественных объединениях, партиях, совместных предприятиях)»¹⁵². Полагаем, что данное мнение является дискуссионным и в определенном смысле выходит за пределы допустимого использования интерпретационной емкости уголовного закона. Относить к субъектам преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ, лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях, нельзя хотя бы потому, что, как известно, понятие должностного лица строго определено в примечании к ст. 285 УК РФ¹⁵³. Следует отметить, что сам автор, судя по всему, осознавал уязвимость такой позиции и, предлагая новую редакцию нормы, А. Е. Ратникова использует такой признак как «лицо, обязанное в силу своего служебного положения предоставить подобную информацию». На необходимость изменения признаков субъекта преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ, указывал и Л. Г. Мачковский¹⁵⁴. Полагаем, что данная инициатива о законодательном расширении признаков субъекта отказа в предоставлении гражданину информации заслуживает поддержки.

В теории уголовного права считается общепринятым, что субъективная сторона анализируемого преступления характеризуется умышленной формой

¹⁵² Ратникова А. Е. Уголовно-правовое обеспечение права на информацию: сравнительно-правовое исследование: дис. ...канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 116.

¹⁵³ Следует согласиться с обоснованной в отечественной доктрине уголовного права позицией, что лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, неправомерно отказавшее предоставить соответствующую информацию гражданину, должно нести ответственность по ст. 201 УК РФ с учетом фактических обстоятельств дела. См.: Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ В. П. Коняхина и д-ра юрид. наук, проф. М. Л. Прохоровой. М., 2015. С. 181.

¹⁵⁴ Мачковский Л. Г. Преступления против конституционных прав человека и гражданина: проблемы теории и практики правового регулирования: дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 229.

вины¹⁵⁵. Отдельные авторы обосновывают, что вина в преступлении, предусмотренном ст. 140 УК РФ, может состоять только в прямом умысле¹⁵⁶. В обоснование такого подхода приводится такой аргумент, что указание в диспозиции на неправомерность свидетельствует о том, что лицо заведомо знает, что незаконно отказывает лицу в предоставлении информации¹⁵⁷. Здесь, на наш взгляд, следует обратиться к проблеме более внимательно. Во-первых, само по себе осознание неправомерности отказа еще не предрешает вывода о том, что лицо *желало* причинить вред правам и законным интересам гражданина. Наоборот, довольно часто такой отказ может быть сопряжен лишь с допущением каких-либо негативных последствий для просителя, причем имеющих весьма абстрактный, можно сказать вероятностный, характер. Во-вторых, неправомерность отказа в передаче гражданину документов, неполнота предоставления информации могут стать следствием и служебной некомпетентности, элементарной неопытности сотрудника, то есть явиться результатом небрежности. При этом нельзя не учитывать, что при материальной конструкции состава диспозиция ст. 140 УК РФ не содержит специального указания на форму вины, мотивы и цели деяния. В-третьих, на наш взгляд, необходимо еще раз указать на то обстоятельство, что объективная сторона данного преступления является сложной и характеризуется альтернативными деяниями при единстве общественно опасных последствий. Таким образом, вопрос о содержании вины необходимо ставить в отношении трех разных форм должностного злоупотребления: 1) неправомерного отказа в предоставлении информации, повлекшего причинение вреда правам и законным интересам граждан; 2) предоставления гражданину неполной информации, повлекшего причинение вреда правам и законным интересам граждан; 3) предоставления заведомо ложной информации, повлекшего причинение вреда правам и законным интересам граждан.

¹⁵⁵ См., например: Красненкова Е. В. Обеспечение информационной безопасности в Российской Федерации уголовно-правовыми средствами: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2006. С. 94; Мачковский Л. Г. Там же.

¹⁵⁶ См., например: Ратникова А. Е. Там же. С. 115.

¹⁵⁷ Там же.

Необходимо также разобраться с тем, является ли обязательным, чтобы должностное лицо, отвечающее отказом на предоставление гражданину информации, осознавало, что тем самым оно действует в нарушение соответствующих нормативных актов. Как известно, осознание противоправности своего поведения не играет какой-либо роли для установления преступного умысла. Вместе с тем, на наш взгляд, применительно к преступлению, предусмотренному ст.140 УК РФ, осознание несоответствия своей деятельности установленным законодательством основаниям для отказа в передаче документов либо материалов является необходимым условием для общего вывода о том, что это же лицо осознавало и общественную опасность своих действий. Здесь следует поддержать точку зрения Ю. Е. Пудовочкина, который пишет, что в тех составах преступлений, где деяние лица связано с нарушением нормативных требований иной отраслевой принадлежности, вина включает осознание этой отраслевой противоправности¹⁵⁸. Таким образом, *вина при неправомерном отказе в предоставлении информации, повлекшем причинение вреда правам и законным интересам гражданина, должна включать в себя осознание должностным лицом противоправности такого отказа.*

Следует отметить примечательную особенность отражения признаков субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ, применительно к таким формам как предоставление неполной и ложной информации. Специально или нет, сказать довольно сложно, но законодатель использовал признак заведомости только применительно к ложной информации. Можно предположить, что здесь определенную роль сыграл устоявшийся прием юридической техники, используемый при конструировании уголовно-правовой нормы об ответственности за клевету. Иными словами, решая задачу об установлении ответственности должностных лиц за предоставление недостоверных сведений гражданам, законодатель механически воспроизвел соответствующую юридическую конструкцию.

¹⁵⁸ Пудовочкин Ю. Е. Учение о составе преступления: учебное пособие. М., 2009. С.185.

Вместе с тем очевидно, что при характеристике состава преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ, это имеет немаловажное теоретико-правовое значение. Заведомость, как известно, означает, что лицо было *достоверно* осведомлено об определенном обстоятельстве (факте, событии, качестве предмета, содержании информации и т.п.). Данный признак в составе анализируемой нормы указывает на то, что должностное лицо в момент передачи информации гражданину *достоверно* (неопровержимо) осведомлено о том, что все сведения или определенная их часть не соответствуют действительности, являются ложными.

Поскольку признак заведомости отсутствует в части установления ответственности за предоставление неполной информации, обоснованно возникает вопрос – означает ли это, что должностное лицо может нести ответственность по ст. 140 УК РФ за предоставление неполной информации гражданину и в том случае, когда он не был точно (заведомо) осведомлен об этом ее качестве (предполагал, допускал и т.п.)?

Как известно, дополнение в 1998 г. ч. 2 ст. 24 УК РФ словом «только» принципиально изменило ее смысл. Считается общепринятым, что: 1) прямое указание в статье на неосторожность исключает квалификацию по этой статье умышленных деяний и наоборот; 2) если в статье имеется указание на мотивы и (или) цели – предусмотренное ею деяние является умышленным преступлением; 3) если форма вины в статье прямо не указана – предусмотренное деяние может быть совершено как с умыслом, так и по неосторожности. При этом в литературе отмечается, что применительно к каждой статье УК РФ форма вины должна быть установлена путем толкования закона разными приемлемыми способами¹⁵⁹. Полностью поддерживая данный вывод и отмечая, что отечественной законодательной технике несвойственен прием, при котором в рамках одной диспозиции допускается комбинация (смешение) только умышленных и неосторожных форм совершения одного и

¹⁵⁹ Уголовное право России. Части Общая и Особенная. 2-е издание, переработанное и дополненное / под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2015. Режим доступа: СПС: «КонсультантПлюс».

того же преступления, полагаем, что следует дать отрицательный ответ на поставленный выше вопрос.

В заключение представляется необходимым указать, что вина в совершении преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ, будет отсутствовать в случае, если лицо действовало недобровольно под влиянием физического или психического принуждения (ст. 40 УК РФ). Понятно, что если воля должностного лица была полностью подавлена физическим насилием или имели место реальные угрозы в отношении него самого или близких родственников, привлечение к уголовной ответственности за неправомерный отказ в предоставлении гражданину информации является невозможным.

В завершение параграфа, посвященного уголовно-правовой характеристике преступлений против свободы слова, следует систематизировать его наиболее значимые выводы и положения:

1. Анализ диспозиции ст. 140 УК РФ, позволяет обосновать вывод, что потерпевшим от соответствующего преступления может выступать: а) лицо, в отношении которого были собраны в установленном порядке определенные документы и материалы; б) лицо, заинтересованное в получении информации, затрагивающей ее личные права и законные интересы; в) лицо, заинтересованное в получении информации, затрагивающей права и законные интересы других физических лиц.

2. Предметом преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ, являются: а) материалы и документы, которые были специально собраны в отношении лица в установленном законом порядке; б) материалы и документы, содержащие информацию, затрагивающую личные права и законные интересы гражданина; в) материалы и документы, содержащие информацию, затрагивающую права и законные интересы других лиц.

3. Представляется ошибочным расширение понятия предмета преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ, путём включения составленных или собранных должностным лицом документов или материалов, содержащих неполные либо заведомо ложные сведения, которые не только не

выражают сущность охраняемого законом общественного отношения, а по существу выступают инструментом причинения вреда последнему. В связи с этим, на наш взгляд, такие материалы и документы необходимо рассматривать как средство совершения исследуемого преступления.

4. Неправомерность как конструктивный признак ст. 140 УК РФ характеризуется значительным уровнем юридико-технической неопределенности, преодоление которой является важной теоретико-прикладной задачей отечественной науки уголовного права. Успешное разрешение такой задачи во многом решило бы проблему правоприменительной статистики ст. 140 УК РФ.

Под неправомерным отказом должностного лица в предоставлении информации следует понимать направление заявителю сообщения по установленной форме об отказе в предоставлении запрашиваемой информации (материалов, документов) при соблюдении гражданином формы и порядка обращения за получением информации (материалов, документов) и при отсутствии специальных оснований для отказа в ее (их) предоставлении.

5. В определении оценочного признака «вред правам и законным интересам граждан», в значительной степени необходимо руководствоваться разъяснениями, сформулированными в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», согласно которым существенность нарушения (значимая вредоносность в проекции ст. 140 УК РФ) имеет место при нарушении прав и свобод физических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией РФ (например, права на судебную защиту и доступ к правосудию, в том числе права на эффективное средство правовой защиты в государственном органе и компенсацию ущерба, причиненного преступлением, и др.); при оценке существенности вреда необходимо учитывать число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда и т.п.

В целях достижения формальной определенности уголовно-правовой нормы предлагается использовать в диспозиции ст. 140 УК РФ такую конструкцию как «существенное нарушение прав и законных интересов гражданина».

6. Вина при неправомерном отказе в предоставлении информации, повлекшем причинение вреда правам и законным интересам гражданина, должна включать в себя осознание должностным лицом противоправности такого отказа, что равнозначно осознанию общественной опасности этого деяния.

§ 2. Уголовно-правовая характеристика воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ)

Приступая к анализу состава воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов, отметим, что ст. 144 УК РФ применяется на практике более активно, нежели ст. 140 УК РФ. Официально статистика по показателям регистрации преступлений, предусмотренных ст. 144 УК РФ, представлены в следующей таблице.

Таблица 1.

1997	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
22	2	4	2	3	4	3	2	2	2	3	1	2	5	7	9	5	1

Начиная с 2002 года, воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов демонстрирует определенную стабильность. Ежегодные показатели данного преступления не превышают 10-значного порога регистрации, оставаясь преимущественно в дельте от 1 до 5 преступлений по России. Примечательно также и то, что никогда официальная статистика не фиксировала нулевое значение по ст. 144 УК РФ. О реальном отражении фактического состояния преступности, связанной с оказанием

противоправного давления на представителей СМИ, судить, конечно же, довольно сложно. Проведенное нами социологическое исследование показало, что с воспрепятствованием законной деятельности в той или иной форме хотя бы единожды сталкивалось примерно 32% журналистов со стажем работы не более 5 лет и 71% их старших коллег. Из числа опрошенных (86 представителей СМИ) 92% заявили о том, что не станут обращаться в правоохранительные органы при наличии противоправных требований, связанных с распространением информации либо отказом от распространения информации, до тех пор пока не столкнутся с реальным насильственным давлением на них или близких. Данные результаты, конечно же, подводят к выводу о высоком уровне скрытой латентности преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ.

Переходя непосредственно к уголовно-правовой характеристике исследуемого состава, отметим, что в отечественной теории уголовного права нет общего подхода к характеристике признаков объекта воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов. Ученые расходятся как относительно содержания основного непосредственного объекта, так и в части выделения и содержания дополнительного объекта, а также в определении признаков потерпевшего и предмета. По мнению Л. Г. Мачковского, объектом преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, являются общественные отношения, «возникающие при реализации прав, включаемых в свободу слова и свободу массовой информации – иметь и выражать свое мнение и убеждение, искать, получать, производить, передавать и распространять информацию и идеи любым законным способом»¹⁶⁰.

А. С. Курманов в свою очередь пишет, что авторы, формулируя подобным образом объект преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, несколько расширенно толкуют сферу действия данной уголовно-правовой нормы. Дело в том, пишет автор, что указанная статья распространяет свою

¹⁶⁰ Мачковский Л. Г. Преступления против конституционных прав человека и гражданина: проблемы теории и практики правового регулирования: дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 230.

сферу действия на защиту профессиональной деятельности журналистов, а не в целом на свободу средств массовой информации, и, тем более, свободу слова¹⁶¹.

С подобным «узкопрофессиональным» взглядом на определение объекта посягательства, предусмотренного ст. 144 УК РФ, можно поспорить. Конечно же, данная норма не направлена на защиту свободы слова рядового обывателя в прямом или, если выразиться точнее, в формально-юридическом смысле. И в этой части мысль А. С. Курманова понятна – есть специальное указание на журналиста, значит только его право на свободу слова и поставлено под защиту. Однако, не следует упускать из виду, что зачастую журналист выступает лишь проводником мнения другого лица, либо рупором коллективного обращения граждан. Кроме того, мы уже неоднократно отмечали, что право на свободу слова во многом обеспечивается транспарентностью информационного пространства. Свобода слова отдельного гражданина напрямую (и только так) связана с качеством информационного потока, в обеспечении которого до настоящего времени главенствующее значение принадлежит именно деятельности СМИ. И в этом контексте определение непосредственного объекта А. С. Курмановым видится несколько «урезанным», теряющим свое истинное содержание и «размывающим» социальное предназначение самой ст. 144 УК РФ. Не столько и не только свободу слова в законной профессиональной деятельности журналиста защищает данная норма, она так или иначе защищает чистоту информационного пространства российского общества в целом и свободу иметь свои мысли и обмениваться ими каждым из его членов.

Д. Р. Гайнутдинов в своей работе обосновывает, что «непосредственным объектом воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов следует признать *право* (выделено мной – М. А.) журналиста на

¹⁶¹ Курманов А. С. Уголовное законодательство России об охране конституционных прав и свобод человека: сравнительно-правовое исследование: дис. ...д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2011. С. 173.

свободный поиск, получение, производство и распространение информации»¹⁶². Нормативное определение объекта преступления уже неоднократно становилось предметом критики в отечественной доктрине уголовного права. В данной связи мы лишь выкажем солидарность такому подходу. Юридическая оболочка (норма) социально значимого и охраняемого уголовным законом общественного отношения не может терпеть ущерба.

Е. В. Красильникова определяет непосредственный объект анализируемого преступления как общественные отношения, складывающиеся *при нарушении* (выделено мной – М. А.) отдельного социального правомочия журналиста (или их группы)¹⁶³. Указанный подход представляется дискуссионным, поскольку сам автор исходит из того, что содержанием непосредственного объекта преступления является «конкретное общественное отношение, которому причиняется вред или создается угроза причинения вреда»¹⁶⁴. Таким образом, полагаем, что здесь происходит подмена понятий. Объектом уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 144 УК РФ, являются не охранительные уголовно-правовые отношения, возникшие вследствие преступного противодействия законной журналистской деятельности, а гарантированные Конституцией РФ свободы слова и печати, в том числе в работе СМИ. Необходимо, однако, оговориться, что в своем диссертационном исследовании Е. В. Красильникова одновременно предлагает и другое видение объекта преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, включая в его содержание общественные отношения, обеспечивающие гарантированное Конституцией РФ право на свободное распространение информации, собранной в установленном порядке¹⁶⁵.

¹⁶² Гайнутдинов Д. Р. Уголовная ответственность за посягательства на свободу массовой информации: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2007. С. 15.

¹⁶³ Красильникова Е. В. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ): вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности: дис. ...канд. юрид. наук. Ярославль, 2007. С. 65.

¹⁶⁴ Красильникова Д. Р. Там же. С. 64.

¹⁶⁵ Красильникова Д. Р. Там же. С. 68.

Сказанное позволяет нам рассматривать в качестве основного объекта преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, *общественные отношения, связанные с реализацией естественного, гарантированного Конституцией Российской Федерации права на свободу слова.*

По мнению Д. В. Пешкова, дополнительным объектом исследуемого преступления выступает здоровье, отношения собственности на предметы (вещи)¹⁶⁶. Если обратиться к положениям отечественной доктрины уголовного права об определении содержания дополнительного объекта, данное утверждение автора является дискуссионным. Как известно, под дополнительным объектом понимаются общественные отношения, посягательство на которые не составляет сущности конкретного преступления, но которые этим преступлением нарушаются наряду с основным объектом¹⁶⁷. В отличие от факультативного объекта дополнительный *всегда* терпит ущерб в результате совершения того или иного преступления. В этой «спаянности» с основным непосредственным объектом и заключается специфика дополнительного объекта. Здоровье и отношения собственности далеко не всегда могут страдать при совершении преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, поэтому социальные отношения их опосредующие правильно рассматривать как факультативный объект воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналиста.

Полагаем, что *дополнительным объектом исследуемого преступления правильно рассматривать общественные отношения, связанные с реализацией и обеспечением трудовых прав журналиста.*

Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов не является «предметным» преступлением в строгом смысле слова. Иными словами, совершение соответствующего посягательства не всегда сопряжено с воздействием на какой-то материальный объект, который

¹⁶⁶ Климанов А. М., Пешков Д. В., Розовская Т. И. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина: научно-практическое пособие. М., 2015. С. 89.

¹⁶⁷ Михлин А. С., Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 82.

выражал бы суть охраняемого законом общественного отношения. Результаты проведенного социологического исследования и материалов правоприменительной практики показывают, что довольно часто деяние, предусмотренное ст. 144 УК РФ, имеет своей целью оказать противоправное воздействие прежде всего на предметы журналистского реквизита (видеокамеры, фотоаппараты, диктофоны, микрофоны, носители информации и т.п.). Однако, подобная закономерность не позволяет сделать однозначный вывод о том, что соответствующее оборудование является предметом воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналиста, поскольку «мишенью» анализируемого посягательства являются не вещи, а информация. Как пишет Е. В. Красильникова, предметом воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов является массовая информация, специально подготовленная журналистом (или находящаяся в иной степени готовности) для распространения в СМИ¹⁶⁸. Здесь необходимо лишь добавить, что с учетом общетеоретического понимания уголовно-правовой категории «предмет преступления», *предметом деяния, предусмотренного ст. 144 УК РФ, является информация, подготовленная журналистом в ходе осуществления законной профессиональной деятельности и закрепленная на материальном носителе.*

Правильное понимание предмета воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов имеет важное квалификационное значение, поскольку отражение его специфических признаков в сознании виновного (посягало ли лицо на видеокамеру как на материальную ценность либо как на носитель интересующей информации) имеет принципиальное значение для правовой оценки содеянного.

Краеугольным признаком преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, является потерпевший – журналист. В соответствии с Законом РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» под журналистом понимается лицо, занимающееся редактированием, созданием, сбором или

¹⁶⁸ Красильникова Е. В. Там же. С. 75.

подготовкой сообщений и материалов для редакции зарегистрированного средства массовой информации, связанное с ней трудовыми или иными договорными отношениями либо занимающееся такой деятельностью по ее уполномочию¹⁶⁹.

Таким образом, закон выделяет несколько критериев для признания лица журналистом:

1) физическое лицо, выполняющее определенные функции по подготовке продукции средства массовой информации (редактирование, создание, сбор или подготовка сообщений и материалов). То есть по смыслу закона к категории «журналист» могут быть отнесены корреспонденты, операторы, редакторы, монтажеры, корректоры и некоторые другие сотрудники;

2) вся указанная выше деятельность должна производиться для редакции средства массовой информации, прошедшего государственную регистрацию;

3) журналист должен быть связан с редакцией трудовыми или договорными отношениями либо заниматься этой деятельностью по уполномочию редакции. Журналист должен быть либо штатным сотрудником редакции средства массовой информации и с ним должен быть заключен трудовой договор (контракт), либо журналист будет работать по гражданско-правовому договору (например, авторскому договору), либо журналистом будет признаваться внештатный корреспондент или автор, не связанный с редакцией договорными отношениями, выполняющий разовые поручения редакции или представляющий в редакцию уже готовый материал, если имеется документальное подтверждение его связи с редакцией (удостоверение внештатного корреспондента, упоминание об авторе в выходных данных и т.д.)¹⁷⁰.

Таким образом, признаки преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, будут отсутствовать в том случае, когда частное лицо занимается по

¹⁶⁹ Российская газета, № 32, 08.02.1992.

¹⁷⁰ Тимошенко В. А., Смушкин А. Б. Комментарий к Закону РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс». 2015.

собственной инициативе сбором информации, а также ее последующим распространением. В равной мере признаки анализируемого состава преступления будут отсутствовать и тогда, когда, действуя по заданию редакции средства массовой информации, лицо не находится в соответствующих трудовых либо договорных отношениях с ней. Следует отметить, что установлению специальных признаков потерпевшего не всегда уделяется должное внимание на уровне правоприменения. Так, по одному из дел сторона защиты ссылалась на то обстоятельство, что согласно сведениям Управления федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных и массовых коммуникаций по северо-западному округу, новостной интернет-сайт средством массовой информации не являлся. В связи с этим сторона защиты ходатайствовала о том, что действия подсудимого необходимо переqualифицировать с ч. 3 ст. 144 УК РФ на ч. 1 ст. 115 УК РФ, поскольку потерпевший, собиравший информацию в интересах данного интернет-сайта, фактически не являлся журналистом зарегистрированного средства массовой информации, то есть действовал по собственной инициативе как частное лицо¹⁷¹.

В теории уголовного права высказана позиция, что потерпевшим от преступления может быть как сам журналист, принуждаемый к распространению или отказу от распространения сведений, так и его близкие¹⁷². Здесь необходимо внести определенную ясность. Как известно, указание на близких журналисту лиц имеется только в ч. 3 ст. 144 УК РФ. При этом оговаривается, что воспрепятствование журналистской деятельности путем воздействия на близких лиц осуществляется посредством физического либо психического насилия. Вместе с тем вполне реальной представляется ситуация, когда шантаж, либо угрозы отчисления из вуза, прекращения трудовых

¹⁷¹ Приговор Кингисеппского городского суда Ленинградской области от 16 марта 2017 г. по делу № 1-26/2017.

¹⁷² Кругликов Л. Л., Красильникова Л. В. Объект воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналиста (ст. 144 УК РФ)// Уголовное право. 2007. № 4. С. 51.

отношений могут осуществляться в отношении родственника представителя СМИ.

Полагаем, что в уголовно-правовом смысле потерпевшим по делам о преступлении, предусмотренном ст. 144 УК РФ, может признаваться только журналист. Это касается и тех случаев, когда воздействие на профессиональный выбор представителя СМИ осуществляется своего рода опосредованно – через воздействие на близких ему лиц. В зависимости от фактических обстоятельств содеянного, близкие журналисту лица будут выступать потерпевшими по другим преступлениям, посягающим на общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни, здоровья либо собственности.

Объективная сторона анализируемого преступления заключается в воспрепятствовании деятельности журналистов путем: 1) принуждения к распространению информации; 2) принуждения к отказу от распространения информации. В отечественной теории уголовного права отмечалось, что диспозиция ст. 144 УК РФ сформулирована крайне казуистично, поскольку не охватывает и не позволяет привлечь к ответственности за иные формы противодействия журналистской деятельности, прежде всего, непосредственному собиранию сведений об интересующем событии. По этой же причине авторы обосновывают необходимость совершенствования конструкции ст. 144 УК РФ.

Вместе с тем в правоприменительной практике можно найти множество примеров расширительного толкования принуждения журналиста к отказу от распространения информации, когда таковым признается сам факт неправомерного вмешательства в процесс поиска и сбора соответствующих сведений¹⁷³.

С другой стороны, можно обнаружить примеры, когда буквальное толкование нормы служило поводом к отказу от вменения ст. 144 УК РФ. Так,

¹⁷³ См., например: Приговор Советского районного суда города Махачкалы от 19 ноября 2018 г. по делу № 1-438/18; Приговор Кочубеевского районного суда Ставропольского края от 02 ноября 2015 г. по делу № 1-239/15 и др.

по одному из дел суд указал, что установленные фактические обстоятельства преступления не могут быть квалифицированы по ч. 3 ст. 144 УК РФ. Диспозиция данной статьи устанавливает уголовную ответственность за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов путем принуждения их к распространению либо к отказу от распространения информации. Под распространением информации понимается любая форма доведения ее до неопределенно большого круга лиц, массового потребителя: опубликование, выступление по радио, по телевидению и т.п. Исходя из признанного в правовом государстве принципа законности в уголовном праве, УК РФ устанавливает, что преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только данным кодексом, а применение уголовного закона по аналогии не допускается. В суде нашел подтверждение факт того, что С. препятствовал журналистам в соборе видеоматериала для подготовки сюжета о пожаре и воспрепятствовал таким образом законной профессиональной деятельности журналистов. Однако диспозиция ст. 144 УК РФ не предусматривает наступление уголовной ответственности за эти действия, поскольку в диспозиции указаны конкретные способы совершения преступления – принуждение к распространению либо к отказу от распространения информации. Расширительное же толкование уголовного закона недопустимо. С. в момент преступления не пытался завладеть видеокамерой журналистов или носителем информации, на котором содержался видеоматериал о пожаре, он не высказывал требования отказаться от распространения собранного видеоматериала; о подобных попытках после преступления никто не свидетельствовал. Действия С. суд квалифицирует по ч. 1 ст. 116 УК РФ¹⁷⁴.

Неоднозначное понимание пределов объективной стороны воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов, на наш взгляд, требует своего разрешения путем соответствующей коррекции

¹⁷⁴ Приговор Советского районного суда г. Челябинска от 16 февраля 2016 г. по делу № 1-44/16.

диспозиции ст.144 УК РФ (данный вопрос обстоятельно будет рассмотрен в следующем параграфе данной главы).

Следует обратить внимание на то примечательное обстоятельство, что в отличие, например, от ст. 294 УК РФ, предусматривающей ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования *в какой бы то ни было форме*, законодатель в ст. 144 УК РФ говорит о воспрепятствовании *путем принуждения*. По этой причине признак воспрепятствования в конструкции ст. 144 УК РФ как бы теряет свое самостоятельное значение, полностью «растворяясь» в признаке принуждения журналиста к соответствующему поведению. Это в свою очередь означает, что познание объективной стороны исследуемого преступления предполагает прежде всего обстоятельного анализа понятия «принуждение».

В теории уголовного права принуждение понимается как «целенаправленное воздействие, совершаемое в интересах одного лица путем подавления воли другого для того, чтобы заставить его действовать (бездействовать) определенным образом»¹⁷⁵. Нетрудно заметить, что представленное определение дает весьма общее видение категории принуждения¹⁷⁶. Таковым является всякое *воздействие* на другую личность, направленное на *подавление воли* в желаемой форме. На данном этапе можно было бы углубиться в перипетии проблематики свободы воли, но, полагаем, в

¹⁷⁵ Куманяева Е. А. Принуждение в уголовном праве России: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2012. С. 8.

¹⁷⁶ Следует оговориться, что в теории уголовного права также отмечается, что противоправное принуждение представляет собой исключительно умышленное психическое воздействие на лицо, в ходе которого поставленная преступником цель была реализована (потерпевший дал согласие либо приступил к исполнению требуемых от него действий). См.: Зарипов В. Г. Физическое и психическое принуждение в уголовном праве: понятие, виды, ответственность: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2007. С. 9. Здесь вызывает вопросы сразу два момента. Во-первых, почему принуждение как общеправовая категория позиционируется только как форма психического давления на человека? Сама жизнь свидетельствует нам об обратном, поскольку демонстрирует многочисленные примеры физического насилия над личностью с целью принудить его к определенному поведению. С другой стороны, не совсем понятно, почему само определение принуждения связывается с результативностью действий виновного (добился он согласия потерпевшего или нет). Поведение потерпевшего находится уже за рамками деяния виновного и в этом смысле совершенно не может влиять на его природу. Принуждение является таковым не по результату искажения воли потерпевшего, а по направленности на эту волю.

этом мало практической необходимости. Гораздо больший интерес представляет вопрос об отграничении принуждения от таких известных форм воздействия на волеизъявление личности как обман, уговоры и подкуп.

Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста может быть реализовано посредством целенаправленной дезинформации, путем предоставления заведомо недостоверных материалов, свидетельств и т.п. Например, главному редактору могут быть представлены «неопровержимые доказательства», что готовый к опубликованию материал о несоблюдении базовых экологических норм и стандартов местным цементным заводом инициирован конкурентами, чтобы причинить вред деловой репутации предприятия. В результате под влиянием недостоверных данных редактор может принять решение об отказе от распространения социальной значимой информации, обращенной к проблеме, затрагивающей жизни сотен тысяч людей. Несмотря на вопиющий факт воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов, согласимся, что содеянное не подпадает под действие ст. 144 УК РФ.

Распространенной формой вмешательства в процесс освещения журналистами отдельных событий или фактов, являются также уговоры, когда лицо, используя сложившиеся доверительные отношения либо авторитет занимаемой должности, убеждает в нецелесообразности либо, наоборот, в необходимости распространения той или иной информации. Уговоры, воздействуя на волю журналиста, не порождают у последнего чувства страха за собственное благополучие либо благополучие своих близких. Этим они принципиально отличаются от принуждения. По сути, уговоры сопряжены с эксплуатацией личного расположения (симпатии) журналиста к просящему, когда по тем или иным причинам он готов «пойти навстречу» и принять соответствующее решение. Например, главный врач больницы, неоднократно оказывающий журналисту помощь в организации лечения его родителя, в личном общении просит (уговаривает) журналиста не распространять материал о вскрывшихся фактах ненадлежащего оказания помощи в медицинском

учреждении. Последний соглашается и предоставляет в редакцию сведения, что первоначальная информация о многочисленных врачебных ошибках в местной больнице не подтвердилась. В отечественной теории уголовного права справедливо подчеркивается, что уговоры в отношении журналиста, не связанные с ущемлением его прав и законных интересов, исключают ответственность по ст. 144 УК РФ¹⁷⁷.

И, наконец, формой неправомерного вмешательства в осуществление законной профессиональной деятельности журналистов является подкуп, то есть склонение работников СМИ к распространению информации либо к отказу от распространения информации путем передачи денег, ценных бумаг, иного имущества, оказания услуг имущественного характера, а также предоставления имущественных прав. Кроме того, как подкуп следует также оценивать совершение нематериальных, но выгодных для журналиста либо его близких действий (прием на хорошую работу, продвижение по службе и т.д.).

В связи с изложенным сложно согласиться с мнением Д. А. Калмыкова, что «под принуждением следует понимать *любые виды воздействия* (выделено мной. – М. А.) со стороны субъекта на потерпевшего, которым в данном составе может быть только журналист...»¹⁷⁸.

По смыслу ст. 144 УК РФ принуждение может выражаться в одной из следующих форм:

1) по чч.1 и 2 ст. 144 УК РФ:

- распространение сведений, причиняющих существенный вред журналисту или его близким (шантаж), а равно угроза их распространения;
- совершение действий (бездействия), причиняющих существенный вред журналисту или его близким (увольнение; привлечение к дисциплинарной, гражданско-правовой, административной либо уголовной ответственности;

¹⁷⁷ Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ В. П. Коняхина и д-ра юрид. наук, проф. М. Л. Прохоровой. М., 2015. С. 198.

¹⁷⁸ Калмыков Д. А. Информационная безопасность: понятие, место в системе уголовного законодательства РФ, проблемы правовой охраны: дис. ...канд. юрид. наук. Ярославль, 2005. С. 155.

отчисление из вуза; проведение внеплановых проверок со стороны контролирующих органов; прекращение гражданско-правовых отношений и др.), а равно угроза совершения таких действий (бездействия);

- угроза уничтожением, повреждением или изъятием имущества журналиста или его близких;

2) по ч.3 ст. 144 УК РФ:

- уничтожение, или повреждение имущества журналиста или его близких;
- насилие, а равно угроза насилием.

Одним из значимых вопросов уголовно-правовой характеристики воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов является, является возможность совершения данного преступления в пассивной форме, то есть путем бездействия. Е. А. Куманьева в своей работе обосновывает, что принуждение всегда выражается в целенаправленных действиях. В связи с этим автор оценивает критически позицию о возможности совершения преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, путем бездействия¹⁷⁹.

По мнению Е. В. Красильниковой, понимание воспрепятствования журналистской деятельности по смыслу ст. 144 УК РФ только как активного поведения субъекта необоснованно сужает охранительный потенциал данной нормы, поскольку «создание преград для представителей СМИ может выражаться, к примеру, в отказе от предоставления запрашиваемой информации, уклонении от ответов на поставленные в запросе редакции вопросы и т.д.»¹⁸⁰. Мысль о том, что объективная сторона воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов может выражаться не только в действии, но и бездействии, требует своего уточнения, поскольку, повторимся, в самой диспозиции законодатель указывает, что такое воспрепятствование реализуется *путем принуждения*. Следовательно, согласившись с Е. В. Красильниковой по существу вопроса, нельзя признать

¹⁷⁹ Куманьева Е. А. Там же. С. 173.

¹⁸⁰ Красильникова Е. В. Там же. С. 77.

удачными ее примеры, так как автор продемонстрировал как раз именно те ситуации, которые хотя и создают преграды в осуществлении законной деятельности журналиста, но не подпадают под действие ст. 144 УК РФ. Уклонение лица от предоставления информации представителю СМИ ошибочно отождествлять с принуждением, которое так или иначе предполагает целевое воздействие на волю потерпевшего. Принудить – значит *заставить* что-то сделать или не сделать. Не передавая информацию журналисту, лицо не принуждает, а попросту мешает его работе, создает дополнительные препятствия в подготовке интересующего материала.

Вместе с тем принуждение к распространению информации либо к отказу от ее распространения все же может состоять и в пассивном поведении субъекта при наличии признаков зависимого положения самого журналиста, когда от совершения каких-либо действий зависит его личное благополучие. Здесь гипотетические примеры можно моделировать практически бесконечно.

Самостоятельного рассмотрения заслуживает вопрос: о какой именно *деятельности* журналиста говорится в ст. 144 УК РФ? Если конкретизировать мысль: это относится к профессиональной деятельности журналиста вообще (как карьеры), либо только лишь к конкретной деятельности по подготовке конкретного материала? Возможен и третий вариант, в соответствии с которым ст. 144 УК РФ применима к обоим этим ситуациям. Следует отметить, что в теории уголовного права данная проблема по каким-то причинам не разрабатывалась. В связи с этим возник некий «научный вакуум» по проблеме. Авторы преимущественно исходят из представления о том, что воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста всегда конкретно и имеет своей целью не устранить принципиального сотрудника СМИ из профессии в целом, а добиться распространения либо нераспространения конкретных материалов. Так, Д. В. Пешков пишет по этому поводу, что «конструкция указанного состава предполагает, что журналист в настоящее время выполняет свои профессиональные обязанности, связанные с распространением или отказом от распространения определенной

информации... В связи с этим виновное лицо желает воспрепятствовать потерпевшему в его законной деятельности именно до того момента, пока информация не стала достоянием гласности аудитории... Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста по мотивам мести за ранее распространенные в средствах массовой информации сведения, касающиеся виновного лица, не подпадают под признаки преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ»¹⁸¹.

Очевидно, что ограничительное толкование признаков ст. 144 УК РФ существенным образом снижает охранительный и превентивный потенциал механизма уголовно-правовой охраны свободы слова. В действительности, журналисты довольно часто подвергаются давлению, в том числе до прекращения работы в зарегистрированных СМИ, по причине своей принципиальности в вопросах освещения тех или иных событий. Причастность к обнародованию тех или иных материалов выступает поводом для угроз и притеснений в отношении не только самого журналиста, но и его близких. Как правило, цель одна – прекратить деятельность такого лица, «выгнать» его из профессии, обеспечив тем самым и «воспитательный» эффект в отношении остальных свободомыслящих представителей прессы.

*В связи с этим полагаем, что воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста путем принуждения к отказу от распространения информации имеет два самостоятельных смысловых значения: 1) принуждение журналиста к отказу от распространения конкретной информации; 2) принуждение к отказу от законной профессиональной деятельности журналиста в целом*¹⁸².

Обязательным признаком преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, является *законность* профессиональной деятельности журналиста. По мнению Ю. В. Каримовой, данный признак представляет собой «совокупность действий лица, связанного со СМИ трудовыми или иными договорными

¹⁸¹ Климанов А. М., Пешков Д. В., Розовская Т. И. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина: научно-практическое пособие. М., 2015. С. 90-91.

¹⁸² Данный вывод нашел поддержку у 63% опрошенных экспертов.

отношениями, необходимых для достижения этим лицом поставленной перед ним работодателем задачи, при этом не нарушающих действующее законодательство России, а также права и законные интересы человека и гражданина»¹⁸³. В целом с предложенным определением законности профессиональной деятельности журналиста можно согласиться. Вместе с тем до настоящего времени в судебной практике неоднозначно оцениваются действия, направленные на воспрепятствование собиранию журналистом информации, когда такая деятельность носила своего рода смешанный (частично противоправный) характер. Так, отменяя решение суда нижестоящей инстанции, судебная коллегия отметила, что суд неверно применил уголовный закон, расценив содеянное как преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 144 УК РФ. В диспозиции ст. 144 УК РФ определено, что уголовно наказуемым деянием признается воспрепятствование не любой, а лишь законной профессиональной деятельности журналиста. Суд первой инстанции установил и отразил в приговоре, что действия съемочной группы, выразившиеся в проникновении без разрешения собственника кафе в производственные помещения, в том числе на кухню, начались как незаконные, нарушающие положения ст. 49 Закона РФ «О средствах массовой информации», ч. 1 ст. 35 Конституции РФ, а также требований ч. 1 ст. 17 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» и других. При этом их последующие действия в осуществлении съемки мест общего пользования (обеденного зала и туалета), суд признал законными. Указанные обстоятельства позволили суду квалифицировать действия как преступление, со ссылкой на то, что осужденными осуществлялось воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста. Вместе с тем, делая такой вывод, суд не учел, что весь отснятый съемочной группой материал содержался на одних и тех же информационных носителях и являлся единым целым, воспрепятствовать распространению которого и пытались осужденные. Таким

¹⁸³ Каримова Ю. В. Определение объекта воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6. С. 126-133.

образом утверждать, что действия осужденных были направлены на пресечение законной профессиональной деятельности журналиста, у судебной коллегии оснований не имеется. При указанных обстоятельствах действия осужденных не могут составлять объективную сторону рассматриваемого состава преступления. Вместе с тем в действиях Н. и А. содержатся признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УК РФ, поскольку судом установлено, что Н. и А., во время конфликта обусловленного работой съемочной группы «Телеканала Пятница», на почве личных неприязненных отношений нанесли потерпевшим побои¹⁸⁴.

С объективной стороны воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста характеризуется формальной конструкцией. Наступление каких-либо последствий не предусмотрено диспозицией ст. 144 УК РФ, и в теории уголовного права является общепринятым, что данное преступление будет являться оконченным с момента начала осуществления принудительного воздействия на представителя СМИ. Фактический результат такого воздействия (согласится ли журналист на распространение требуемой информации либо откажется ли он распространения информации) не влияет на признание преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, оконченным. Однако, на наш взгляд, это обстоятельство должно в обязательном порядке учитываться судом при индивидуализации наказания.

Следует отметить, что фактический и юридический моменты окончания анализируемого преступления могут и не совпадать. Фактически принудительное воздействие на журналиста может осуществляться на протяжении длительного периода времени, и выражаться в звонках по телефону, личном преследовании, повреждении имущества и т.п. Это, однако, не меняет общего вывода о том, что признаки оконченного состава воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналиста наличествуют с момента первого принудительного воздействия.

¹⁸⁴ Апелляционное определение Суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 18 августа 2016 г. по делу № 22-732/2016.

Формальная конструкция состава преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, не исключает самой возможности неоконченной преступной деятельности – приготовления и покушения. Как покушение на совершение анализируемого преступления, на наш взгляд, следует оценивать случаи, когда по тем или иным причинам факт принуждения так и не дошел до журналиста. Например, супруга журналиста начинает получать угрозы в свой адрес с требованием склонить ее мужа к отказу от проведения журналистского расследования и опубликования материалов. Однако она решает не ставить его в известность и соответствующая статья выходит на первой полосе местной газеты. Полагаем, что аналогичная правовая оценка должна быть дана во всех ситуациях, когда принудительное воздействие по тем или иным причинам так и не оказало своего влияния на потерпевшего, характеризующегося специальным статусом журналиста.

Субъектом воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. В ч. 2 ст. 144 УК РФ установлена повышенная ответственность за данное деяние, совершенное лицом с использованием служебного положения. В науке уголовного права данный признак разработан подробнейшим образом. Кроме того, признаки данного специального субъекта получили свое толкование в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации (например, в п. 29 постановления Пленума от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»). С учетом имеющихся разъяснений можно сделать вывод, что по смыслу ч. 2 ст. 144 УК РФ под лицами, использующими свое служебное положение при воспрепятствовании законной профессиональной деятельности журналиста, следует понимать должностных лиц, обладающих признаками, предусмотренными п. 1 примечания к ст. 285 УК РФ, государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами, а также иных лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным п. 1 примечания к ст. 201 УК РФ (например, лицо, которое использует для воспрепятствования

законной журналистской деятельности свои служебные полномочия, включающие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в коммерческой организации).

С. Н. Тулин, раскрывая содержание квалифицированного вида воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналиста, предусмотренного ч. 2 ст. 144 УК РФ, пишет, что таковым является издание руководителем учреждения или предприятия приказа о недопущении журналистов на соответствующую территорию¹⁸⁵. Соглашаясь с признаками субъекта в приведенном примере, полагаем, что само по себе распоряжение о запрете допуска на территорию предприятия журналистов не образует признаков деяния, предусмотренного ст. 144 УК РФ, поскольку не соответствует критериям «принуждения».

Дискуссионным является утверждение Д. А. Калмыкова, что такими лицами могут быть признаны охранники, контролеры¹⁸⁶. Полагаем, что такое толкование является неоправданно расширительным и не учитывает сформировавшегося в теории уголовного права дифференцированного подхода к уголовно-правовой оценки преступного поведения рядовых работников организации и тех, кто обладает управленческими функциями.

В уголовно-правовой норме об ответственности за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов форма вины не указывается прямо. Между тем признаки описанного в статье деяния не позволяют усомниться в его умышленном характере. В содержании субъективной стороны исследуемого деяния входит осознание лицом того, что он осуществляет воспрепятствование профессиональной деятельности журналиста, которая сама по себе носит законный характер. Искажения в отображении соответствующих признаков в сознании лица может существенным образом повлиять на уголовно-правовую оценку деяния. Это,

¹⁸⁵ Тулин С. Н. Осуществление лицом служебной деятельности и выполнение общественного долга как объект уголовно-правовой охраны: дис. ...канд. юрид. наук. М., 1998. С. 94.

¹⁸⁶ Калмыков Д. А. Информационная безопасность: понятие, место в системе уголовного законодательства РФ, проблемы правовой охраны: дис. ...канд. юрид. наук. Ярославль, 2005. С. 155.

однако, не означает, что лицо должно иметь абсолютную уверенность в присутствии указанных признаков, основывающуюся, например, на ознакомлении с какими-либо документами, подтверждающими статус журналиста и раскрывающими основания и цели его работы. В действительности лицо может лишь допускать возможность, что конкретный потерпевший является представителем СМИ и занимается законной профессиональной деятельностью. В тех же случаях, когда фактические обстоятельства свидетельствовали об обратном и лицо, находясь под влиянием заблуждения, было убеждено, что потерпевший не является журналистом, либо его деятельность носит явно противоправный характер, содеянное нельзя квалифицировать по ст. 144 УК РФ.

Полагаем, что обязательным признаком субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, является специальная цель – добиться распространения журналистом определенной информации либо отказа от такого распространения. В тех случаях, когда применение насилия к журналисту было обусловлено внезапно возникшей неприязнью, в том числе в связи с выполняемой им профессиональной деятельностью, и лицо не стремилось фактически завладеть тем или иным материалом, не высказывало требований прекратить осуществление видеосъемки и т.п., содеянное, на наш взгляд, следует квалифицировать как преступление против жизни или здоровья в зависимости от наступивших последствий. При этом применение соответствующих статей уголовного закона должно сопровождаться вменением такого квалифицирующего признака как совершение преступления в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности (п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, п. «а» ч. 2 ст. 111 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 112 УК РФ)¹⁸⁷.

Изучение судебно-следственной практики показывает, что довольно часто квалификационные ошибки допускаются при применении ч. 3 ст. 144 УК РФ. Особо квалифицированный вид воспрепятствования законной

¹⁸⁷ Данный вывод нашел поддержку у 84% опрошенных экспертов.

профессиональной деятельности журналистов представляет собой составное преступление, которое воспроизводит признаки как отдельных посягательств на жизнь или здоровье человека, так и умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества, предусмотренного ст. 167 УК РФ. Как известно, легальное правило квалификации составных преступлений сформулировано в ч. 1 ст. 17 УК РФ, согласно которой совокупностью преступлений не признаются случаи, «когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание». Указанное законодательное положение дополняется сформулированным в отечественной доктрине уголовного права правилом, согласно которому «если санкция преступления-элемента больше или равна санкции составного преступления, содеянное необходимо квалифицировать как совокупность преступлений»¹⁸⁸.

В связи с этим нельзя полностью согласиться с мнением отдельных авторов, согласно которому воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов, соединенное с побоями, умышленным причинением вреда здоровью требует дополнительной квалификации по совокупности с соответствующими статьями о преступлениях против здоровья¹⁸⁹. При оценке воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов, соединенного с насилием, довольно часто судебные следственные органы допускают так называемую избыточную квалификацию. Показательным в этом отношении является следующее решение суда апелляционной инстанции. Приговором суда Л. К. и Л. Б. признаны виновными в том, что они совершили воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов, путем принуждения их к отказу от распространения информации, соединенное с насилием над журналистами. Они же признаны виновными в том, что группой лиц умышленно причинили В. средней тяжести

¹⁸⁸ См.: Проблемы квалификации преступлений: монография / под ред. К. В. Ображиева, Н. И. Пикурова. М., 2018. С. 48-49.

¹⁸⁹ Алиев В. М., Гладких В. И., Ходусов А. А. Уголовная ответственность за посягательства на права и свободы личности: научно-практический комментарий. М., 2014. С. 209.

вред здоровью. Изменяя решения суда нижестоящей инстанции ввиду отсутствия доказательств причастности Л. Б. к причинению потерпевшему средней тяжести вреда здоровью, коллегия судей действия Л. К. квалифицировала по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 144 УК РФ и ч. 1 ст. 112 УК РФ¹⁹⁰. Сопоставляя санкции соответствующих уголовно-правовых норм, следует сделать вывод, что решения судов обеих инстанций противоречат научно обоснованным правилам квалификации составных преступлений. Насильственное воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов полностью охватывает как простое (по ч. 1), так и квалифицированное (по ч. 2) умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью.

Другой категорией ошибок правоприменения по делам о преступлении, предусмотренном ч. 3 ст. 144 УК РФ, является неполная квалификация. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов, осуществляемое непосредственно на этапе сбора информации, зачастую может быть сопряжено с посягательством на оборудование съемочной группы в форме неправомерного открытого изъятия у журналиста фото- либо видеокамеры, а равно носителя информации. Принимая во внимание, что объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 144 УК РФ, охватывает лишь действия, связанные с уничтожением или повреждением имущества, такие действия, на наш взгляд, требуют самостоятельной уголовно-правовой оценки по ст. 161, 162 УК РФ в зависимости от конкретных фактических обстоятельств¹⁹¹. Изучение судебно-следственной практики, однако, показывает, что изъятие у журналистов специального оборудования довольно часто не находит своей самостоятельной оценки.

Так, например, М. был осужден по ч. 1 ст. 144 УК РФ. Согласно приговору суда, у М., достоверно осведомленного о том, что съемочная группа

¹⁹⁰ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 6 декабря 2017 г. по делу № 22-8747/2017.

¹⁹¹ Данный вывод нашел поддержку у 92% опрошенных экспертов.

осуществляет законную профессиональную деятельность по подготовке сюжета с использованием средств видеозаписи о конфликте, возникшем на территории поселка между правоохранительными органами и цыганами, в связи с незаконной врезкой последними в газопровод и прекращением газоснабжения жилых домов данного населенного пункта, и не желавшего распространения какой-либо информации о данном событии, возник преступный умысел, направленный на воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста путем принуждения его к отказу от сбора, подготовки и дальнейшего распространения информации на указанную тему. Реализуя указанный преступный умысел, М. потребовал от журналиста прекратить сбор и подготовку информации о данном конфликте, а также отказаться от распространения ранее подготовленного видеосюжета, предоставив ему цифровой носитель информации (флешкарту) с отснятым видеосюжетом на территории поселка. Журналист, осознавая, что он находится в ранее незнакомом ему населенном пункте, в котором происходил конфликт между правоохранительными органами и цыганами, значительное количество которых находилось рядом с ним и негативно относились к деятельности съемочной группы по подготовке сюжета, а М., являясь одним из местных жителей, в нецензурной форме требовал прекратить сбор и подготовку информации о данном конфликте, а также отказаться от распространения ранее собранного видеосюжета, передал М. цифровой носитель информации, находившийся у оператора съемочной группы, и покинул населенный пункт¹⁹².

В завершение параграфа подчеркнем следующее:

1. Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, являются общественные отношения, связанные с реализацией естественного, гарантированного Конституцией Российской Федерации права на свободу слова. При этом дополнительным

¹⁹² Приговор Ленинского районного суда Тульской области от 12 сентября 2017 г. по делу № 1-97/2017.

объектом выступают общественные отношения, связанные с реализацией и обеспечением трудовых прав журналиста.

2. В уголовно-правовом смысле потерпевшим по делам о преступлении, предусмотренном ст. 144 УК РФ, может признаваться только журналист. Это касается и тех случаев, когда воздействие на профессиональный выбор представителя СМИ осуществляется опосредованно через воздействие на близких ему лиц. В зависимости от фактических обстоятельств содеянного, близкие журналисту лица будут выступать потерпевшими по другим преступлениям, посягающим на общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни, здоровья либо собственности.

3. С учетом общетеоретического понимания уголовно-правовой категории «предмет преступления», предметом деяния, предусмотренного ст. 144 УК РФ, является информация, подготовленная журналистом в ходе осуществления законной профессиональной деятельности и закреплённая на материальном носителе.

4. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста путем принуждения к отказу от распространения информации имеет два самостоятельных смысловых значения: а) принуждение журналиста к отказу от распространения конкретной информации; б) принуждение к отказу от законной профессиональной деятельности журналиста в целом;

5. По смыслу ст. 144 УК РФ принуждение может выражаться в одной из следующих форм:

а) по ч.1 и 2 ст. 144 УК РФ:

- распространение сведений, причиняющих существенный вред журналисту или его близким (шантаж), а равно угроза их распространения;

- совершение действий (бездействия), причиняющих существенный вред журналисту или его близким (увольнение; привлечение к дисциплинарной, гражданско-правовой, административной либо уголовной ответственности; отчисление из вуза; проведение внеплановых проверок со стороны

контролирующих органов; прекращение гражданско-правовых отношений и др.), а равно угроза совершения таких действий (бездействия);

- угроза уничтожением, повреждением или изъятием имущества журналиста или его близких;

б) по ч. 3 ст. 144 УК РФ:

- уничтожение или повреждение имущества журналиста или его близких;
- насилие, а равно угроза насилием.

6. Обязательным признаком субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, является специальная цель – добиться распространения журналистом определенной информации либо отказа от такого распространения. В тех случаях, когда применение насилия к журналисту было обусловлено внезапно возникшей неприязнью, в том числе в связи с выполняемой им профессиональной деятельностью, и лицо не стремилось фактически завладеть тем или иным материалом, не высказывало требований прекратить осуществление видеосъемки и т.п., содеянное следует квалифицировать как преступление против жизни или здоровья в зависимости от наступивших последствий.

7. По смыслу ч. 2 ст. 144 УК РФ под лицами, использующими свое служебное положение при воспрепятствовании законной профессиональной деятельности журналиста, следует понимать должностных лиц, обладающих признаками, предусмотренными п. 1 примечания к ст. 285 УК РФ, государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами, а также иных лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным п. 1 примечания к ст. 201 УК РФ (например, лицо, которое использует для воспрепятствования законной журналистской деятельности свои служебные полномочия, включающие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в коммерческой организации).

8. Принимая во внимание, что объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 144 УК РФ, охватывает лишь действия, связанные с

уничтожением или повреждением имущества, действия, выразившиеся в противоправном открытом изъятии журналистского оборудования, требуют самостоятельной уголовно-правовой оценки по ст. 161, 162 УК РФ в зависимости от конкретных фактических обстоятельств.

§ 3. Основные направления совершенствования законодательства об ответственности за преступления против свободы слова

Перманентная модернизация отечественного уголовного законодательства, как известно, вызывает серьезное раздражение как в кругу теоретиков, так и среди практиков. Причем если первые главным образом выражают недовольство в связи со слабой научной обоснованностью тех или иных законотворческих решений и необходимостью объяснения в учебном процессе того, что достаточно сложно объяснить, то у практических сотрудников подвижность закона сопряжена с непосредственными затруднениями при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и принятии процессуальных решений по материалам проверок и уголовным делам. И здесь непостоянство сферы уголовно-правового регулирования уже напрямую влияет на оценку качества работы и фактическую нагрузку рядовых оперативников, дознавателей, следователей и судей, самым непосредственным образом затрагивает права потерпевших и лиц, совершивших преступления.

Конечно же, мы разделяем позицию, что внесение изменений в УК РФ должно выступать крайней мерой, обусловленной очевидной пробельностью закона либо теоретически обоснованной и подтвержденной на практике его внутренней несогласованностью (коллизией). В таких случаях несовершенство закона должно стать предметом обстоятельного научного анализа и дальнейшей законотворческой работы. При этом нельзя не учитывать и то объективное обстоятельство, что современный мир динамичен, правовые категории и механизмы довольно быстро устаревают, становятся малопригодными для изменившихся социальных условий. Игнорирование

таких процессов и желание сохранить стабильность правовой системы изначально обречены на провал, порождая предсказуемое состояние «правового вакуума».

Состояние отечественного уголовного законодательства в части установления ответственности за преступления против свободы слова, на наш взгляд, характеризуется сочетанием указанных выше проблем. Сейчас можно констатировать как отставание УК РФ от современных тенденций развития информационно-коммуникационной сферы, так и наличие в нем множества хотя и давних, но так и не скорректированных юридико-технических дефектов.

Полагаем, что совершенствование законодательства об ответственности за преступления против свободы слова комплексно может быть представлено следующими основными направлениями:

1) криминализация незаконного воспрепятствования осуществлению права на свободу слова;

2) адаптирование отечественного уголовного законодательства об ответственности за посягательства на свободу слова к новым условиям глобального пространства интернет-коммуникации;

3) устранение юридико-технических недостатков действующих редакций ст. 140 и 144 УК РФ.

Самым значимым в уголовно-политическом смысле является вопрос о криминализации воспрепятствования осуществлению лицом права на свободу слова. Современное состояние российского общества характеризуется не только перенасыщением информационного пространства (эта проблема затронула все государства, испытывавшие на себе последствия четвертой промышленной революции), но и одновременным усилением (ужесточением) контроля над свободой информационного поведения личности. Как уже отмечалось ранее, эти процессы являются взаимосвязанными и взаимообусловленными. Гиперсвязанное общество, где практически каждый обладает эффективными (легкодоступными и практически бесплатными) инструментами манифестации собственных взглядов, идей и убеждений,

неминуемо сталкивается с необходимостью эффективного противодействия распространению деструктивного или даже криминогенного контента¹⁹³. В результате закономерно и последовательно множится число правовых запретов и оснований ответственности за их нарушения, связанных со злоупотреблением естественным правом на свободу слова. Таким образом, обостряется конкуренция между двумя самостоятельными социальными запросами: 1) на сохранение высоких стандартов обеспечения индивидуальной свободы личности в части обеспечения права каждого иметь собственные убеждения, обмениваться информацией и свободно высказывать собственное мнение и 2) на ограждение общества от разрушительного воздействия вредоносной информации путем введения дополнительных ограничений, стандартов, запретов и мер ответственности.

За последние годы отечественный законодатель предпринял значительные меры к тому, чтобы обеспечить надлежащий уровень уголовно-правовой охраны человека, общества и государства от наиболее опасных форм злоупотребления правом на свободу слова. Вместе с тем модель уголовно-правовой охраны самой свободы слова осталась неизменной – рельефно выраженной в запрете на вмешательство в профессиональную деятельность журналистов и «размытой» до степени научной полемики и практически нулевого восприятия правоприменителем на уровне отдельных составов преступлений против жизни и здоровья человека, конституционных прав и свобод гражданина и должностных преступлений. *Это выявляет фактически сложившуюся асимметрию российского уголовного закона, характеризующуюся отсутствием специального уголовно-правового запрета на незаконное воспрепятствование осуществлению гражданином гарантированного Конституцией РФ права на свободу слова и перенасыщением нормами об ответственности за злоупотребление таким правом.*

¹⁹³ См.: Соловьев В. С. Проблемы применения законодательства, ограничивающего оборот криминогенной информации // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 3 (17). С. 66-71.

С точки зрения общей теории систем перекося, дисбаланс или иная утрата естественного равновесия являются признаками нарушения работы системы. Самоорганизующаяся система совершенствуется и достигает баланса (устойчивого состояния) самостоятельно с течением времени и с учетом внешних/внутренних условий ее функционирования. Правовую систему к самоорганизующимся относить нельзя, поскольку она всегда требует внешнего вмешательства для устранения возникающих дефектов. В связи с этим полагаем, что отечественному законодателю следует осуществить работу по дополнению УК РФ специальной нормой об ответственности за незаконное воспрепятствование осуществлению лицом права на свободу слова. Даже если такая норма пополнит ряды так называемого «символического законодательства», её появление представляется всё же насущно необходимым на современном историческом этапе развития российского общества.

Социально-правовая обусловленность принятия такого решения заключается также в необходимости признания новых реалий формирования единого информационного пространства. Действующее уголовное законодательство Российской Федерации сохраняет в некотором смысле архаичный подход специальной защиты свободы слова только в отношении представителей профессионального журналистского сообщества, что не в полной мере соответствует современным формам информационного взаимодействия¹⁹⁴. Так, по данным ВЦИОМ российское общество постепенно дифференцируется как по типам источников получения информации, так и по степени доверия к ним. Анализ и обобщение этих данных позволяет сделать вывод, что в отличие от остальной части населения, проживающие в мегаполисах россияне всё в большей степени демонстрируют иную модель информационного потребления – постепенный отход от таких традиционных

¹⁹⁴ См.: Соловьев В. С. Сложности уголовно-правовой оценки использования информационно-телекоммуникационных сетей при совершении преступлений // Библиотека уголовного права и криминологии. 2018. № 2 (26). С. 69-75.

СМИ, как телевидение, пресса и радио, с их замещением новостными интернет-ресурсами и сетевыми сообществами¹⁹⁵.

Как известно, такие изменения в коммуникационном механизме российского общества уже получали своё отражение в действующем законодательстве. Признание того, что авторитетные блогеры в интернет-пространстве выступают значимыми акторами по формированию общественного мнения, по-сути, послужило основанием для принятия Федерального закона от 05.05.2014 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты РФ по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием с информационно-телекоммуникационных сетей». Вместе с тем уже в июле 2017 г. статья 10.2 «Особенности распространения блогером общедоступной информации» была признана утратившей силу. В связи с этим Роскомнадзор прекратил вести реестр блогеров.

Решение об исключении блогеров из круга специальных участников современного информационного общества, на наш взгляд, было ошибочным. Тем самым государство сделало шаг назад в определении правового статуса новых субъектов, занятых производством и распространением информации в сети Интернет. Уголовно-правовая норма об ответственности за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ) не распространяется на случаи оказания соответствующего давления на таких лиц, которые в условиях современного стремительного «виртуализирующегося» общества, оказывают едва ли не меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем официальные СМИ. В связи с этим полагаем, что нейтралитет российского уголовного законодательства относительно оценки наиболее опасных форм посягательства на свободу слова,

¹⁹⁵ Электронный ресурс // URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111297> (дата обращения: 30.04.2018).

на наш взгляд, имеет негативные последствия и в части реализации общей превенции.

В пользу криминализации незаконного воспрепятствования осуществлению лицом права на свободу слова может также служить и опыт отдельных зарубежных стран. Так, повторимся, что ст. 153 УК Грузии предусматривает ответственность за воспрепятствование осуществлению свободы слова либо права на получение или распространение информации¹⁹⁶. Уголовное законодательство Белоруссии устанавливает ответственность за преследование граждан за критику (ст. 197)¹⁹⁷.

Следует специально оговорить, что редакция такой нормы должна содержать обязательное указание на неправомерность самого вмешательства, поскольку отечественное законодательство содержит целый ряд оснований, при котором такие действия не могут признаваться противоправным. Так, например, Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении» в ст. 12 предусматривает возможность ограничения свободы печати и других средств массовой информации путем введения цензуры с указанием условий и порядка ее осуществления, а также временное изъятие или арест печатной продукции, радиопередающих, звукоусиливающих технических средств, множительной техники, установление особого порядка аккредитации журналистов. Схожие положения содержит Федеральный конституционный закон «О военном положении».

На основании изложенного полагаем, что УК РФ можно дополнить новой нормой (ст. 140¹ УК РФ) в следующей редакции:

«Статья 140¹. Воспрепятствование осуществлению права на свободу слова

1. Незаконное воспрепятствование осуществлению права на свободу слова, если это деяние совершено лицом с использованием своего служебного

¹⁹⁶ [Электронный ресурс] // URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/16426/143/ru/pdf> (дата обращения: 12.04.2018 г).

¹⁹⁷ [Электронный ресурс] // URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 05.03.2018 г).

положения либо под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких, -

наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо лишением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

2. То же деяние, совершенное в отношении блогера, -

наказываются обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до трех лет либо лишением свободы на срок до трех лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные группой лиц по предварительному сговору либо с применением насилия, -

наказываются принудительными работами на срок до пяти лет или лишением свободы на срок до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового»¹⁹⁸.

¹⁹⁸ Данную редакцию нормы поддержало 63% экспертов. При этом 78% граждан высказались положительно о самой необходимости криминализации незаконного воспрепятствования осуществлению права на свободу слова.

Не впадая в наивный оптимизм относительно того, что коррекция нормативной базы сама по себе даст незамедлительный положительный эффект в обеспечении надлежащей охраны права на свободу слова в России (конечно же, не даст), отметим, что она может и должна послужить отправной точкой построения оптимальной модели уголовно-правового обеспечения данного неотъемлемого конституционного права. Нетерпимость самих граждан к незаконному ограничению их права свободно обмениваться информацией и высказываться критически по социально значимым проблемам, принципиальное отношение к таким ситуациям правоприменителей, как и сама практика – дело времени и правовой культуры, которой, полагаем, ещё предстоит сформироваться.

При осуществлении юридического анализа отказа от предоставления гражданину информации (ст. 140 УК РФ) нами уже отмечалось, что соответствующая норма настоятельно требует модернизации в двух моментах – в описании общественно опасных последствий и в определении признаков специального субъекта. Неопределенность вреда как конструктивного признака диспозиции ст. 140 УК РФ фактически сделало невозможным применение данной нормы. Полагаем, что решением проблемы могло бы стать использование такой конструкции как *«существенное нарушение прав и законных интересов гражданина»*.

Проведенное исследование также показало, что указание в ст. 140 УК РФ на должностное лицо как на единственно возможного субъекта отказа в предоставлении гражданину информации не соответствует современной специфике государственно-частного взаимодействия. Довольно часто субъектами рассмотрения обращений граждан становятся государственные служащие, не обладающие признаками должностного лица. В связи с этим полагаем, что законодателю следует расширить признаки субъекта отказа в предоставлении гражданину информации.

В теории уголовного права было сформулировано предложение о расширении объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 140 УК

РФ, путем включения в диспозицию альтернативной формы совершения деяния в виде «уклонения от предоставления информации»¹⁹⁹. Полагаем, что в подобном решении есть существенные изъяны. Во-первых, следует согласиться с тем, что сам по себе отказ в предоставлении гражданину информации уже является наиболее категоричной и одновременно самой опасной формой такого уклонения. Во-вторых, необходимо честно признать, что с практической точки зрения будет достаточно сложно установить умышленный характер такого уклонения и отграничить его от элементарной должностной расхлябанности, граничащей с преступной халатностью. В связи с этим правоприменителю каждый раз придется принимать решение, что называется, впадая в объективное вменение, не имея, как правило, должных доказательств того, что должностное лицо специально занималось волокитой. И, наконец, в-третьих, если допустить, что здесь необходимо говорить об ответственности и в том случае, когда имела место преступная неосторожность, то логичнее решать вопрос об ответственности за такое деяние в рамках ст. 293 УК РФ. Объяснение тому кроется хотя бы в том, что, как мы уже отмечали ранее, отказ в предоставлении гражданину информации являет собой преступление *против свободы слова*, и с точки зрения этой своей видовой принадлежности является умышленным.

Крайне неудовлетворительным является редакция ст. 140 УК РФ с точки зрения дифференциации уголовной ответственности за отказ в предоставлении гражданину информации. Если выразиться точнее, какая-то дифференциация в данной норме отсутствует вовсе, что, на наш взгляд, является очевидным дефектом уголовного закона. Руководствуясь принципом системности УК РФ и отмечая очевидную близость ст. 140 УК РФ злоупотреблению должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и отказу в предоставлении информации Федеральному собранию Российской Федерации или Счетной палате Российской Федерации (ст. 287 УК РФ), полагаем, что систему

¹⁹⁹ Грошиков К. К. Уголовная ответственность за утаивание социально значимой информации: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2009. С. 91.

квалифицирующих признаков отказа в предоставлении гражданину информации следует построить аналогичным образом.

С учетом изложенного уголовно-правовую норму об ответственности за отказ в предоставлении информации, на наш взгляд, следует изложить в следующей редакции:

«Статья 140. Отказ в предоставлении информации»

1. Неправомерный отказ в предоставлении собранных в установленном порядке документов и материалов, непосредственно затрагивающих права и свободы лица, либо предоставление заведомо неполной или ложной информации, если эти деяния повлекли существенное нарушение прав и законных интересов граждан, -

наказываются штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от двух до пяти лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет.

2. Те же деяния, совершенные лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления, -

наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они:

а) сопряжены с сокрытием правонарушений, совершенных должностными лицами органов государственной власти;

б) совершены группой лиц по предварительному сговору;

в) повлекли тяжкие последствия, -

наказываются лишением свободы на срок до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет»²⁰⁰.

В решении вопроса о совершенствовании конструкции ст. 144 УК РФ не лишним будет обратиться к истории данного уголовно-правового запрета. Как известно, с момента своего определения в 1991 г. ст.140¹ УК РСФСР 1960 г. предусматривала ответственность за: 1) злостное воспрепятствование в какой бы то ни было форме законной профессиональной деятельности журналистов; 2) принуждение к распространению либо отказу от распространения информации с целью ограничения свободы печати или других средств массовой информации.

При этом отягчающими обстоятельствами выступали совершение данного деяния: 1) лицом с использованием служебного положения; 2) с насилием над журналистом или его близкими; 3) с повреждением или уничтожением имущества; 4) с угрозой насилия; 5) с угрозой уничтожения или повреждения имущества; 6) совершенное путем подкупа.

Следует с сожалением отметить, что развитие отечественного уголовного законодательства в части ответственности за неправомерное вмешательство в законную профессиональную деятельность журналистского сообщества по большому счету может быть охарактеризовано как регресс. Современная редакция ст. 144 УК РФ уступает ст. 140¹ УК РСФСР как в аспекте конструкции основного состава, так и в отношении системы квалифицирующих признаков. Во-первых, в ст. 140¹ УК РСФСР была четко разделена

²⁰⁰ Данную редакцию нормы поддержало 58% опрошенных экспертов.

ответственность за воспрепятствование деятельности журналиста (хотя и с использованием оценочного признака злостности) и принуждение к распространению либо отказу от распространения информации. Таким образом, данные формы поведения выступали альтернативными способами совершения одного и того же преступления, что точнее отражало сущность исследуемого уголовно-правового запрета и обеспечивало надлежащий уровень уголовно-правовой охраны свободы слова.

Сейчас же, повторимся, признак воспрепятствования в конструкции ст. 144 УК РФ обладает абсолютно нулевым (рудиментным) значением, поскольку полностью ориентирован на признак принуждения. Получается, что законодатель с момента принятия УК РФ 1996 г. существенным образом понизил уголовно-правовые гарантии независимой деятельности представителей СМИ и реализации права на свободу слова в целом. Кроме того, следует также отметить с положительной стороны указание в диспозиции ст. 140¹ УК РСФСР на специальную цель – ограничения свободы печати или других средств массовой информации. Подобное уточнение содержания субъективной стороны вмешательства в законную профессиональную деятельность журналистов позволяет, например, отграничивать посягательства на конституционно гарантированное право на свободу слова от случаев покровительства отдельных представителей СМИ, связанных с их активной популяризацией, передачей им наиболее актуальных тем для освещения, при одновременном «замораживании» подготовленных материалов другими журналистами.

Не лишним будет указать и на то обстоятельство, что в Модельном Уголовном кодексе ст. 166 «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста» сформулирована следующим образом: «Воспрепятствование в какой бы то ни было форме законной профессиональной деятельности журналиста, а равно принуждение его к распространению либо отказу от распространения информации».

В теории уголовного права на очевидные недостатки конструкции уголовно-правового запрета, предусмотренного ст. 144 УК РФ, внимание обращалось неоднократно. Так, в своей докторской диссертации Л. Г. Мачковский пишет: «Действующая в Российской Федерации норма не предусматривает ответственности за воспрепятствование распространению информации в случаях, когда не происходило принуждение журналиста... Вне поля уголовно-правового регулирования остаются такие, несомненно представляющие общественную опасность, действия, как изъятие или уничтожение продукции СМИ... и цензура»²⁰¹. Далее автор формулирует вполне справедливый вывод о том, что ч. 1 ст. 144 УК РФ должна предусматривать ответственность за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов, совершаемое в любых формах и на всех этапах их деятельности²⁰².

Близкую точку зрения высказывает Д. А. Калмыков, предлагая изложить диспозицию ч. 1 ст. 144 УК РФ следующим образом: «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста путем принуждения его к поиску, получению, передаче, производству или распространению информации либо к отказу от осуществления названных действий»²⁰³.

Соответствующие выводы о необходимости усиления уголовно-правовой охраны свободы журналистской деятельности имеют под собой веские основания и заслуживают поддержки. Российскому законодателю следует по меньшей мере вернуться к стандартам советского уголовного права, которое рассматривало вмешательство в свободу СМИ в гораздо более широком смысле.

²⁰¹ Мачковский Л. Г. Преступления против конституционных прав человека и гражданина: проблемы теории и практики правового регулирования: дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 232.

²⁰² Там же. С. 233.

²⁰³ Калмыков Д. А. Информационная безопасность: понятие, место в системе уголовного законодательства РФ, проблемы правовой охраны: дис. ...канд. юрид. наук. Ярославль, 2005. С. 12.

В современной литературе также отмечается несовершенство системы дифференциации ответственности за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста. Так, Е. А. Куманьева пишет: «...действующая редакция ч. 3 ст. 144 УК РФ некорректно отражает способы принуждения. Буквальное толкование признака «с угрозой применения такого насилия» позволяет сделать неправильный вывод о том, что он охватывает повреждение или уничтожение имущества как насильственные действия...насилие имеет отношение к воздействию только на человека, а не на имущество (термин «имущественное насилие» несостоятелен). Поэтому ч. 3 ст. 144 УК РФ следует изложить таким образом, чтобы признак «угроза применения насилия» следовал непосредственно за признаком «применение насилия и формально был отделен от признака «повреждение или уничтожение имущества»²⁰⁴.

Соглашаясь в целом с мнением и аргументацией Е. А. Куманьевой, представляется дискуссионным предлагаемое решение автора. Полагаем, что угроза уничтожения или повреждения имущества, на наш взгляд, должна быть определена как квалифицирующий признак ч. 3 ст. 144 УК РФ.

М. А. Султанова в своем исследовании обосновывает необходимость дополнения ст. 144 УК РФ частью четвертой, установив повышенную ответственность за совершение преступления в отношении двух или более лиц (журналистов)²⁰⁵. Данный вывод представляется дискуссионным по ряду причин. Прежде всего, не совсем понятно, почему общественная опасность исследуемого преступления должна ставиться в зависимость от количества журналистов, работающих над подготовкой конкретного материала. Логичнее было бы усмотреть такую зависимость по отношению к объемам информации, планируемой для массового распространения, то есть правильнее утверждать, что деяние лица обладает тем большей опасностью, чем большее количество

²⁰⁴ Куманьева Е. А. Принуждение в уголовном праве России: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2012. С. 174.

²⁰⁵ Султанова М. А. Преступность в сфере трудовых отношений: криминологическое региональное исследование: дис. ...канд. юрид. наук. Махачкала, 2013. С. 12.

социально значимой информации не получило своей огласки в деятельности СМИ. Во-вторых, сразу возникает вопрос о квалификации угроз в отношении, например, главного редактора, когда лицо высказывает требования в отношении работы издания в целом. Следует ли это признавать угрозой по отношению ко всем журналистам, вовлеченным в подготовку материала или исключительно главного редактора? И наконец, есть довольно значительный риск, что такой квалифицирующий признак начнет преобладать в общей совокупности деяний, предусмотренных ст. 144 УК РФ, поскольку на практике довольно часто воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов имеет место при работе съемочной группы, когда давление на оператора и корреспондента реализуется одновременно и по большому части ситуативно.

С учетом сформулированных выше предложений и выводов полагаем, что ст. 144 УК РФ следует изложить в следующей редакции:

«Статья 144. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста

1. Вмешательство в какой бы то ни было форме в законную профессиональную деятельность журналиста в целях воспрепятствования распространению информации либо принуждения к распространению информации -

наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года.

2. То же деяние, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, -

наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до

двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо лишением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, соединенные с насилием над журналистом или его близкими либо с повреждением или уничтожением их имущества, а равно с угрозой совершения таких действий, -

наказываются принудительными работами на срок до пяти лет или лишением свободы на срок до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового»²⁰⁶.

²⁰⁶ Данную редакцию нормы поддержало 72% опрошенных экспертов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершение проведенного исследования представляется необходимым еще раз остановиться на его основных положениях и выводах:

1) В качестве объекта уголовно-правовой охраны свободу слова можно определить как совокупность общественных отношений, связанных с реализацией естественного, гарантированного Конституцией Российской Федерации права на распространение в любой форме идей, мнений, убеждений и другой не запрещённой законом информации, а равно права на отказ от совершения указанных действий.

2) Свобода слова как объект уголовно-правовой охраны обладает следующими признаками:

- естественность происхождения и гарантированность нормами Конституции Российской Федерации;

- заключается в распространении любой не запрещенной законом информации как субъективно-оценочной (мнения, суждения, оценки и т.д.), так и фактической (сведений о событиях, происшествиях, процессах и т.д.);

- индифферентность формы, которая предполагает не только традиционные вербальные, но и не поддающиеся точному исчислению невербальные способы информационного обмена;

- выражается как в активном поведении субъекта (распространении информации), так и в мыслительно-речевом бездействии (отказе от распространения информации, публичного выражения мнения и т.д.);

- представляет собой охраняемое нормами уголовного закона социально значимое отношение, обеспечивающее нормальное существование и развитие не только отдельного человека, но и общества в целом.

3) Система международных документов, в той или иной мере затрагивающих реализацию права на свободу слова, к настоящему времени может быть представлена следующими элементами:

- универсальные международные документы, составляющие

Международный стандарт в области свободы слова;

- региональные международные документы, дублирующие и отчасти развивающие положения Международного стандарта;
- вспомогательные международные документы, интерпретирующие положения Международного стандарта;
- рекомендательные международные документы в области соблюдения и ограничения свободы слова;
- международные документы, содержащие нормы, устанавливающие ответственность за отдельные преступления, связанные со злоупотреблением права на свободу слова.

4) Доктринальная экспертиза российского уголовного законодательства на предмет его соответствия международным стандартам позволяет заключить, что оно не в полной мере удовлетворяет основополагающему требованию международного стандарта в области свободы слова, касающегося обязанности государств всемерно и эффективно охранять свободу выражения мнения и информации от возможных нарушений и неправомерного вмешательства. Отечественный уголовный закон не содержит общего запрета на воспрепятствование реализации гражданином конституционного права на свободу слова.

5) Возможность несоразмерного ограничения права на свободу слова человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации заложена в современных редакциях ч. 1 ст. 148 УК РФ, предусматривающей ответственность за оскорбление чувств верующих, а также ст. 354¹ УК РФ об ответственности за реабилитацию нацизма. Используемые в тексте отечественного уголовного закона конструкции не обладают достаточной формальной определённостью, чтобы утверждать о наличии надёжных гарантий от расширительного толкования и, следовательно, произвольного применения.

6) Не в полной мере соответствующими положениям ст. 5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма положения ст. 205² УК РФ в той

части, в которой она устанавливает ответственность за публичное оправдание идеологии терроризма. Установление ответственности за оправдание идеологии, то есть некой совокупности упорядоченных взглядов, выражающих интересы различных социальных классов и иных социальных групп, совершенно не вяжется с тем уровнем формальной определённости закона, которая необходима для легитимного установления и реализации юридической ответственности. Одной из принципиальных позиций мирового сообщества является установление ответственности не за оправдание нацизма, терроризма, экстремизма как мировоззрения (идеологии), а за оправдание или отрицание конкретных практик, событий, исторических фактов, ставших трагическими последствиями этих идеологий.

7) Уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 357 УК РФ, должна быть приведена в соответствие с Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948 г.), которая в качестве преступления называет публичные призывы к совершению геноцида (ст. 3). Действующая редакция ст. 357 УК РФ со всей очевидностью свидетельствует о том, что Российская Федерация не в полной мере выполнила взятые на себя международные обязательства в рамках данного международного документа.

8) Исследование законодательств зарубежных стран в части определения уголовно-правовых гарантий права на свободу слова позволило сформулировать их следующую типологизацию:

- первую группу составляют страны, в которых обозначенный вопрос решается в самом общем виде, – путем законодательной регламентации общего положения об ответственности за неправомерное ограничение свободы слова человека (Грузия, Финляндия, Франция и др.);

- ко второй группе отнесены страны, в которых устанавливается ответственность исключительно за преследование гражданина за критику (Беларусь, Китай, Таджикистан);

- третью группу образуют уголовные законодательства стран, в которых уголовно-правовые гарантии свободы слова сведены к защите законной

профессиональной деятельности представителей средств массовой информации (Азербайджан, Казахстан, Молдова, Российская Федерация);

– уголовные законодательства государств, включающие специальные нормы об обстоятельствах, исключающих уголовную ответственность при реализации лицом права на свободу слова, отнесены к четвертой группе (Великобритания, Германия, Канада, Финляндия, Швеция и др.).

9) Злоупотребление правом на свободу слова представляет собой осуществление лицом субъективного права на распространение в любой форме идей, мнений, убеждений и другой информации, в противоречии с его социальным назначением.

10) Использование гарантированного Конституцией Российской Федерации права на свободное распространение информации, высказывание собственных мыслей, убеждений и мнений может приобретать злонамеренный характер по двум самостоятельным критериям:

- злоупотреблением правом на свободу слова является распространение сведений, в результате которого причиняется вред или создается угроза причинения вреда охраняемым законом интересам личности, общества или государства (злоупотребления правом на свободу слова, связанные с распространением конфиденциальной информации (ст. 137, ст. 138, ст. 146, ст. 155, ст. 183, ч. 2 ст. 185⁶, ст. 275, ст. 276, ст. 283, ст. 310, ст. 311, ст. 320 УК РФ); злоупотребления, заключающиеся в негативном информационном воздействии на состояние психического благополучия отдельного человека либо общества в целом (ст. 110-110², ст. 119, ст. 151, ст. 230, ст. 240, ст. 242, ст. 242¹ УК РФ); злоупотребления, связанные с распространением недостоверной (ложной) информации (ст. 128¹, ст. 185³, ст. 298¹, ст. 306, ст. 307 УК РФ); злоупотребления, заключающиеся в распространении оскорбительной информации (ст. 297, ст. 319, ст. 336 УК РФ); злоупотребления, связанные с вовлечением в осуществление преступной деятельности (ч. 4 ст. 33, ст. 150, ч. 1 ст. 205¹, ст. 205², ч. 3 ст. 212, ст. 280, ст. 280¹, ст. 282, ст. 354, ст. 354¹ ч. 2 ст. 361 УК РФ);

- злоупотребление правом на свободу слова может быть связано не столько с характером распространяемой информации, сколько с избранным лицом способом манифестации своих убеждений, взглядов и т.п. (ст. 167, 213, 243, 329 УК РФ).

11) Под пределами криминализации злоупотребления права на свободу слова следует понимать солидаризирующиеся с требованиями общественной морали, а равно с картиной мира, сложившейся в общественном сознании, нормативно определённые границы (ограничения) вмешательства органов законодательной власти в сферу индивидуальной автономии личности, связанной с реализацией права на свободу слова, посредством признания деяния преступлением, закрепления его признаков в уголовном законе и установления наказания.

12) К пределам криминализации злоупотребления правом на свободу слова относятся:

- запрет на избыточное ограничение прав, свобод и законных интересов при конструировании и применении мер уголовно-правового принуждения;

- недопустимость принятия уголовно-правовых норм, содержание которых является неопределённым, допускающим возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения;

- недопустимость признания преступлением таких форм информационного обмена, когда негативные последствия применения уголовной репрессии объективно превысят вред от криминализируемого деяния.

13) Преступления, нарушающие право на свободу слова, – это предусмотренные уголовным законом умышленные общественно опасные деяния, посягающие на общественные отношения, связанные с реализацией естественного, гарантированного Конституцией Российской Федерации права на свободу слова, независимо от того, являются ли эти общественные отношения конструктивным элементом состава преступления или нет.

14) Система уголовно-правовых норм об ответственности за преступления, нарушающие право на свободу слова, может быть альтернативно определена:

– с точки зрения криминологического подхода, в рамках которого предлагается различать: а) преступления, связанные с принуждением к распространению информации либо к отказу от ее распространения (ст. 144, 183, 283¹, 302, 309 УК РФ); б) преступления, выражающиеся в сокрытии информации либо уклонении от ее предоставления (ст. 140, 237 УК РФ); в) преступления, связанные с воспрепятствованием осуществлению отдельных прав (социальных, политических, религиозных и др.), неразрывно связанных с реализацией права на свободу слова (ст. 141, 142¹, 142², 148, 149 УК РФ); г) служебные преступления, элементом объективной стороны которых является использование специальных полномочий в целях неправомерного вмешательства в процесс осознанного информационного поведения человека (ст. 136, 201, 285, 286 УК РФ); д) преступления, связанные с непосредственным посягательством на субъекта распространения информации либо на конкретный носитель, средство хранения или передачи такой информации (ст. 105, 111, 112, 115, 119, 167, 272, 277 УК РФ и др.);

– с формально-юридических позиций, с учетом которых в качестве элементов этой системы следует рассматривать преступления, непосредственно посягающие на свободу слова (преступления против свободы слова), – неправомерный отказ в предоставлении гражданину информации (ст. 140 УК РФ) и воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ).

15) Под преступлениями против свободы следует понимать предусмотренные уголовным законом умышленные общественно опасные деяния, непосредственно посягающие на общественные отношения, связанные с реализацией естественного, гарантированного Конституцией Российской Федерации права на свободу слова.

16) Анализ диспозиции ст. 140 УК РФ, позволяет обосновать вывод, что потерпевшим от соответствующего преступления может выступать: а) лицо, в отношении которого были собраны в установленном порядке определенные документы и материалы; б) лицо, заинтересованное в получении информации, затрагивающей ее личные права и законные интересы; в) лицо, заинтересованное в получении информации, затрагивающей права и законные интересы других физических лиц.

17) Предметом преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ, являются: а) материалы и документы, которые были специально собраны в отношении лица в установленном законом порядке; б) материалы и документы, содержащие информацию, затрагивающую личные права и законные интересы гражданина; в) материалы и документы, содержащие информацию, затрагивающую права и законные интересы других лиц.

18) Представляется ошибочным расширение понятия предмета преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ, путём включения составленных или собранных должностным лицом документов или материалов, содержащих неполные либо заведомо ложные сведения, которые не только не выражают сущность охраняемого законом общественного отношения, а по существу выступают инструментом причинения вреда последнему. В связи с этим, на наш взгляд, такие материалы и документы необходимо рассматривать как средство совершения исследуемого преступления.

19) Неправомерность как конструктивный признак ст. 140 УК РФ характеризуется значительным уровнем юридико-технической неопределенности, преодоление которой является важной теоретико-прикладной задачей отечественной науки уголовного права. Успешное разрешение такой задачи во многом решило бы проблему правоприменительной статистики ст. 140 УК РФ.

20) Под неправомерным отказом должностного лица в предоставлении информации следует понимать направление заявителю сообщения по установленной форме об отказе в предоставлении запрашиваемой информации

(материалов, документов) при соблюдении гражданином формы и порядка обращения за получением информации (материалов, документов) и при отсутствии специальных оснований для отказа в ее (их) предоставлении.

21) В определении оценочного признака «вред правам и законным интересам граждан», в значительной степени необходимо руководствоваться разъяснениями, сформулированными в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», согласно которым существенность нарушения (значимая вредоносность в проекции ст. 140 УК РФ) имеет место при нарушении прав и свобод физических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией РФ (например, права на судебную защиту и доступ к правосудию, в том числе права на эффективное средство правовой защиты в государственном органе и компенсацию ущерба, причиненного преступлением, и др.); при оценке существенности вреда необходимо учитывать число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда и т.п.

В целях достижения формальной определенности уголовно-правовой нормы предлагается использовать в диспозиции ст. 140 УК РФ такую конструкцию как «существенное нарушение прав и законных интересов гражданина».

22) Вина при неправомерном отказе в предоставлении информации, повлекшем причинение вреда правам и законным интересам гражданина, включает в себя осознание должностным лицом противоправности такого отказа, что равнозначно осознанию общественной опасности этого деяния.

23) Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, являются общественные отношения, связанные с реализацией естественного, гарантированного Конституцией Российской Федерации права на свободу слова. При этом дополнительным

объектом выступают общественные отношения, связанные с реализацией и обеспечением трудовых прав журналиста.

24) В уголовно-правовом смысле потерпевшим по делам о преступлении, предусмотренном ст. 144 УК РФ, может признаваться только журналист. Это касается и тех случаев, когда воздействие на профессиональный выбор представителя СМИ осуществляется опосредованно через воздействие на близких ему лиц. В зависимости от фактических обстоятельств содеянного, близкие журналисту лица будут выступать потерпевшими по другим преступлениям, посягающим на общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни, здоровья либо собственности.

25) С учетом общетеоретического понимания уголовно-правовой категории «предмет преступления», предметом деяния, предусмотренного ст. 144 УК РФ, является информация, подготовленная журналистом в ходе осуществления законной профессиональной деятельности и закрепленная на материальном носителе.

26) Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста путем принуждения к отказу от распространения информации имеет два самостоятельных смысловых значения:

- принуждение журналиста к отказу от распространения конкретной информации;
- принуждение к отказу от законной профессиональной деятельности журналиста в целом.

27) По смыслу ст. 144 УК РФ принуждение может выражаться в одной из следующих форм:

а) по ч.1 и 2 ст. 144 УК РФ:

- распространение сведений, причиняющих существенный вред журналисту или его близким (шантаж), а равно угроза их распространения;
- совершение действий (бездействия), причиняющих существенный вред журналисту или его близким (увольнение; привлечение к дисциплинарной, гражданско-правовой, административной либо уголовной ответственности;

отчисление из вуза; проведение внеплановых проверок со стороны контролирующих органов; прекращение гражданско-правовых отношений и др.), а равно угроза совершения таких действий (бездействия);

- угроза уничтожением, повреждением или изъятием имущества журналиста или его близких;

б) по ч.3 ст. 144 УК РФ:

- уничтожение или повреждение имущества журналиста или его близких;
- насилие, а равно угроза насилием.

28) Обязательным признаком субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, является специальная цель – добиться распространения журналистом определенной информации либо отказа от такого распространения. В тех случаях, когда применение насилия к журналисту было обусловлено внезапно возникшей неприязнью, в том числе в связи с выполняемой им профессиональной деятельностью, и лицо не стремилось фактически завладеть тем или иным материалом, не высказывало требований прекратить осуществление видеосъемки и т.п., содеянное следует квалифицировать как преступление против жизни или здоровья в зависимости от наступивших последствий.

29) По смыслу ч. 2 ст. 144 УК РФ под лицами, использующими свое служебное положение при воспрепятствовании законной профессиональной деятельности журналиста, следует понимать должностных лиц, обладающих признаками, предусмотренными п. 1 примечания к ст. 285 УК РФ, государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами, а также иных лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным п. 1 примечания к ст. 201 УК РФ (например, лицо, которое использует для воспрепятствования законной журналистской деятельности свои служебные полномочия, включающие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в коммерческой организации).

30) Принимая во внимание, что объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 144 УК РФ, охватывает лишь действия, связанные с уничтожением или повреждением имущества, действия, выразившиеся в противоправном открытом изъятии журналистского оборудования, требуют самостоятельной уголовно-правовой оценки по ст. 161, 162 УК РФ в зависимости от конкретных фактических обстоятельств.

31) В порядке *de lege ferenda* предлагаются следующие авторские редакции уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против свободы слова:

«Статья 140. Отказ в предоставлении информации»

1. Неправомерный отказ в предоставлении собранных в установленном порядке документов и материалов, непосредственно затрагивающих права и свободы лица, либо предоставление заведомо неполной или ложной информации, если эти деяния повлекли существенное нарушение прав и законных интересов граждан, -

наказываются штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от двух до пяти лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет.

2. То же деяние, совершенное лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления, -

наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без

такового, либо лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они:

а) сопряжены с сокрытием правонарушений, совершенных должностными лицами органов государственной власти;

б) совершены группой лиц по предварительному сговору;

в) повлекли тяжкие последствия, -

наказываются лишением свободы на срок до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет».

«Статья 140¹. Воспрепятствование осуществлению права на свободу слова

1. Незаконное воспрепятствование осуществлению права на свободу слова, если это деяние совершено лицом с использованием своего служебного положения либо под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких, -

наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо лишением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или

заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

2. То же деяние, совершенное в отношении блогера, -

наказываются обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до трех лет либо лишением свободы на срок до трех лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные группой лиц по предварительному сговору либо с применением насилия, -

наказываются принудительными работами на срок до пяти лет или лишением свободы на срок до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового».

«Статья 144. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста

1. Вмешательство в какой бы то ни было форме в законную профессиональную деятельность журналиста в целях воспрепятствования распространению информации либо принуждения к распространению информации -

наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года.

2. То же деяние, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, -

наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до

двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо лишением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, соединенные с насилием над журналистом или его близкими либо с повреждением или уничтожением их имущества, а равно с угрозой совершения таких действий, -

наказываются принудительными работами на срок до пяти лет или лишением свободы на срок до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового».

БИБЛИОГРАФИЯ

Нормативные акты:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ)// СПС «Консультант-Плюс».
2. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
3. Международный Пакт о гражданских и политических правах человека 1966 г. // Сборник стандартов Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия: Официальное издание ООН. – Нью-Йорк, 1992.
4. Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказания за него (Заключена в г. Нью-Йорке 30.11.1973) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXII. – М., 1978. С. 58 - 63.
5. Европейская конвенция о пресечении терроризма, подписанная в Страсбурге 27 января 1977 г. // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 3. – Ст. 202.
6. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Заключена 09.12.1948 г) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI.- М., 1957. С. 66 - 71.
7. Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма, принятая в Варшаве 16 мая 2005 г. // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 20. – Ст. 2393.

8. Шанхайская конвенция «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», совершенная в Шанхае 15 июня 2001 г. // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 41. – Ст. 3947.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с послед. изм.) // СПС «Консультант-Плюс».

10. Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (с послед. изм.) // СПС «Консультант-Плюс».

11. Федеральный закон РФ от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (с послед. изм.) // СПС «Консультант-Плюс».

12. Федеральный закон РФ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремисткой деятельности» (с послед. изм.) // СПС «Консультант-Плюс».

13. Федеральный закон от 18.03.2019 № 28-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «Консультант-Плюс».

14. Федеральный закон от 18.03.2019 № 30-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «Консультант-Плюс».

15. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 04.01.2016 г., №1 (часть II), ст. 212.

Материалы судебной практики

16. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 сентября 2014 года № 1873-О. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Толоконниковой Надежды Андреевны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 213 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

17. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2009 г. № 1018-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мухина Юрия Игнатьевича на нарушение его конституционных прав статьями 280 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

18. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 февраля 2009 г. № 154-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чулкина Виктора Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

19. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 года № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина» // СПС «Консультант-Плюс».

20. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2013 года № 4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э. В. Савенко» // СПС «Консультант Плюс».

21. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С. А. Бунтмана, К. А. Катаняна и К. С. Рожкова» // СПС «Консультант Плюс».

22. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по

уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // СПС «Консультант Плюс».

23. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // СПС «Консультант Плюс».

24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // СПС «Консультант Плюс».

25. «Haldimann and Others v. Switzerland», жалоба № 21830/09 // [Электронный ресурс] // URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{\"itemid\":\[\"001-152711\"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{\).

26. «Diamant Salihu and others against Sweden» жалоба №33628/15 // [Электронный ресурс] // URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{\"itemid\":\[\"001-163642\"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{\).

27. «Annen against Germany», жалоба №3779/11 // [Электронный ресурс] // URL: <http://european-court-help.ru/?p=9036>.

28. «Stomakhin v. Russia», жалоба № 52273/07 // [Электронный ресурс] // URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{\"itemid\":\[\"001-182731\"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{\).

29. «Gerd Honsik v. Austria», жалоба № 250062/94 // [Электронный ресурс] // URL: [http://hudoc.echr.coe.int/eng#{\"dmdocnumber\":\[\"666524\"\],\"itemid\":\[\"001-2362\"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng#{\).

30. «Maraisv. France», жалоба № 31159/96 // [Электронный ресурс] // URL: [http://hudoc.echr.coe.int/eng#{\"dmdocnumber\":\[\"839097\"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng#{\).

31. «Garaudy v. France», жалоба № 65831/01 // [Электронный ресурс] // URL: [http://hudoc.echr.coe.int/eng-press#{\"display\":\[\"1\"\],\"dmdocnumber\":\[\"803108\"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng-press#{\).

32. Апелляционное определение Верховного суда Республики Дагестан от 16 апреля 2019 г. по делу № 22-614/2019.

33. Апелляционное постановление Тверского областного суда от 06 июня 2018 г. по делу № 22-974/2018.

34. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 6 декабря 2017 г. по делу № 22-8747/2017.

35. Апелляционное определение Суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 18 августа 2016 г. по делу № 22-732/2016.

36. Приговор Марковского городского суда Саратовской области от 24 августа 2018 г. по делу № 1-54/2018.

37. Приговор Советского районного суда города Махачкалы от 19 ноября 2018 г. по делу № 1-438/18; и др.

38. Приговор Ленинского районного суда Тульской области от 12 сентября 2017 г. по делу № 1-97/2017.

39. Приговор Кингисеппского городского суда Ленинградской области от 16 марта 2017 г. по делу № 1-26/2017.

40. Приговор Советского районного суда г. Челябинска от 16 февраля 2016 г. по делу № 1-44/16.

41. Приговор Кочубеевского районного суда Ставропольского края от 02 ноября 2015 г. по делу № 1-239/15.

42. Приговор Преображенского районного суда г. Москвы по уголовному делу № 01-4-11.

43. Приговор Армавирского городского суда Краснодарского края по уголовному делу № 1-21/09.

44. Приговор Бутырского районного суда г. Москвы года по уголовному делу № 1-882/06.

45. Справка по результатам изучения практики судов Москвы по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 280, 282, 282¹, 282² УК РФ, а также об иных преступлениях экстремистской направленности, рассмотренным в 2013 г. // Архив Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации.

Монографии, учебники и учебные пособия

46. Актуальные проблемы уголовного права: курс лекций / [П. В. Агапов и др.; под ред. О. С. Капинус; рук. авт. кол. К. В. Ображиев]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2015. – 484 с.
47. Алиев В. М., Гладких В. И., Ходусов А. А. Уголовная ответственность за посягательства на права и свободы личности: научно-практический комментарий. М., 2014. – 264 с.
48. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики. М., 2014. – 296 с.
49. Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционная ценность избирательных прав граждан России. М., 2005. – 336 с.
50. Борисов С. В., Жеребченко А. В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности. М., 2015. – 264 с.
51. Бурковская В. А., Маркина Е. А., Мельник В. В., Решетова Н. Ю. Уголовное преследование терроризма: монография. М., 2008. – 160 с.
52. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 3-е изд., перераб и дополн. М., 2005. – 457 с.
53. Глистин В. К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). Л., 1979. – 127 с.
54. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. – 411 с.
55. Кибальник А. Г. Современное международное уголовное право: монография. М., 2010. – 304 с.
56. Климанов А. М., Пешков Д. В., Розовская Т. И. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина: научно-практическое пособие. М., 2015. – 192 с.

57. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. д.ю.н., профессора С. В. Дьякова, д.ю.н., профессора Н. Г. Кадникова. М., 2015. – 1036 с.
58. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). Том 1. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. засл. юриста РФ, д.ю.н., профессора А.В. Бриллиантова // СПС «Консультант-Плюс».
59. Михлин А. С., Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. – 248 с.
60. Крусс В. И. Злоупотребление правом: учебное пособие. М., 2010. – 176 с.
61. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2006. – 304 с.
62. Кудрявцев В. Н. Свобода слова. Научное издание. М.: Наука, 2006. – 200 с.
63. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М., 2007. – 336 с.
64. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2007. – 800 с.
65. Ображиев К. В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права: монография. М., 2015. – 504 с.
66. Проблемы квалификации преступлений: монография / под ред. К. В. Ображиева, Н. И. Пикурова. М., 2018. – 457 с.
67. Пудовочкин Ю. Е. Учение о составе преступления. Учебное пособие. М., 2009. – 247 с.
68. Пудовочкин Ю. Е. Учение о преступлении: избранные лекции / Ю.Е. Пудовочкин. –М.: Юрлитинформ, 2010. – 280 с.
69. Ратинов А. Р., Кроз М. В., Ратинова Н. А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / Под ред. А. И. Ратинова. М., 2005. – 256 с.
70. Рарог А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография. М., 2015. – 232 с.

71. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ В. П. Коняхина и д-ра юрид. наук, проф. М. Л. Прохоровой. М., 2015. – 928 с.
72. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 3. Особенная часть (главы XI – XXI) / А. В. Наумов. М., 2010. – 704 с.
73. Рябцева Е. В. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве. М., 2014. – 144 с.
74. Серебренникова А. В. Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии. М., 2005. – 303 с.
75. Тамаев Р. С. Уголовно-правовое и криминологическое обеспечение противодействия экстремизму: монография. М., 2012. – 279 с.
76. Таций В. Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1988. – 198 с.
77. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров / отв. ред. А. И. Рарог. М., 2015. – 496 с.

Научные статьи

78. Авакьян С. А. Свобода общественного мнения и конституционно-правовые гарантии её осуществления // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 1. С. 12 – 21.
79. Агапов П. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: анализ законодательной новации // Уголовное право. 2007. № 1. С. 4 – 6.
80. Акинина Н. Ю., Анисимов В. Ф., Анисимов И. В. Критерии степени общественной опасности деяния как способ разграничения преступного и непроступного // Российский следователь. 2018. № 12. С. 37–43.
81. Амрахов Н. И. Классификация преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина // Российский следователь. 2011. № 21. С. 16 – 19.

82. Бабич О. В. Диагностика речевых действий по оправданию терроризма или идеологии экстремизма // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Материалы V-й Международной научно-практической конференции. 2015. С. 331 – 338.

83. Балашов А. А. Уголовная ответственность за публичные призывы к совершению противоправных действий: актуальность проблемы // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: сборник материалов научно-практической конференции / под ред. А. В. Бриллиантова и Ю. Е. Пудовочкина. М., 2015. С. 385 – 394.

84. Беспалько В. Г. Уголовно-правовая охрана религиозных отношений // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 41 – 50.

85. Бешукова З. М. Свобода выражения мнения и противодействие экстремизму (анализ опыта России и Канады) // Уголовное право. 2014. № 4. С. 118 – 121.

86. Борисов С. В. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации // Юридическая наука. 2014. № 4. С. 44 – 49.

87. Борисов С. В. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Российский следователь. 2007. № 19. С. 10 – 12.

88. Воронин В. Н. О соотношении публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК) и возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства (ст. 282 УК) // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XIV Международной научно-практической конференции (26-27 января 2017 г.). М., 2017 г. С. 492 – 495.

89. Гигинейшвили М. Т. Подстрекательство к геноциду в практике международных трибуналов // Теория и практика общественного развития. 2015. № 4. С. 212 – 213.

90. Гилинский Я. И. Криминологические основы уголовного права в

эпоху постмодерна // Криминологические основы уголовного права // Материалы X Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 26-27 мая 2016 г. / отв. ред., докт. юрид. наук, проф. В. С. Комиссаров. М., 2016. С. 294 – 298.

91. Голубок С. А., Тимофеев М. Т. Где начинается и чем кончается свобода слова: замечание общего порядка №34 Комитета по правам человека // Международное правосудие. 2012. № 3. С. 32 – 36.

92. Егорова Н. А. Реабилитация нацизма: уголовно-правовой анализ // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. № 3. С. 494 – 503.

93. Еремина И. С. Теоретико-правовой анализ ограничения свободы слова в целях противодействия экстремистской деятельности // Государственно-правовые основы противодействия экстремизму: сборник научных трудов с международным участием. Хабаровск, 2015. С. 10 – 18.

94. Каримова Ю. В. Определение объекта воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6. С. 126 – 133.

95. Кибальник А. Г., Иванов А. Ю. Уголовная ответственность за реабилитацию нацизма (ч.1, 2 ст.354¹ УК РФ) // Уголовное право. 2015. № 4. С. 27 – 32.

96. Кибальник А. Г., Соломенко И. Г. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Законность. 2007. № 2. С. 14 – 16.

97. Князькина А. К. Реабилитация нацизма (ст. 354¹ УК РФ) – еще одна проблемная статья уголовного закона // Современные проблемы уголовной политики: V Международная научно-практическая конференция / под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар, 2014. С. 262 – 266.

98. Кондрашев А. А. Ограничения конституционных прав в Российской Федерации: теоретические подходы и политико-правовая практика // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 40 – 47.

99. Кочоев В. А., Эктумаев А. Б. Право на свободу слова как основное право // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 2. С. 134 – 142.
100. Кругликов Л. Л., Красильникова Л. В. Объект воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналиста (ст. 144 УК РФ) // Уголовное право. 2007. № 4. С. 47 – 51.
101. Кудрявцев В. Н. Научные предпосылки криминализации // Криминология и уголовная политика. М., 1985. С. 105 – 108.
102. Кудрявцев В. Н. К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления // Советское государство и право. 1951. № 8. С. 47 – 71.
103. Куликова С. А. К вопросу о классификации вредной информации в российском законодательстве // Информационное право. 2014. № 1. С. 22 – 29.
104. Куликова С.А. Перспективы совершенствования правового регулирования деятельности СМИ и других источников массовой информации // Информационное право. 2017. № 3. С. 27 – 33.
105. Кунов И. М. О системе ограничений свободы слова по российскому уголовному законодательству // Общество и право. 2016. № 3 (33). С. 69 – 74.
106. Кунов И. М. Об отдельных проблемах квалификации реабилитации нацизма (ст. 354¹ УК РФ) // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 5 (55). С. 118 – 123.
107. Лагодин А. В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Труды юридического факультета Ставропольского государственного университета. Вып. 13. Ставрополь, 2006. С. 102 – 105.
108. Левченко В. Ю. Юридические и социально-психологические основания криминализации // Общество: политика, экономика, право. 2009. № 1–2. С. 47 – 52.
109. Малиновский А. А. Способы осуществления права // Журнал российского права. 2007. № 3. С. 48 – 55.

110. Малько А. В. Право гражданина на информацию: необходимость, природа, гарантии реализации // Правоведение. 1995. № 3. С.12 – 20.
111. Москалев Г. Л. Проблема криминализации публичных призывов к совершению геноцида // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2014. № 6. С. 24 – 26.
112. Николаев А. М. Пределы криминализации деяний с учетом характера и степени общественной опасности (истоки и перспективы формирования новой теории) // Пробелы в российском законодательстве. 2008. №1. С.322 – 324.
113. Нудненко Л. А. Конституционно-правовая природа права личности на информацию // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 8. С. 26–29.
114. Оленников С. М. Пределы ограничения свободы слова средствами уголовного права: проблемы законодательной конструкции статьи 282 УК РФ // Адвокат. 2010. № 2. С. 77 – 85.
115. Осипов М. Ю. О некоторых проблемах использования уголовно-правовой техники на примере ст. 354¹ УК РФ «Реабилитация нацизма» // Юридическая наука. 2014. № 2. С. 86 – 91.
116. Павликовский В. И. Уголовно-правовые ограничения свободы слова в странах Содружества Независимых Государств // Legeasiviata. 2015. № 2/3. С. 74 – 78.
117. Плешаков А. М. Реабилитация нацизма: проблемы уголовно-правового регулирования // Реформирование законодательства в сфере противодействия преступности и проблемы его применения. Материалы межвузовского научно-методического семинара / отв. ред. М. Г. Жилкин. М., 2015. С. 68 – 71.
118. Плясунов В. В. Закрепление свободы слова в основных законах государств-членов Евразийского экономического союза // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 3. С. 19 – 21.

119. Пудовочкин Ю. Е. Злоупотребление свободой слова как средство посягательства на интересы государственной безопасности: криминологические аспекты // Российский криминологический взгляд. 2008. №3. С. 219 – 227.

120. Розенко С. В. Реабилитация нацизма: новые основания уголовной ответственности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3 (29). С. 80 – 85.

121. Сергун Е. П. Вопросы уголовно-правовой квалификации публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 3 (104). С. 220 – 226.

122. Смирнов А. А. Негативный контент: проблемы идентификации в контексте правового регулирования // Информационное право. 2015. № 2. С. 18–25.

123. Смолин С. В. Конкуренция уголовно-правовых и административно-деликтных норм, регламентирующих ответственность за нарушения в сфере миграционного учета // Уголовное право. 2016. № 2. С. 84–87.

124. Соловьев В. С. Проблемы применения законодательства, ограничивающего оборот криминогенной информации // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 3 (17). С. 66–71.

125. Соловьев В. С. Сложности уголовно-правовой оценки использования информационно-телекоммуникационных сетей при совершении преступлений // Библиотека уголовного права и криминологии. 2018. № 2 (26). С. 69–75.

126. Соловьев В. С. Преступность в социальных сетях интернета (криминологическое исследование по материалам судебной практики) // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 1. С. 60–72.

127. Спиридонова О. Е. Неопределённость уголовно-правового регулирования и её последствия (на примере ч. 3 ст. 354¹ УК РФ) // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XIV Международной научно-практической конференции (26-27 января 2017 г.). М., 2017 г. С. 537 – 541.

128. Сулопаров А. В. Соответствие норм Уголовного кодекса России принципу единства и определенности терминологии на примере терминов «информация», «сведения», «данные» // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 11. С. 94–98.

129. Травников Н. О. Соотношение права на информацию со смежными конституционными правами // Современное право. 2015. № 3. С. 58 – 62.

130. Фридинский С. Н. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // Юрист-правовед. 2008. № 4 (29). С. 67 – 71.

131. Хлебушкин А. Г. Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280¹ УК РФ): уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // Российский следователь. 2014. № 11. С. 25 – 29.

132. Шуйский А. С. Ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205² УК РФ) // Актуальные проблемы уголовного и уголовно-исполнительного права: Сборник научных статей. М., 2010. С. 65 – 73.

Диссертации и авторефераты диссертаций

133. Амрахов Н. И. Права и свободы человека и гражданина как объект уголовно-правовой охраны: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Амрахов Надир Исламзадеоглы. – М., 2006. – 176 с.

134. Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Антонов Анатолий Дмитриевич. – М., 2001. – 182 с.

135. Бармина О. Н. Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01 / Бармина Ольга Николаевна. – Киров, 2014. – 195 с.

136. Башаратьян М. К. Система конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации в сфере деятельности средств массовой информации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Башаратьян Михаил Карпович. – М., 2007. – 205 с.

137. Борисов С. В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дис. ...д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Борисов Сергей Викторович. – М., 2012. – 484 с.

138. Гайнутдинов Д. Р. Уголовная ответственность за посягательства на свободу массовой информации: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Гайнутдинов Дамир Равилович. – М., 2007. – 166 с.

139.Groшиков К. К. Уголовная ответственность за утаивание социально значимой информации: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Groшиков Кирилл Константинович. – М., 2009. – 165 с.

140. Гусарова М. В. Незаконный оборот порнографических материалов и предметов: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Гусарова Мария Викторовна. – Казань, 2010. – 262 с.

141. Дубровина М. А. Защита конституционного права на свободу мысли и слова в современной России: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.02 / Дубровина Марина Анатольевна. – Саратов, 2007. – 208 с.

142. Дурново Н. А. Злоупотребление правом как особый тип правового поведения: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01 / Дурново Наталья Александровна. – Н. Новгород, 2006. – 170 с.

143. Елизаров В. Г. Свобода массовой информации в Российской Федерации: конституционные основы и правовые ограничения: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.02 / Елизаров Василий Георгиевич. – М., 2002. – 189 с.

144. Жеребченко А. В. Уголовная ответственность за возбуждение ненависти или вражды: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08. / Жеребченко Аркадий Викторович. – М., 2009. – 230 с.

145. Зайцева С. Г. Злоупотребление правом как правовая категория: вопросы теории и практики: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01 / Зайцева

Светлана Геннадиевна. – Коломна, 2003. – 198 с.

146. Зарипов В. Г. Физическое и психическое принуждение в уголовном праве: понятие, виды, ответственность: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Зарипов Валерий Галимович. – М., 2007. – 240 с.

147. Каболов В. В. Преступления против мира и безопасности человечества: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Каболов Владислав Владимирович. – Ростов-на-Дону, 2002. – 202 с.

148. Калмыков Д. А. Информационная безопасность: понятие, место в системе уголовного законодательства РФ, проблемы правовой охраны: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Калмыков Дмитрий Александрович. – Ярославль, 2005. – 219 с.

149. Кичигина Т. Л. Право на информацию и свобода печати: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01 / Кичигина Татьяна Леонидовна. – М., 1992. – 154 с.

150. Корченкова Н. Ю. Становление теоретико-правовой концепции права на информацию: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01 / Корченкова Наталья Юрьевна. – Н. Новгород, 2000. – 197 с.

151. Красильникова Е.В. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ): вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Красильникова Елена Валерьевна. – Ярославль, 2007. – 204 с.

152. Куманьева Е. А. Принуждение в уголовном праве России: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Куманьева Елена Александровна. – М., 2012. – 215 с.

153. Кунашев А. А. Мотивы ненависти или вражды в уголовном праве России: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Кунашев Ашамаз Адальбиевич. – М., 2012. – 27 с.

154. Курманов А.С. Уголовное законодательство России об охране конституционных прав и свобод человека: сравнительно-правовое

исследование: дис. ...д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Курманов Альберт Сафуатович. – Екатеринбург, 2011. – 457 с.

155. Леньшин Д. И. Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Леньшин Дмитрий Иванович. – М., 2011. – 174 с.

156. Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен. дис. ...д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Малиновский Алексей Александрович. – М., 2009. – 404 с.

157. Малиновский А. А. Свобода массовой информации: дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.01 / Малиновский Алексей Александрович. – М., 1995. – 188 с.

158. Маурин В. С. Правовой анализ вредной информации в условиях информационного общества: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.14 / Маурин Владимир Сергеевич. – М., 2004. – 190 с.

159. Мачковский Л. Г. Преступления против конституционных прав человека и гражданина: проблемы теории и практики правового регулирования: дис. ...д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Мачковский Леонид Григорьевич. – М., 2005. – 432 с.

160. Милушева Т. В. Пределы и ограничения государственной власти (теоретико-правовое исследование): дис. ...д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Милушева Татьяна Владимировна. – Саратов, 2011. – 433 с.

161. Можегова А. А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по Уголовному праву Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Можегова Анастасия Анатольевна. – М., 2015. – 169 с.

162. Муратов М. Я. Право на свободу слова: история и современность: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01 / Муратов Марат Яшарович. – М., 2002. – 177 с.

163. Наумов А. Е. Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект: дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.01 / Наумов Александр Евгеньевич. – М., 2010.

– 144 с.

164. Опалич Е. В. Проблемы реализации международно-правовых норм, направленных на обеспечение мира и безопасности человечества, в уголовном законодательстве Российской Федерации: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Опалич Евгения Владимировна. – Томск, 2002. – 208 с.

165. Петрянин А. В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование: дис. ...д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Петрянин Алексей Владимирович. – Нижний Новгород, 2015. – 490 с.

166. Подмарев А. А. Конституционные основы ограничений прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.02 / Подмарев Александр Александрович. – Саратов, 2001. – 235 с.

167. Прохоров А. Ю. Политико-правовые технологии ограничения свободы слова в современных средствах массовой информации: на примере сети Интернет: дис. ...канд. юрид. наук: 23.00.02 / Прохоров Алексей Юрьевич. – Ростов-на-Дону, 2007. – 169 с.

168. Ратникова А. Е. Уголовно-правовое обеспечение права на информацию: сравнительно-правовое исследование: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ратников Анна Евгеньевна. – Владимир, 2006. – 202 с.

169. Саркисов Д. Н. Уголовно-правовые средства противодействия экстремистской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Саркисов Дмитрий Николаевич. – М., 2010. – 196 с.

170. Сайгашкин А. Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Сайгашкин Андрей Николаевич. – Саратов, 2006. – 244 с.

171. Султанова М. А. Преступность в сфере трудовых отношений: криминологическое региональное исследование: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Султанова Марина Арслановна. – Махачкала, 2013. – 177 с.

172. Тулин С. Н. Осуществление лицом служебной деятельности и выполнение общественного долга как объект уголовно-правовой охраны: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Тулин Сергей Николаевич. – М., 1998. – 157 с.

173. Шибзухов З. А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Шибзухов Заурбек Амурбекович. – М., 2012. – 181 с.

174. Щербович А. А. Конституционные гарантии свободы слова и права доступа к информации в сети Интернет: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.02 / Щербович Андрей Андреевич. – М., 2013. – 250 с.

175. Эктумаев А. Б. Свобода слова в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.02 / Эктумаев АлиханБесланович. – Пермь, 2012. – 197 с.

Иные источники и электронные ресурсы

176. Официальный сайт «Организации Объединенных Наций». [Электронный ресурс] // URL: <http://www.un.org>.

177. Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <http://www.duma.gov.ru>.

178. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cdep.ru>.

179. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. [Электронный ресурс] // URL: <http://genproc.gov.ru>.

180. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс] // URL: <https://mvd.ru>.

181. РБК [Электронный ресурс] // URL: <http://nn.rbc.ru>.

182. Новая газета. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.novayagazeta.ru>.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОВЕДЕННОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Социологическое исследование проводилось в период с ноября 2017 г. по апрель 2019 г. и охватило сразу несколько субъектов Российской Федерации (г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург, Тульская область, Воронежская область, Краснодарский край, Ставропольский край, Республика Дагестан).

Исследование проводилось по заранее разработанным анкетам.

Исследование проводилось дифференцированно по трем группам:

- 1) группа экспертов (18 судей, 26 прокуроров и их помощников, 83 сотрудников органов предварительного расследования и оперативных подразделений; 32 адвоката; 42 кандидата и 18 докторов юридических наук);
- 2) группа представителей СМИ (86 представителей СМИ);
- 3) граждане (55 респондентов в возрасте от 15 до 57 лет).

Результаты:

АНКЕТА № 1 «ЭКСПЕРТ»

1. Как Вы полагаете, в современных условиях является ли актуальным комплексная проработка вопросов уголовно-правовых гарантий права на свободу слова по законодательству Российской Федерации на уровне диссертационного исследования?		
<i>А) Да</i>	<i>Б) Нет.</i>	<i>В) Ваш вариант ответа.</i>
83%	12%	5%
2. Выскажите свою позицию о предлагаемом определении свободы слова как объекта уголовно-правовой охраны – <i>совокупность общественных отношений, связанных с реализацией естественного, гарантированного Конституцией Российской Федерации права на распространение в любой форме идей, мнений, убеждений и другой не запрещённой законом информации, а равно права на отказ от совершения указанных действий.</i>		
<i>А) Поддерживаю.</i>	<i>Б) Определение является неточным.</i>	<i>В) Ваш вариант ответа.</i>
68%	21%	11%
3. Согласны ли Вы с выводом, что отсутствие в отечественном уголовном		

законодательстве специального запрета на воспрепятствование реализации человеком конституционного права на свободу слова не соответствует основополагающему требованию международного стандарта в области свободы слова, касающегося обязанности государств всемерно и эффективно охранять свободу выражения мнения и информации от возможных нарушений и неправомерного вмешательства?		
<i>А) Да</i>	<i>Б) Нет.</i>	<i>В) Ваш вариант ответа.</i>
72%	7%	21%
4. Выскажите свою позицию о предлагаемом определении пределов криминализации злоупотребления права на свободу слова – <i>солидаризующиеся с требованиями общественной морали, а равно с картиной мира, сложившейся в общественном сознании, нормативно определённые границы (ограничения) вмешательства органов законодательной власти в сферу индивидуальной автономии личности, связанной с реализацией права на свободу слова, посредством признания деяния преступлением, закрепления его признаков в уголовном законе и установления наказания?</i>		
<i>А) Поддерживаю.</i>	<i>Б) Определение является неточным.</i>	<i>В) Ваш вариант ответа.</i>
52%	34%	14%
5. Согласны ли Вы с выводом, что по смыслу ст. 140 УК РФ под неправомерным отказом должностного лица в предоставлении информации следует понимать <i>направление заявителю сообщения по установленной форме об отказе в предоставлении запрашиваемой информации (материалов, документов) при соблюдении гражданином формы и порядка обращения за получением информации (материалов, документов) и при отсутствии специальных оснований для отказа в ее (их) предоставлении?</i>		
<i>А) Да</i>	<i>Б) Нет.</i>	<i>В) Ваш вариант ответа.</i>
78%	7%	15%
6. Согласны ли Вы с выводом, что составленные или собранные должностным лицом документы или материалы, содержащие <i>неполные либо заведомо ложные сведения</i> , необходимо рассматривать как средство совершения преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ?		
<i>А) Да</i>	<i>Б) Нет.</i>	<i>В) Ваш вариант ответа.</i>
57%	17%	26%
7. Согласны ли Вы с выводом, что в диспозиции ст. 140 УК РФ при описании общественно опасных последствий отказа в предоставлении гражданину информации следует указать на <i>«существенное нарушение прав и законных интересов гражданина»?</i>		
<i>А) Да</i>	<i>Б) Нет.</i>	<i>В) Ваш вариант ответа.</i>

92%	6%	2%
8. Выскажите свою позицию о предлагаемой новой редакции ст. 140 УК РФ: «Статья 140. Отказ в предоставлении информации 1. Неправомерный отказ в предоставлении собранных в установленном порядке документов и материалов, непосредственно затрагивающих права и свободы лица, либо предоставление заведомо неполной или ложной информации, если эти деяния повлекли существенное нарушение прав и законных интересов граждан, - наказываются штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от двух до пяти лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет. 2. То же деяние, совершенное лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления, - наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового. 3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они: а) сопряжены с сокрытием правонарушений, совершенных должностными лицами органов государственной власти; б) совершены группой лиц по предварительному сговору; в) повлекли тяжкие последствия, - наказываются лишением свободы на срок до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет».		
А) Поддерживаю.	Б) Редакция является неточной, требует доработки.	В) Ваш вариант ответа.
58%	31%	11%
9. Согласны ли Вы с выводом, что воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста путем принуждения к отказу от распространения информации имеет два самостоятельных смысловых значения: 1) принуждение журналиста к отказу от распространения конкретной информации; 2) принуждение к отказу от законной профессиональной деятельности журналиста в целом?		
А) Да	Б) Нет.	В) Ваш вариант ответа.
63%	21%	16%
10. Согласны ли Вы с выводом, что обязательным признаком субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, является специальная цель – добиться распространения журналистом определенной информации		

либо отказа от такого распространения. В тех случаях, когда применение насилия к журналисту было обусловлено внезапно возникшей неприязнью, в том числе в связи с выполняемой им профессиональной деятельностью, и лицо не стремилось фактически завладеть тем или иным материалом, не высказывало требований прекратить осуществление видеосъемки и т.п., содеянное следует квалифицировать как преступление против жизни или здоровья в зависимости от наступивших последствий?		
<i>А) Да</i>	<i>Б) Нет.</i>	<i>В) Ваш вариант ответа.</i>
84%	11%	5%
11. Принимая во внимание, что объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 144 УК РФ, охватывает лишь действия, связанные с уничтожением или повреждением имущества, согласны ли Вы с выводом, что действия, выразившиеся в противоправном открытом изъятии журналистского оборудования, требуют самостоятельной уголовно-правовой оценки по ст. 161, 162 УК РФ в зависимости от конкретных фактических обстоятельств?		
<i>А) Да</i>	<i>Б) Нет.</i>	<i>В) Ваш вариант ответа.</i>
92%	4%	4%
12. Выскажите свою позицию о предлагаемой новой редакции ст. 144 УК РФ: «Статья 144. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста 1. Вмешательство в какой бы то ни было форме в законную профессиональную деятельность журналиста в целях воспрепятствования распространению информации либо принуждения к распространению информации - наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года. 2. То же деяние, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, - наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо лишением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового. 3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, соединенные с насилием над журналистом или его близкими либо с повреждением или уничтожением их имущества, а равно с угрозой совершения таких действий, - наказываются принудительными работами на срок до пяти лет или лишением свободы на срок до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового».		
<i>А) Поддерживаю.</i>	<i>Б) Редакция является неточной, требует доработки.</i>	<i>В) Ваш вариант ответа.</i>

72%	21%	7%
13. Выскажите свою позицию о предлагаемой новой редакции ст. 140¹ УК РФ: «Статья 140¹. Воспрепятствование осуществлению права на свободу слова 1. Незаконное воспрепятствование осуществлению права на свободу слова, если это деяние совершено лицом с использованием своего служебного положения либо под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких, - наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо лишением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового. 2. То же деяние, совершенное в отношении блогера, - наказываются обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до трех лет либо лишением свободы на срок до трех лет. 3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные группой лиц по предварительному сговору либо с применением насилия, - наказываются принудительными работами на срок до пяти лет или лишением свободы на срок до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового».		
А) Поддерживаю.	Б) Редакция является неточной, требует доработки.	В) Ваш вариант ответа.
72%	21%	7%

АНКЕТА № 2 «ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СМИ»

1. Осведомлены ли Вы о наличии уголовной ответственности за вмешательство в осуществление законной профессиональной деятельности журналиста (статья 144 Уголовного кодекса Российской Федерации)?		
А) Да	Б) Нет.	В) Ваш вариант ответа.
100%	-	-
2. Сталкивались ли Вы в своей профессиональной деятельности с фактами неправомерного вмешательства путем принуждения к распространению информации либо отказу от распространения информации?		

А) Да		Б) Нет.	В) Ваш вариант ответа.
52%* (*представлено усредненное значение; в зависимости от стажа работы анкетированные показали разные данные. См. стр. 88 диссертации)		48%*	-
3. Будете ли Вы обращаться в правоохранительные органы, если столкнётесь с ситуацией принуждения к распространению информации либо отказу от распространения информации?			
А) Буду в любом случае.	Б) Нет, не буду в любом случае.	В) Буду, но только при наличии реальной угрозы насилия, в том числе в отношении близких.	Г) Ваш вариант ответа.
5%	-	92%	3%
4. Считаете ли Вы оправданным установление наказания в Уголовном кодексе РФ за незаконное воспрепятствование осуществлению права на свободу слова в отношении любого гражданина, если это деяние совершено лицом с использованием своего служебного положения либо под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких?			
А) Да	Б) Нет.	В) Ваш вариант ответа.	
93%	2%	5%	
5. Осведомлены ли Вы о наличии уголовной ответственности должностного лица за неправомерный отказ в предоставлении гражданину информации, материалов или документов, затрагивающих его права и свободы (статья 140 Уголовного кодекса Российской Федерации)?			
А) Да	Б) Нет.	В) Ваш вариант ответа.	
94%	6%	-	
6. Сталкивались ли Вы с фактами, когда должностное лицо официально отказывало в предоставлении значимой для Вас информации, материалов или документов?			
А) Да	Б) Нет.	В) Ваш вариант ответа.	

79%	21%	-
7. При наступлении каких негативных последствий такого отказа Вы бы обратились в правоохранительные органы с заявлением о преступлении?		
<i>А) Не стал бы обращаться в любом случае.</i>	<i>Б) Если бы по причине такого отказа я был уволен или не смог устроиться на желаемую работу; не смог реализовать право на получение льготы; если бы такой отказ повлек причинение мне значительного имущественного ущерба, в том числе в виде упущенной выгоды.</i>	<i>В) Ваш вариант ответа.</i>
-	88%	12%

АНКЕТА № 3 «ГРАЖДАНИН»

1. Сталкивались ли Вы с фактами преследования, критики, угроз или насилия в свой адрес в связи либо по поводу реализации Вами права на свободу слова?		
<i>А) Да</i>	<i>Б) Нет.</i>	<i>В) Ваш вариант ответа.</i>
34%	53%	13%
2. Считаете ли Вы оправданным установление наказания в Уголовном кодексе РФ за незаконное воспрепятствование осуществлению права на свободу слова, если это деяние совершено лицом с использованием своего служебного положения либо под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких?		
<i>А) Да</i>	<i>Б) Нет.</i>	<i>В) Ваш вариант ответа.</i>
93%	2%	5%
3. Осведомлены ли Вы о наличии уголовной ответственности должностного лица за неправомерный отказ в предоставлении гражданину информации, материалов или документов, затрагивающих его права и свободы (статья 140 Уголовного кодекса Российской Федерации)?		
<i>А) Да</i>	<i>Б) Нет.</i>	<i>В) Ваш вариант ответа.</i>
12%	73%	15%
4. Сталкивались ли Вы с фактами, когда должностное лицо <i>официально</i>		

отказывало в предоставлении значимой для Вас информации, материалов или документов?		
<i>А) Да</i>	<i>Б) Нет.</i>	<i>В) Ваш вариант ответа.</i>
23%	44%	33%
5. При наступлении каких негативных последствий такого отказа Вы бы обратились в правоохранительные органы с заявлением о преступлении?		
<i>А) Не стал бы обращаться в любом случае.</i>	<i>Б) Если бы по причине такого отказа я был уволен или не смог устроиться на желаемую работу; не смог реализовать право на получение льготы; если бы такой отказ повлек причинение мне значительного имущественного ущерба, в том числе в виде упущенной выгоды.</i>	<i>В) Ваш вариант ответа.</i>
12%	73%	15%
6. Осведомлены ли Вы о наличии уголовной ответственности за вмешательство в осуществление законной профессиональной деятельности журналиста (статья 144 Уголовного кодекса Российской Федерации)?		
<i>А) Да</i>	<i>Б) Нет.</i>	<i>В) Ваш вариант ответа.</i>
53%	47%	-